

МАРШАЛ ГОВОРОВ

МАРШАЛ ГОВОРОВ

МАРШАЛ
ГОВОРОВ

Б. В. БЫЧЕВСКИЙ

МАРШАЛ ГОВОРОВ

Ордена Трудового Красного Знамени
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
МОСКВА—1970

9(с) 27(092)
Б95

ОТ АВТОРА

В военных кругах еще задолго до того, как стать известным полководцем, Леонид Александрович Говоров слыл необщительным человеком с нелегким характером. Редко кто мог похвастаться, что видел его улыбающимся, и почти никто — смеющимся. Одни отзывались — «сухарь», другие — «молчун», но почти все — «светлая голова».

Ушел он из жизни рано, 58 лет. Однако его жизнь прошла через многие большие события.

Труд для защиты социализма с оружием в руках стал для Говорова главным содержанием жизни, по существу, ее целью. Но труд этот именуется также и наукой, и искусством. Говоров, как и некоторые другие наши современники, был человеком именно такого труда.

Вероятно, по этой причине военно-биографический очерк о нем трудно, может быть, и невозможно писать однопланово. Жизнь, труд, служебная карьера, а значит, и судьбы военных в большей степени, чем у людей других профессий, пересекаются и взаимовоздействуют. Кроме того, их судьбы становятся особенно яркими в грозовые годы войн, когда события развиваются в стремительном темпе.

Б. В. БЫЧЕВСКИЙ

«МАРШАЛ ГОВОРОВ»

Ордена Трудового Красного Знамени ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
МОСКВА —1970

В военных кругах еще задолго до того, как стать известным полководцем, Леонид Александрович Говоров слыл необщительным человеком с нелегким характером. Годно кто мог похвастаться, что видел его улыбающимся, и почти никто — смеющимся. Одни отзывались — «сухарь», другие — «молчун», но почти все — «светлая голова».

Ушел он из жизни рано, 58 лет. Однако его жизнь прошла через многие большие события.

Труд для защиты социализма с оружием в руках стал для Говорова главным содержанием жизни, по существу, ее целью. Но труд этот именуется также и наукой, и искусством. Говоров, как и некоторые другие наши современники, был человеком именно такого труда.

Вероятно, по этой причине военно-биографический очерк о нем трудно, может быть, и невозможно писать однопланово. Жизнь, труд, служебная карьера, а значит, и судьбы военных в большей степени, чем у людей других профессий, пересекаются и взаимовоздействуют. Кроме того, их судьбы становятся особенно яркими в грозовые годы войн, когда события развиваются в стремительном темпе.

Обычно, повествуя о примечательных людях, правомерно начинают с дней их детства, юности. Но в этой книге не менее правомерным будет отступление от такого правила.

Леониду Александровичу Говорову минуло 45 лет, когда ход событий привел его в те места, где в юности произошел первый крутой поворот в его судьбе. Их было порядочно, крутых поворотов, к ним мы еще вернемся, но начнем все же с Ленинграда, осажденного немецко-фашистскими войсками. Туда ранней весной 1942 года летел генерал-лейтенант артиллерии Говоров.

Глава ПЕРВАЯ
В ЛЕНИНГРАДЕ ВЕСНОЙ 1942 ГОДА

Ночи стали почти белыми. Однако и к пяти часам утра в Смольном еще зашторены окна. Человеку, не искушенному в военной маскировке, весь квартал Смольного снаружи покажется группой нежилых зданий с примкнувшим пустынным парком. Стены и кровли домов окрашены в несколько контрастных тонов, и поэтому их характерные контуры стали неприметными. Входная аллея и подъезд к Смольному перекрыты маскировочными сетями на высоких столбах. На сетках нашита пятнами серая и белая мешковина. Этот камуфляж от воздушного наблюдения скоро сменится на зеленый.

Около Смольного в этот час тихо, безлюдно. Да и в самом здании, в его длинных, по-старинному гулких коридорах не заметишь напряжения, свойственного обычно крупному командному пункту. Тихо сменяются часовые па лестничных клетках и у некоторых дверей, неторопливо как будто проходят командиры с картами, телеграфными лентами.

За этим строгим спокойствием не каждый уловит беспокойный, бессонный пульс командного пункта осажденного Ленинграда. Здесь под одной крышей расположены и штаб фронта, и обком, и горком партии, и горисполком. Линии связи из Смольного идут и в штабы армий, дивизий по кольцу блокады, и в партийные комитеты заводов, и в партизанские отряды в тылу у фашистов. В Смольном на учете каждый килограмм хлеба, доставленный населению и солдатам по ладожской Дороге жизни. Через Смольный осажденный город Ленина связан с Москвой, со всей Родиной.

Вот по этой причине и четыре-пять часов утра лишь условно можно, считать концом рабочего дня штаба. А может быть, и началом... Обычно в это время начальник штаба фронта генерал-лейтенант Дмитрий Николаевич Гусев и начальник артиллерии полковник Георгий Федотович Одинцов докладывают члену Военного совета Андрею

Александровичу Жданову оперативную сводку за истекшие сутки.

Так было и в двадцатых числах апреля 1942 года. У Жданова несколько болезненное, слегка отекшее лицо, его сильно мучает астматический кашель. Временами он закуривает специальную лечебную папиросу: становится как будто легче.

Генерал Гусев, докладывая обзор боевых донесений войск, особо выделяет те места, где говорится о количестве немецко-фашистских солдат и офицеров, уничтоженных снайперами-истребителями в различных дивизиях фронта.

Жданов делает временами пометки в маленькой записной книжке.

Внимание и начальника штаба и члена Военного совета к боевой деятельности снайперов — не мелкий штрих для оценки обстановки на переднем крае блокады города. Конечно, артиллерийские снаряды берегут, как хлеб, выдают дивизиям и учитывают почти поштучно, однако размах снайперского движения связан не только с экономией снарядов в осажденном городе. Немецкие фашисты вызвали такую форму истребительной войны бесчисленными злодеяниями по отношению к мирному населению города и оккупированных районов.

Истребительное движение зародилось под Ленинградом в декабре как немедленный отклик на призыв партии к народу и армии истребить оккупантов, вторгшихся на территорию нашей Родины. Еще в конце января 1942 года Военный совет фронта докладывал Центральному Комитету партии, что на 20 января свыше 4200 бойцов, командиров и политработников включилось в боевое соревнование по уничтожению немецких фашистов. «...За 20 дней января, — говорилось в телеграмме, — участниками боевого соревнования — истребителями уничтожено более 7000 немецких солдат и офицеров» [1].

[1] *Ордена Ленина Ленинградский военный округ, Военно-исторический очерк. Леаиздат, 1968, стр. 288.*

Спустя еще месяц, 22 февраля, Военный совет провел и Ленинграде фронтовой слет снайперов. Обращаясь к его участникам, Жданов призвал сделать снайперское движение

массовым. И оно стало таким. В каждом полку под Пулково, Колпино, на Неве, под Ораниенбаумом и в партизанских отрядах велся точный учет смертельных выстрелов. Личный счет расплаты с фашистами за их злодеяния на русской земле хотел иметь каждый боец.

Пленные немецкие солдаты на допросах стали рассказывать, что их глубокие траншеи теперь загажены, потому что все боятся ходить в отведенные отхожие места: «дна высунешь голову — пуля в лоб. У них ходят слухи о какой-то легендарной дивизии охотников-сибиряков, прибывшей под Ленинград: они попадают белке в глаз.

На самом деле снайперы Ленинграда — вчерашние народные ополченцы. Ярчайший пример беззаветного мужества и глубокой народной ненависти к фашистским оккупантам показал один из зачинателей истребительной войны под осажденным Ленинградом, восемнадцатилетний каменщик Феодосий Смолячков. С 19 октября 1941 года по 15 января 1942 года, до дня, когда он погиб, Феодосий уничтожил из своей снайперской винтовки 125 фашистских оккупантов, израсходовав на них 126 патронов. 6 февраля 1942 года Смолячкову посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

Сотни последователей родил подвиг этого народного героя. Весной на вылазки за передний край обороны для точного снайперского огня в полках и дивизиях выходили уже отделения и взводы. Донесения о их боевых действиях шли в Смольный каждый день.

Но и другие, еще более характерные для этих дней, проблемы вызывают большое внимание члена Военного совета фронта.

— Что у вас сегодня нового, товарищ Одинцов? — обращается Жданов к начальнику артиллерии.

— Немцы явно меняют метод осадного огня по городу, Андрей Александрович...

— А именно?

— Сегодня опять по Свердловскому району они выпустили за десять минут огневого налета сто один тяжелый снаряд и все — по заводу «Севкабель».

— Третий раз подряд?

— Да. Мы полагаем, что прежняя тактика бессистемного огня по разным улицам и зданиям сменилась тактикой сосредоточенных и более методических ударов.

— Разрушать город по клеткам? По графику? Да, такая изуверская педантичность сейчас вероятна. И ваши меры?

— Ускорить переход к активной борьбе с их осадными орудиями, Андрей Александрович. Это пока единственный способ в нашей позиционной обороне.

— И следовательно, потребуется в два-три раза больше снарядов для наших дальнобойных орудий?

Эта тема разговоров Жданова и Одинцова — не только сегодняшнего дня.

В январе немцы выпустили по городу 2696 снарядов, в феврале 4771, в марте 7380, а всего с декабря по март в Ленинграде разорвалось 20 817 снарядов. В результате за этот период 519 ленинградцев было убито и 1447 ранено. [1]

[1] См. А. В. Карасев. Ленинградцы в годы блокады. М., изд-во Академии наук СССР, 1959, стр. 219.

Судя по этим цифрам и по анализу характера осадного огня, угроза населению, зданиям и промышленным предприятиям города в апреле продолжает возрастать.

Жданов задает Одинцову еще ряд вопросов, уточняя специфические детали контрбатарейной борьбы, делая пометки в своей записной книжке. Переход нашей артиллерии к таким дуэлям, в итоге которых уничтожались бы осадные батареи немцев, требует по крайней мере 10—12 тысяч снарядов тяжелых калибров ежемесячно. А Ленинград получил в феврале и в марте по 2,5 тысячи. Одинцов предлагает не только просить у Ставки больше снарядов, но и послать солдат на те заводы Ленинграда, откуда эвакуированы рабочие. Допустим, пошлем... А электроэнергия? Единственная действующая 5-я ГЭС, еще подающая крохи тока для выпечки хлеба и других самых насущных нужд, сама давно стоит под прицельным огнем осадной артиллерии немцев. Они-то знают, что там находится последний энергоисточник города.

Жданов опять листает записную книжку, пытаясь выискать в ней, можно ли откуда-нибудь снять тысячу-две киловатт энергии для производства в городе тяжелых снарядов...

Телефонный звонок прерывает разговор Жданова с Гусевым и Одинцовым: из штаба МПВО передают — только что к городу прорвалась группа немецких бомбардировщиков. Это уже слышно и в кабинете: оконные стекла своим дребезжанием на разные тона словно отмечают расстояние до места разрыва бомб.

А потом следует еще один телефонный разговор Жданова — с командующим фронтом генерал-лейтенантом Хозиным. Тот сейчас в войсках за линией блокады, на восточном берегу Ладожского озера. Сложная там обстановки. Всю зиму 54-я армия генерала Федюнинского и войска Волховского фронта генерала Мерецкова пробивались к блокированному Ленинграду. Теперь весенняя распутица полностью сковала боевые действия наших войск, у Федюнинского нет никакого продвижения. И еще хуже — нависла угроза 2-й ударной армии на западном берегу роки Волхов: противник стремится отрезать ее от главных сил Волховского фронта.

Жданов медленно кладет телефонную трубку, закончив разговор с Хозиным. Гусев и Одинцов замечают, как сильное набрякли, потяжелели веки у Жданова. Пальцы тихо постукивают по карте, где отмечены последние данные об осадном огне по городу.

...Еще долго после ухода Гусева и Одинцова в кабинете члена Военного совета горит свет и остаются зашторенными окна.

Думается о многом. В том числе о решении, которое вчера принято Ставкой по дальнейшим проблемам борьбы за Ленинград: об объединении Ленинградского и Волховского фронтов в единый фронт. И в связи с этим о назначении в Ленинград заместителем командующего генерал-лейтенанта артиллерии Говорова.

Для Жданова это новый и малознакомый человек...

Сам Жданов занимал особое положение в Военном совете фронта, будучи не только первым секретарем обкома и горкома партии, но и членом Политбюро ЦК. Сфера деятельности была огромна. В Ленинградскую область входили Псковщина и Новгородщина, обком нес ответственность за хозяйственное развитие Крайнего Севера, за подготовку сухопутного и морского театров военных действий округа и флотов — Балтийского и Северного.

В предвоенные годы мимо внимания Жданова не проходило, естественно, ни одно более или менее значительное событие во внутрипартийной и административной жизни города и области. В грозный период начала войны он вместе с маршалом К. Е. Ворошиловым, затем с генералом Г. К. Жуковым нес ответственность за военно-политическое руководство боевыми действиями под Ленинградом. Достаточно хорошо Жданов знал Мерецкова и Хозина, командовавших войсками Ленинградского округа еще в 1938 и 1939 годах. Генерал-лейтенант Михаил Семенович Хозин вступил в командование фронтом в октябре 1941 года, после того как генерал Жуков был отозван Ставкой в Москву для руководства войсками, оборонявшими столицу. В эти наиболее тяжелые месяцы блокады города, когда генерал Хозин находился за Ладогой, пытаясь прорвать блокаду извне, Жданов, по существу, руководил через начальника штаба генерала Гусева и боевой деятельностью войск, находившихся в кольце блокады.

Теперь приезжает генерал Говоров. Артиллерист. Жданов помнит его, как преподавателя Артиллерийской академии, приезжавшего зимой 1939 года, во время финской кампании. У этого человека сложное прошлое...

Каков он сейчас, этот беспартийный генерал артиллерист? Кем здесь будет? Специалистом по борьбе с осадной артиллерией немцев или больше? Он ведь прибывает как командующий всей группой войск, обороняющих город, с правами заместителя Хозина.

В разговоре о назначении Говорова Сталин сказал Жданову, что этот артиллерист неплохо показал себя в должности командующего армией в зимних сражениях под

Москвой. И Жуков дал ему хорошую оценку. Кто-кто, а Георгий Константинович не щедр на похвалу...

Совсем ушла апрельская ночь. Нужен хотя бы короткий сон. Но к Жданову еще заходит секретарь горкома партии Алексей Александрович Кузнецов. Он второй член Военного совета фронта. Надо обменяться мнениями по проблеме не менее острой, чем снаряды для дальнобойной артиллерии. Весна, угрожая эпидемией, продолжает вскрывать отбросы огромного города, лишенного канализации, водопровода, электроэнергии.

С 27 марта по 15 апреля горком партии и горисполком организовали и провели двухнедельник по очистке города. Специальным постановлением было мобилизовано все трудоспособное население. Горожане, неимоверно ослабевшие зимой от голода, вышли из насквозь Промерзших домов, очищали дворы и улицы от снега, смерзшегося с грязью и отбросами. Этот слой достигал метра, его долбили ломами и кирками, тяжелый инструмент падал из рук. Но ленинградцы вновь и вновь брались за работу. Вначале им под силу было тянуть лишь детские санки и фанерные листы с кучками снега. В снегу обнаруживались и незахороненные тела, занесенные зимними метелями.

Борьбу с, угрозой эпидемии надо продолжать. Жданов и Кузнецов подсчитывают и решают, где и сколько можно дополнительно сформировать отрядов из коммунистов и комсомольцев, чтобы возглавить работы 300 тысяч ленинградцев, готовых на все для восстановления жизни города.

И еще одну проблему надо решать членам Военного сонета... 21 апреля отдан приказ прекратить грузовое движение по быстро таящему льду ладожской Дороги жизни. Пора переключить усилия и на подготовку к весенней навигации по Ладоге. Сколько еще предстоит вывезти из Ленинграда населения? И сколько вывезти бездействующих на заводах станков, так необходимых сейчас там, на Большой земле... Все это задачи, требующие детально разработанного плана, как и боевые операции войск. Партийная организация города должна выполнить их организованно, как бы сложны они не были...

НАЗНАЧЕНИЕ ГОВОРОВА

Говоров летел в Ленинград. Он еще чувствовал боли после только что перенесенной операции аппендикса, но на приеме у Сталина тот со свойственной ему проницательностью упредил скрытые сомнения Говорова, встретив его словами, что и в осажденном Ленинграде есть превосходные врачи, они быстро долечат генерала на месте.

Лидия Ивановна, узнав о внезапном назначении мужа, с ужасом представила себе окруженный фашистами город, где вот уже почти год снаряды и бомбы рвутся на улицах и в домах. А кто-то из знакомых сказал ей недавно, что зимой там умирало людей больше от голода, чем от снарядов. Ужас... Но Лидия Ивановна очень хорошо знала, что даже намеком нельзя высказать мужу этот свой женский «ужас-ужас». Он будет молча и хмуро разминать свои пальцы, — значит, не получится задушевного разговора, так необходимого ей сейчас. И потом, судя по всему, он весь полон своих дум о предстоящем, о доверии партии, о той ответственности, которая легла на него.

Что делать... Теперь, как и осенью, во время сражения у самой Москвы, ее удел — напряженно слушать радио и ждать его писем, всегда таких теплых, заботливых. Сыну Владимиру восемнадцатый год... Он просит отца отпустить его на фронт. Отец понимает и ее и Володю. «Ты хочешь воевать с фашистами немедленно?—пишет он ему. — Но подумай о большей пользе от тебя для армии. Ведь ей нужны грамотные в военном отношении командиры. Пройди хотя бы короткий курс подготовки...» Отцу хочется, чтобы Владимир стал, как он, артиллеристом. А матери? Ее думы и проще, и сложней. Остались бы живы оба...

Самолет Говорова уже над Ладогой. Огромное пространство покрыто еще льдом, но Говоров видит много темнеющих промоин. Заметна и трасса Дороги жизни, о которой он много слышал в Москве. Только слышал. Теперь видит. Кончились, видимо, последние дни ее легендарной зимней работы. Сегодня он узнает точно, какие запасы для населения и войск удалось создать с помощью этой коммуникации-нитки. Сверху кажется — как легко ее порвать! Привычный глаз отметил под крылом самолета четко

видимые склады на западном берегу озера, скопление там вагонов. «...Маскировка могла бы быть и лучше, — мысленно сделал он кому-то выговор. — Бомбят, вероятно, редко...»

Молчаливо развертывалась внизу панорама осажденного города. Она воспринималась и умом военного, и сердцем русского человека.

С севера — темное море лесов Карельского перешейка. Там финская армия Маннергейма. Она подошла к самому Сестрорецку. С юга — 18-я немецко-фашистская армия из группы армий «Север».

В Петергофе, Стрельне, Пушкине, Гатчине и по Неве до самого Шлиссельбурга — всюду вокруг города и на глубину 400 километров к Прибалтике — немецкие дивизии. Под стенами города осадные батареи. Сколько их разрушает сейчас город?.. Город его былых стремлений, надежд, бесконечно далеких сейчас и все же возникающих к памяти. Здесь когда-то он хотел найти свое призвание и место в жизни; здесь судьба привела его к военной профессии; и вот теперь она возвращает его в город Ленина, к людям, чей подвиг потрясает мир.

Мысль возвращается к короткой беседе у Верховного Главнокомандующего перед отлетом. Сталин сказал немного слов, и они прочно легли на свое место, словно фундамент. «...Не допустить разрушения Ленинграда осадной артиллерией немцев; превратить Ленинград в абсолютно неприступную крепость; накопить силы внутри блокады для будущих наступательных операций» — так запомнились эти слова Леониду Александровичу.

Этим трем тезисам были подчинены все мысли Говорова, когда он сошел с самолета в Ленинграде.

Назначение Говорова нельзя не связать с событиями па внешних линиях блокады Ленинграда минувшей зимой и в марте-апреле. Хроника происходившего в тот период выглядит следующим образом.

После перехода советских войск в контрнаступление и начавшегося разгрома главной ударной группировки немцев под Москвой 5—6 декабря 1941 года наступил перелом и в сражении под Тихвином. 9 декабря 4-я армия под

командованием генерала армии К. А. Мерецкова, подчинявшаяся непосредственно Ставке Верховного Главнокомандования, разгромила в ожесточенных боях гитлеровцев в районе Тихвина, овладела городом и начала преследовать противника, отходившего в западном и юго-западном направлениях тем самым была ликвидирована угроза соединения немецко-фашистских и финских войск на реке Свирь, т. е. создания второго кольца блокады вокруг Ленинграда.

11 декабря Ставка приняла важное решение — образовать с 17 декабря новый, Волховский фронт. Командующим был назначен генерал армии К. А. Мерецков. Он и командование Ленинградского фронта (генерал-лейтенант М. С. Хозин и А. А. Жданов) были вызваны перед этим в Москву.

17—18 декабря Ставка дала директиву Волховскому, Ленинградскому фронтам и правому крылу Северо-Западного фронта разгромить группу армий «Север» и деблокировать Ленинград. Замысел операции заключался в том, чтобы ударом центра Волховского фронта с рубежа реки Волхов в северо-западном направлении во взаимодействии с войсками Ленинградского фронта отрезать группировку противника на мгинском выступе и уничтожить ее. В то же время войска Северо-Западного фронта должны были овладеть Старой Руссой, а в дальнейшем ударом на Дно и Сольцы во взаимодействии с войсками Волховского фронта отрезать противнику пути отхода со стороны Новгорода и Луги.

Главная роль в операции по снятию блокады с Ленинграда отводилась Волховскому фронту. Он получал из резерва Ставки значительное усиление войсками и боевой техникой, в том числе две новые армии. В его состав входили теперь 4, 59, 2-я ударная и 52-я армии. Часть сил Ленинградского фронта, находившаяся южнее Ладожского озера (8-я и 54-я армии), примыкая к правому флангу Волховского фронта, должна была наносить удар в направления Тосно, окружить и уничтожить во взаимодействии *с* войсками Волховского фронта любанско-чудовскую группировку немцев. Войска, располагавшиеся на блокированной территории (42, 23, 55-я армии и Приморская

оперативная группа под Ораниенбаумом), получили задачу содействовать общему наступлению и в свою очередь перейти в наступление в южном направлении, как только войска Волховского фронта достигнут рубежа Красное Село, Бегуницы.

Таким образом, общий замысел деблокады Ленинграда зимой 1941/42 года строился на главных усилиях войск Волховского фронта. Следует отметить при этом, что в начале января 1942 года, а точнее 10 января, Ставка Верховного Главнокомандования приняла решение о широком наступлении на всем советско-германском фронте [1].

В послевоенных исторических трудах достаточно детально раскрыты причины, помешавшие деблокировать Ленинград в 1941—1942 годах. В данном очерке хотелось бы привести лишь некоторые моменты, изложенные в воспоминаниях непосредственных участников тех событий.

«В плане все было хорошо: и ясность цели и простота замысла. Не хватало только сил» В этих немногих слонах бывшего командующего Волховским фронтом Маршала Советского Союза Кирилла Афанасьевича Мерецкова заключена оценка положения на фронтах в тот период. Ставка наметила начало наступления войск Волховского фронта на 26 декабря. Но силы еще не были собраны, и по просьбе Мерецкова начало операции откладывается до 7 января 1942 года. Однако перенос срока, по мнению того же Мерецкова, повлек за собой другое — изменился характер задуманной операции. «Прорыв с ходу отпадал... Противник, использовав передышку, основательно закрепился...» [2]

Да, 7 января войска Волховского фронта, начав операцию, успеха не имели. Командующий попросил у Ставки еще три дня на подготовку. Ставка дала в два раза больше. Наступление возобновилось 13 января — и опять-таки еще до сосредоточения у Мерецкова всех намеченных планом дивизий и завершения материально-технического обеспечения его наличных сил. В своих воспоминаниях Маршал Советского Союза Мерецков объясняет такую торопливость стремлением ускорить помощь жителям Ленинграда, смертность которых от голода продолжала катастрофически возрастать.

Войска Волховского фронта и 54-я армия пробивались к Ленинграду через сильную и глубокую вражескую оборону. Пробивались по лесам и болотам, по бездорожью, при недостатке боеприпасов. Солдаты и командиры знали, хотя и не в полной мере, чего стоят ленинградцам каждые сутки голодной блокады. Летопись тех дней хранит тысячи беззаветных подвигов воинов, неизмеримы были их духовный подъем и физические усилия в желании разорвать кольцо блокады. Но если нет дорог, в глубоком, по пояс, снегу отстают пушки, снаряды, танки. Бывало, что атака пехоты и продвижение ее на 2—3 километра в первой половине дня к вечеру сменялось отходом на то же расстояние.

Недели и месяцы бои шли в районах одних и тех же сел и деревень, в глухомани лесов. Погостье... Смердыня... От деревенек с такими горькими древними названиями остались лишь черные головешки, но в сводках и на картах в штабах они продолжали именоваться населенными пунктами, где идут бои.

Так проходила зима на внешних линиях блокады Ленинграда.

В марте в районе поселка Мясной Бор, на рубеже реки Волхов, в сражение вводится 2-я ударная армия Волховского фронта. Ею командует генерал-лейтенант Н. К. Клыков. В самом начале прорыва достигается значительный успех, она вбивает глубокий клин во вражескую оборону. Но затем и эту армию постигают крупные неудачи. Наступая на Любань, она встречает у Октябрьской дороги ожесточеннейшее сопротивление и в своем дальнейшем продвижении отклоняется на запад, в бездорожные районы. Там противник позволил ей углубиться до 50 километров, и этот кажущийся успех обернулся опаснейшей угрозой. Фланги прорыва 2-й ударной армии не расширялись ни к Октябрьской железной дороге, ни к Новгороду. Бросив сюда крупные резервы, противник прочно удерживал Чудово — Любань — Тосно. Вскоре очертания линии фронта наступавшей 2-й ударной армии стали похожи на пузырь с узким горлом там, где начался ее прорыв, — в районе Мясного Бора.

Известны дальнейшие тяжелые последствия[3]. Тыловые коммуникации армии оказались зажатыми противником в самой горловине прорыва, создалась угроза ее полного окружения. К началу весенней распутицы наступательная операция затухла, и действия командования Волховского фронта были направлены на вызволение 2-й ударной армии из мешка.

И вот в этот период Ставка Верховного Главнокомандования приняла организационное решение, неожиданное, по современным свидетельствам, для командований Волховского и Ленинградского фронтов.

21 апреля командующего Ленинградским фронтом генерал-лейтенанта Хозина вызвали в Ставку. По его словам [4], причиной вызова явились неоднократно высказываемые км претензии к Ставке, что операция по снятию блокады Ленинграда проводится несогласованно, разрозненно войсками Ленинградского и Волховского фронтов. После его доклада об этом Сталину тот неожиданно предложил: в целях лучшего взаимодействия объединить оба фронта в один... Как вспоминает Хозин, никто в Ставке но возразил. А командующего Волховским фронтом для обсуждения этого предложения в Ставку не вызывали.

Объединение фронтов было оформлено директивой на другой же день. С 24.00 23 апреля единый фронт стал именоваться Ленинградским, с двумя группами войск: Ленинградской — внутри кольца обороны и Волховской — на его внешней линии. Командующим объединенным Ленинградским фронтом был назначен генерал Хозин. На пего возлагалось и руководство войсками Волховской группы. Генерал армии Мерецков отзывался в распоряжение Ставки.

Так произошла ликвидация Волховского фронта. Одновременно с реорганизацией фронтов генерал-лейтенант Хозин получил задание разработать и осуществить план вывода войск 2-й ударной армии из окружения.

Местом своего командного пункта Хозин избрал Малую Вишеру, где был до него Мерецков.

23 апреля в Ленинград командовать группой войск, непосредственно обороняющих город, назначается на правах

заместителя командующего фронтом генерал-лейтенант артиллерии Леонид Александрович Говоров.

Глава ВТОРАЯ
ДАЛЕКОЕ ПРОШЛОЕ

Село Бутырки бывшей Вятской губернии, ныне Кировской области. Там в крестьянской семье родился 22 февраля 1897 года Леонид Александрович Говоров.

Отец, Александр Григорьевич, не только крестьянствовал. Как и многие односельчане, он часто и подолгу уходил на побочные заработки по Каме, бурлачил, был матросом на пароходах, постепенно отходил от земли.

Грамотный, деятельный, повидавший свет, полюбивший книги, отец решил изменить судьбу семьи — подрастало уже четверо мальчишек — и к 1907 году перебрался в небольшой уездный городок Яранск, где поступил письмоводителем в землеустроительную комиссию, а через два года переехал в другой город, покрупнее, — Елабугу, тоже письмоводителем в местное, так называемое реальное училище. Это и определило дальнейшее образование сыновей.

Ныне город Елабуга — районный центр Татарской АССР, с педагогическим институтом и несколькими техникумами. В пору детства Леонида Говорова, в начале века, на 10,5 тысячи жителей в Елабуге имелись четыре начальных и одна ремесленная школа, духовное и реальное училища и женская шестиклассная прогимназия.

К двенадцати годам Леонид окончил четырехклассное ремесленное училище, и отец отдал его в семиклассное реальное. Такие средние учебные заведения имели в дореволюционной России цель (по уставу 1872 года) давать общее образование, приспособленное к практическим потребностям развивающегося буржуазного общества. В отличие от гимназий с так называемой классической системой образования, где зубрились, например, древние, или, как говорили, «мертвые», языки — греческий, латынь, в реальных училищах уклон был в сторону естественных и технических наук, математики. Преподавались там немецкий и французский языки. Стоимость обучения в реальном

училище к 1914 году доходила до 80 рублей в год. Следовательно, могли учиться в нем преимущественно дети чиновников и интеллигенции.

Елабуга отличался от многих других захолустных уездных городков старой России тем, что в 1570 году был удачно воздвигнут на взгорье над красавицей Камой — водным торговым путем с Урала в Сибирь. Среди первых поселенцев в этих краях, еще в XI веке, были новгородцы. В XVI веке на Каме создали свои знаменитые солеварни братья Строгановы.

Есть много интересного и в ранней, и в более поздней истории Елабуги. Здесь жила и писала свои воспоминания об Отечественной войне 1812 года первая в России девушка-офицер Надежда Дурова; здесь родился талант великого мастера лесного пейзажа Ивана Ивановича Шишкина; вблизи Елабуги, в селе Сарали (ныне Бехтереве), родился один из наиболее прогрессивных ученых начала XX века Владимир Михайлович Бехтерев. Через Елабугу шел маршрут политических ссыльных в Сибирь.

Уезд был хлебным, славился и льном, и разнообразными кустарными промыслами, и, конечно, умельцами — рогожниками, валяльщиками валенок, шорниками, столярами, кузнецами, портными, скорняками. Из 279 тысяч жителей уезда в начале века половину составляли вотяки (удмурты), татары, черемисы (марийцы), башкиры. Местные воротилы богатели, строя винокуренные и мыловаренные заводики, паровые мельницы, пароходы на Каме.

Говоров, будучи еще подростком, начал подрабатывать как репетитор неуспевающих учеников из зажиточных семей. Сам он учился отлично. Один из его однокашников по реальному училищу рассказывал, что Леонид терпеть не мог шпаргалок, подсказок. Это' даже отдаляло его от товарищей. О лентяях, с которыми занимался в чужих семьях за плату, он, откровенно злясь, отзывался — «бездельники». Кстати, этим словечком Говоров будет потом пользоваться при разных обстоятельствах.

Чем могли развлекаться подростки и юноши — дети чиновников, учителей, купцов — в захолустном городке с немощёными улочками, редкими керосиновыми фонарями на столбах, геранями и фикусами на подоконниках? Реалисты ухаживали за гимназистками, разучивали романсы под гитару, месяцами готовились к какому-нибудь балу-маскараду с танцами. Леонид Говоров, рослый и угловатый, малоразговорчивый, оставался обычно равнодушным к подобным развлечениям. Страстью его постепенно становились книги. Тянуло к знаниям. И с однокашниками он по-прежнему сходился трудно, закадычных друзей не было.

К окончанию семи классов училища им уже прочно овладела мечта о продолжении образования, об университете, об учебе в столице. Отец, прошедший путь от бурлака до канцелярского служащего, поддерживал мечту сына.

Шел 1916 год — третий год войны царской России с кайзеровской Германией. На фронт гнали уже не парней, а ополченцев и ратников второго и третьего разряда. Выпускники гимназисты и реалисты поступали в юнкерские (офицерские) училища. Леонида не прельщали шпоры, погоны, ухарство и военная карьера — он хотел знаний, хотел стать студентом, инженером-кораблестроителем. И поехал в Петербург, уже переименованный в Петроград.

Выдержан экзамен, он студент кораблестроительного отделения Политехнического института.

Война грубо вмешивается в его мечты. В декабре царское правительство проводит мобилизацию студентов, под нее попадает и Говоров. Как студента, его направляют в артиллерийское училище, и вот он уже юнкер Константиновского столичного училища. Штамповка офицеров для продолжения бойни идет быстрыми темпами — срок обучения студентов всего семь месяцев. Но та же война еще быстрее готовит давно зреющий социальный взрыв в России, и через два месяца юнкер Говоров становится очевидцем конца Российской империи.

Свержение сгнившего самодержавия, «царя-батюшки» и рождение новой, свободной, революционной России

принимается, как и почти всеми окружающими его товарищами — вчерашними студентами, с глубоким душевным подъемом, надеждой, верой в будущее Родины. Но Леонид с детства скуп в выражении своих эмоций. И главное, им далеко еще не понята значимость начавшегося размежевания классовых сил в революции. Он плоть от плоти полумещанской среды захолустья. Не успел он и надышаться революционным Петроградом: уже в июне 1917 года правительство Керенского, провозглосившее антинародную политику «войны до победного конца», производит юнкеров в офицеры. В какой-то степени свежеиспеченному подпоручику повезло: его не отправили на фронт, в кровавую мешанину последних боев, затеянных Временным правительством. Говоров едет в Сибирь младшим офицером в одну из частей Томского гарнизона — мортирную батарею. Не увидел и не пережил он также расстрела питерских рабочих на демострации 3 июля, на углу Невского и Садовой.

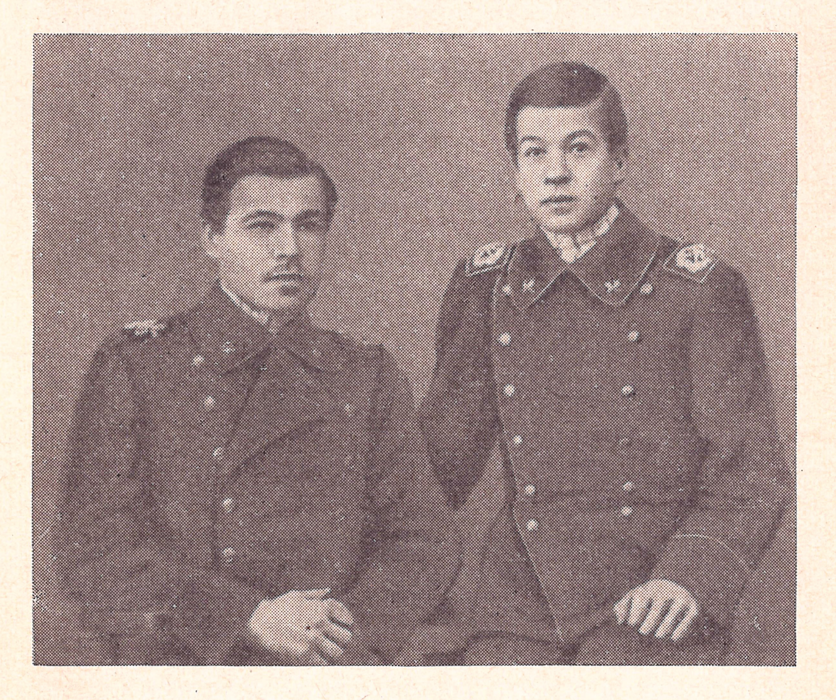
Так менее чем за год, на резком повороте исторических событий 1917 года, изменился намеченный было юношей Говоровым жизненный путь. Начинался новый этап. Впрочем, все в жизни России, в жизни миллионов людей становилось новым, неизведанным.

Сибирь встретила его уже развернутым фронтом борьбы различных партийных групп за влияние на народный массы.

В Томске, губернском городе с возрастом более трехсот лет, торгово-промышленном центре Западной Сибири, преобладало мелкобуржуазное коренное население — торговцы и купцы, мещане и чиновники; на 68 тысяч жителей приходилось 10 тысяч рабочих, разбросанных более чем по ста мелким фабрикам и заводикам. Основные кадры пролетариата были сосредоточены на угольных шахтах губернии — в Судженке, Анжерке, Кольчугино и на железнодорожных узлах. И одновременно Томск весной 1917 года имел военный гарнизон из 70 тысяч солдат — большей частью резервных и запасных полков.

Двоевластие, возникшее во всей стране после февральской буржуазной революции, выразилось в Томске созданием в первые же дни двух противоборствующих сил:

да правительство Керенского, провозгласившее антинародную политику «войны до победного конца», производит юнкеров в офицеры. В какой-то степени свежеиспеченному подпоручику повезло: его не отправили на фронт, в кровавую мешанину последних боев, затеянных Временным правительством. Говоров едет в Сибирь младшим

Леонид (слева) и Николай Говоровы. 1916 год

офицером в одну из частей Томского гарнизона — мортирную батарею. Не увидел и не пережил он также расстрела питерских рабочих на демострации 3 июля, на углу Невского и Садовой.

Так менее чем за год, на резком повороте исторических событий 1917 года, изменился намеченный было юношей Говоровым жизненный путь. Начинался новый этап. Впрочем, все в жизни России, в жизни миллионов людей становилось новым, неизведанным.

комитета общественного порядка и безопасности — органа Временного правительства, образованного городской думой, и Совета солдатских депутатов гарнизона, созданного по инициативе и под руководством старых большевиков-подпольщиков, бывших ссыльных из Нарымского края.

Совет рабочих депутатов был создан с некоторым запозданием, и там на первых порах большинство удалось захватить меньшевикам и эсерам, занимавшим половинчатую позицию по отношению к политике правительства Керенского. Некоторый вес имели студенты Томского университета и Технологического института, их было в городе не меньше, чем рабочих. Но и там на сходках в ряде случаев побеждали мелкобуржуазные взгляды на политику, классовую борьбу, отношение к войне.

Томская организация РСДРП к лету 1917 года насчитывала 500 членов партии и вела огромнейшую организационную и идеологическую работу по осуществлению ленинских Апрельских тезисов.

Совет солдатских депутатов гарнизона одним из первых в России, 5—8 марта, провел демократизацию в воинских частях: отменил титулование офицеров, упразднил институт денщиков, отдание чести вне службы; гарнизонный, полковые и ротные комитеты утверждали приказы командиров. И когда Керенский приказал отправить весь Томский гарнизон на фронт, Совет солдатских депутатов категорически отказался его выполнить. Немало солдат было отпущено на полевые работы в обезлюдевшие деревни; они организовывали там и крестьянские Советы.

Но уже все острее и острее происходило размежевание в единой вначале социал-демократической партийной организации Томска большевиков с меньшевиками, эсерами.

Расстрел рабочей демонстрации в Петрограде, означавший открытый военный вызов контрреволюции рабочему классу, отозвался в Томске массовыми демонстрациями; лозунг «Вся власть Советам!» стал конкретной, насущной задачей. А в буржуазной контрреволюционной среде города и офицерства началась

через печать и выступления яростная клеветническая травля Ленина и большевистских руководителей.

Младший офицер мортирной батареи Леонид Говоров приехал в Томск как раз в тот период, когда обстановку в городе лучше всего можно выразить словом «разлом». Вчерашний юнкер — студент, новичок в гарнизоне, он не был близок ни с солдатами, ни с кадровыми офицерами; пока ему представлялась одна сторона в окружающей его обстановке — начавшийся развал армии, насильственная служба в которой его вообще не привлекала.

И вот — новый, могучий Октябрьский взрыв событий... Телеграммы о вооруженном восстании пролетариата в Петрограде, откуда он только что уехал, о взятии власти большевиками, о которых он слышал больше небылиц, чем истины. Увы, он еще не в состоянии преодолеть свою сословную инертность на таких резких поворотах, его просто несет бурное течение событий.

Томский гарнизонный Совет солдатских депутатов немедленно встал на защиту власти Советов. 27 октября (9 ноября) исполком гарнизонного Совета издал приказ, в котором с предельной ясностью был дан ответ на воззвание Петроградского Военно-революционного комитета «К гражданам России!», написанное В. И. Лениным в 10 часов утра 25 октября (7 ноября) в Смольном.

Приказ по гарнизону краток. Он составлен и подписан большевиками — членами исполкома гарнизонного Совета. Его вынужден подписать и начальник гарнизона, полковник, который лишь на днях пытался запретить приказом агитацию против Временного правительства, теперь низверженного.

«„.Власть переходит в руки Советов депутатов.

Контрреволюция тоже мобилизует свои силы, чтобы разбить революцию, чтобы установить буржуазную диктатуру.

...Товарищи солдаты и офицеры! Наступает час решительной борьбы.

Каждый солдат и офицер, преданный делу революции, должен встать на защиту ее. Всякое наше бездействие и промедление погубит революцию и нас самих.

Только тот может быть активным борцом, кто будет находиться на своем посту» [5].

Гарнизонный Совет приказывал всем солдатам и офицерам с завтрашнего же дня быть на своих постах, находиться в казармах, вести усиленные строевые занятия. Каждый, не пожелающий подчиниться приказу, будет считаться изменником революции.

На другой же день солдаты мортирной и горной батарей гарнизона на своем митинге приняли резолюцию:

«Мы, солдаты горной и мортирной батарей, обсудив вопрос о событиях в Петрограде и принимая во внимание, что победа старого Временного правительства коалиционного состава привела бы к победе буржуазии и явилась бы крахом революции, — все единогласно постановили: Петроградскому революционному комитету оказать всемерную поддержку, вплоть до активного выступления против Временного правительства коалиционного состава и тех сил, на которые оно вздумает опереться» [6].

Младший офицер батареи (взводный) подпоручик Леонид Говоров был в строю, проводил занятия, выполнял приказ Совета солдатских депутатов. Но не больше...

И когда началась по декрету Советского правительства демобилизация старой армии, и в это же время Томский губернский Совет рабочих и солдатских депутатов вынес постановление о создании добровольческих отрядов Красной Армии[7], Говоров опять остался инертным. Он решает демобилизоваться и ехать домой в Елабугу, к родителям.

Вот и закончилась в самом начале военная карьера, которой он и не желал. Отпустила его судьба, он едет в свою Елабугу в вагоне, набитом радостными, возбужденными солдатами-фронтовиками. Многие из них с винтовками, некоторые косо и мрачновато поглядывают на высокого, статного, чернобрового офицерика в шинели без погон. Впрочем, Говоров и сам отвечает им таким же взглядом. Он-то не из трусов, но думает о другом. Кто он теперь? Ни богу свечка ни черту кочерга...

ПЕРЕЛОМ

Чем зарабатывать на жизнь в захолустном городишке, где Советская власть, еще многим не совсем понятная, делает первые шаги?..

Леонид стал мелким служащим в местном кооперативе. Занятие очень далекое от стрельбы из тяжелых орудий, которому его учили несколько месяцев. А люди кругом разные: торгаши, мещане, чиновники, кустари. После Петрограда кажется, что попал в захламленный угол, где скребутся, шуршат и прячутся мыши.

Так было, пока он оглядывался. В Томске, откуда Говоров уехал уже два месяца назад, гарнизон в результате демобилизации растворился, мыши в подполье выросли в злобных крыс. Поначалу отдельные вспышки контрреволюционных мятежей разрослись к концу мая в открытую гражданскую войну. В огромной степени этому способствовало вооруженное антисоветское 'выступление чехословацкого корпуса, двигавшегося эшелонами по Сибири для эвакуации на родину через Владивосток. Но там еще в апреле 1918 года появились японские и английские войска, чехословаков хотели повернуть на Архангельск, предложили разоружиться. И подняла голову вся эсеро-меньшевистская контрреволюция; 1 июня она, прикрываясь вывеской Учредительного собрания, декларировала образование временного сибирского правительства. Власть в Томске захватила городская дума и так называемый комитет общественной безопасности. Всю Сибирь охватила гражданская война.

Докатилась она и до Елабуги. В сентябре 1918 года город захватили войска белогвардейской армии адмирала Колчака, провозгласившего себя Верховным правителем России. Для борьбы с большевиками Колчак формирует армию, лживо именуя ее народной. Мобилизация в захваченных районах проводится методом беспощадного террора.

Под нее и попал Говоров, состоявший на учете как подпоручик распущенной большевиками старой армии.

Ураган событий догнал его и втянул в активную классовую борьбу, но — увы! — на стороне контрреволюции.

Только попав в самое гнездо белогвардейцев, уже в боях против Красной Армии под Уфимском и Челябинском в качестве командира батареи 8-й дивизии 2-го Уфимского корпуса колчаковской армии, Говоров по-настоящему разглядел, что оказался в змеином гнезде, на дне пропасти.

Впоследствии в автобиографии он писал: «...Поняв всю ложность «демократических» лозунгов Учредительного собрания.., а также по перевороте Колчака воочию убедившись, куда ведет реакция, я стал искать возможности к изменению положения» [1].

Видимо, и солдаты его батареи, мобилизованные Колчаком для братоубийственной войны, помогли 22-летнему командиру, сыну бывшего крестьянина-бурлака, разобраться наконец в том, что творится в России и где их и его место. Осенью 1919 года подпоручик Говоров с частью солдат своей батареи дезертирует из колчаковской армии и, скрываясь, пробирается к Томску.

К этому времени части Красной Армии освободили Урал и с боями вступили в границы Сибири.

Незадолго перед этим В. И. Ленин пишет свою статью «Письмо к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком». В ней он говорит о тяжелом времени, пережитом Уралом и Сибирью, о главных уроках, которые все рабочие и крестьяне должны из него извлечь.

«Крестьян пугают (особенно меньшевики и эсеры, все, даже «левые» из них), — писал Ленин, — пугалом «диктатуры одной партии», партии большевиков-коммунистов.

На примере Колчака крестьяне научились не бояться пугала.

Либо диктатура (т. е. железная власть) помещиков и капиталистов, либо диктатура рабочего класса.

Середины нет. О середине мечтают попусту барчата, интеллигентики, господчики, плохо учившиеся по плохим книжкам. Нигде в мире середины нет и быть не может. Либо диктатура буржуазии (прикрытая пышными эсеровскими и меньшевистскими фразами о народовластии, учредилке, свободах и прочее), либо диктатура пролетариата. Кто не научился этому из истории всего XIX века, тот —

безнадежный идиот. А в России мы все видели, как мечтали о середине меньшевики и эсеры при керенщине и под Колчаком» '.

Как никто другой, Владимир Ильич понимал, что происходит в умах и сердцах обманутых людей в далекой Сибири, где еще свирепствовала военно-буржуазная диктатура, но уже неотвратимо шло разложение армии Колчака, разложение эсеро-меньшевистских властей, близился их разгром.

Во всех уездах Томской губернии развернулась партизанская борьба. Городская партийная организация, понесшая большие потери от чудовищного террора, продолжала готовить вооруженное восстание.

Дезертировавший из колчаковской армии подпоручик Говоров скрывался в Томске. 10 декабря он вступил в боевую дружину рабочих, готовившихся к вооруженному выступлению.

Утром 16 декабря городской комитет партии принял решение вечером взять власть в городе. К этому времени в большинстве воинских частей городского гарнизона были созданы группы сочувствующих. Части Красной Армии находились уже в нескольких десятках километров от Томска. Об этом знал весь гарнизон, знали и колчаковские власти — комитет общественной безопасности, члены городской думы. Они открыто стремились завязать мирные переговоры с подпольным Военно-революционный комитетом большевиков. Наиболее верный Колчаку полк карателя Пепеляева находился на станции Томск-1. Ночью стало известно, что с несколькими своими офицерами Пепеляев бежал.

Рано утром 17 декабря подготовленные большевиками отряды солдат и рабочие дружины заняли в городе почту, телеграф и все наиболее важные учреждения. На стенах домов уже были расклеены листовки, объявлявшие, что все части Томского гарнизона перешли на сторону революционного народа. Вся полнота власти в Томске, впредь до прихода регулярных советских войск, принадлежит

Военно-революционному комитету с приходом в Томск частей регулярной Красной Армии Говоров вступает в ее ряды.

Новые чувства, новые мысли заполнили жизнь. Все вставало на свои места, и горизонт развертывался без миражей и тумана; иной увиделась Родина и народ, устремившийся, словно в конной атаке-лавине, на расчистку своей земли от всякой нечисти. Иными оказывались в жизни, вблизи, большевики. Свой путь становился ясным: военная профессия, в общем строю, для службы народу. До конца.

Да, на глазах у Говорова оказалось много людей, «с кого делать жизнь», — хотя бы Василий Константинович Блюхер, командир 51-й дивизии, в которую Леонид Говоров был назначен и где сразу получил задание сформировать артиллерийский дивизион.

Бывший солдат, рабочий, большевик с 1916 года, Василий Константинович Блюхер уже год громил белых кадровых офицеров и генералов на Урале и в Сибири. Кипучая энергия и политическая страстность, бесстрашие и суровая армейская четкость — все покоряло в этом человеке, вызывая желание быть похожим на него.

51-я дивизия доукомплектовывается и спешно перебрасывается в Крым на разгром барона Врангеля — еще одного претендента в правители России при щедрой помощи иностранных интервентов.

Начинается легендарная Перекопская эпопея. Разгромом Врангеля руководит Михаил Васильевич Фрунзе, о котором молодому Говорову ивановские ткачи, служившие в его дивизионе, рассказывают как о легендарном подпольщике Арсении, отбывавшем царскую каторгу перед революцией.

Идут тяжелые бои. В рядах прославленной 51-й Перекопской дивизии Говоров проходит суровую и всестороннюю школу беззаветного служения народу. Под хутором Терны части дивизии впервые встретились с невиданной до того техникой — английскими танками. Стальные ползущие без дорог махины, поливающие пулеметным огнем, казались неодолимыми, могли создать панику. Орудийные расчеты 3-го дивизиона под командой

Говорова встретили танки на предельно близкой дистанции и на глазах у пехоты уничтожили несколько машин.

Еще одно испытание воли и бесстрашия — встреча конной атаки белых и отражение ее почти в упор огнем артиллерийских орудий.

В каховских и перекопских боях Говоров дважды ранен. Его награждают орденом Красного Знамени.

Пламя боев за свой народ и вместе с народом стало для молодого командира закальным пламенем.

После разгрома армии Врангеля в Крыму Говоров до 1922 года участвует в боях по ликвидации бандитизма на Одесщине.

Десять лет, до конца 1929 года, его жизнь, быт, служба связаны с легендарной 51-й Перекопской дивизией. Пять лет он командует артиллерийским полком, затем назначается начальником артиллерии этой дивизии.

ПУТЬ К ВОЕННОЙ НАУКЕ

Вспоминая жизнь и быт в Одесском гарнизоне, Лидия Ивановна Говорова рассказывала: «...Действительно, некоторым муж казался очень сухим. Я-то была общительна, любила бывать среди подруг и знакомых по гарнизону, но затащить Леонида Алесандровича в нашу компанию редко удавалось. Подруги даже шутили: как ты с таким молчуном уживаешься? Но мы жили с ним в большой и хорошей дружбе. Ведь в действительности он очень внимателен во всем... А вот захочешь взять его под руку на прогулке — обязательно уклоняется: не умею, мол, так ходить. Или придут гости: он вначале посидит вместе, а едва начнется обычный легкий разговор — встанет, скажет, что пошел работать, и уйдет. Конечно, кое-кто даже обижался. Признаюсь, и мне иной раз всплакнуть в таких случаях хотелось, а он заметит — чуть улыбнется: «Глупости все это...» И верно, глупости. Он просто не умел и не хотел так просто «поболтать», как мы говорили».

Умел дружить с командиром полка его комиссар, Петр Викентьевич Брыкульс, латыш, из матросов, большевик с 1917 года. Бывший политрук одной из батарей полка А. Д. Цирлин[8] говорил, что и комиссар был не очень-то

до того техникой — английскими танками. Стальные ползущие без дорог махины, поливающие пулеметным огнем, казались неодолимыми, могли создать панику. Орудийные расчеты 3-го дивизиона под командой Говорова встретили танки на предельно близкой дистанции и на глазах у пехоты уничтожили несколько машин.

Леонид Александрович Говоров с женой Лидией Ивановной. 1923 год

Еще одно испытание воли и бесстрашия — встреча конной атаки белых и отражение ее почти в упор огнем артиллерийских орудий.

В каховских и перекопских боях Говоров дважды ранен. Его награждают орденом Красного Знамени.

Пламя боев за свой народ и вместе с народом стало для молодого командира закальным пламенем.

Парад на Куликовом поле в Одессе 7 ноября 1924 года. У знамени артиллерийского полка 51-й Перекопской имени Моссовета стрелковой дивизии Л. А. Говоров

разговорчивый, но очень смягчал суровость командира к подчиненным и вместе с тем поддерживал его жесткую требовательность в службе, в учебе. Тут Говоров никому поблажки не давал. Не часто случалось в те годы, чтобы политруки отлично стреляли из орудий, а полк Говорова славился этим во всем округе. Говоров и Брыкульс всегда вместе проверяли стрельбы, сами проводили занятия.

В середине 20-х годов, не без влияния Брыкульса, командир полка Говоров подал заявление в парторганизацию о приеме его в партию. Поддержало и партийное бюро, вынесло положительное решение. Но на общем партийном собрании Говоров познал, быть может впервые, что значит принадлежать к партии большевиков, что такое истинная партийность. По воспоминаниям одного из сослуживцев, перед самым голосованием кто-то задал командиру полка последний вопрос: почему он только теперь решил подать заявление, а не во время гражданской войны?

Говоров ответил в своей обычной манере, немногословно: «Я решил посвятить свою жизнь военному делу. Чтобы овладеть современной военной наукой, надо учиться. Я решил поступить в Военную академию, но я беспартийный...» Все собрание и загудело: «Что значит — я решил, я хочу». Плохо еще понимает товарищ Говоров, для чего существует партия. Надо воздержаться пока от приема. Пусть разберется во всем, а мы поможем...» Так и проголосовали.

В те годы еще не вышел из употребления термин «военспец», относившийся к тем беспартийным бывшим офицерам старой армии, которые хотя и честно служили в Красной Армии, с открытым сердцем отдавали свои знания рабочему классу и партии большевиков, однако сторонились в той или иной степени активного участия в общественно-политической жизни.

Говорова, окончившего юношей семимесячные курсы артиллеристов в 1917 году, не отнесешь к этой категории лиц. Свое военное мастерство он приобрел уже в Красной Армии. Не был он инертным и в коллективе. С 1923 по 1929 год его постоянно избирали депутатом Одесского горсовета,

в 1928 году он был депутатом Одесского окружного исполкома. 20-е годы характерны большим развитием военно-шефской массовой работы. 51-я Перекопская дивизия с честью носила имя Моссовета, а ее артиллерийский полк — имя Орехово-зуевского пролетариата. Шефы бывали частыми гостями артиллеристов, и Говоров всегда встречал их, отчитывался перед ними. Он понимал всю силу помощи рабочих в морально-политическом воспитании воинов. Дважды, в 1927 и 1928 годах, командование округа и Реввоенсовет награждали Говорова золотыми часами за отличную подготовку артиллеристов дивизии.

И в последующих, 30-х годах, будучи уже начальником артиллерии 14-го и 15-го стрелковых корпусов и долговременного укрепленного района на юго-западной границе, Говоров избирался депутатом местных городских Советов. Это не было данью его официальной должности. Вызывали неизменное уважение и внимание прямота его суждений, организаторская четкость, нетерпимость к небрежности или неряшливости в любом их проявлении.

Организуется заочный факультет в Военной академии имени Фрунзе — и Говоров немедленно подает туда заявление. К 1932 году он оканчивает трехлетний заочный курс, а затем еще годичный курс оперативного факультета этой же академии. Одновременно изучает немецкий, язык и сдает экзамен в объеме знаний военного переводчика.

«Ничто не могло его оторвать от книг, военных карт, когда он садился за них, — вспоминает жена. — Он возвращался с учений, полевых поездок усталый, но ночами просиживал за выполнением заданий, полученных из академии».

Следует вспомнить, что советская военная мысль, основываясь на марксистско-ленинском учении о войне и армии, делает в эти годы новый поступательный шаг. Центральный Комитет партии принимает очередные важные решения по строительству Вооруженных Сил, по подготовке военных и политических кадров. Эти решения обусловлены и процессом развития военной техники, и обострением политической обстановки на мировой арене.

В центре Европы устанавливается открытая террористическая диктатура Гитлера, развертывается большая агрессивная армия фашистской Германии. Гитлер провозглашает бредовую идею «особой миссии» немецкого народа — «руководить миром». В Японии приходит к власти правительство небезызвестного генерала Танака — организатора интервенции в 1918 году в советском Приморье. Теперь Танака, после военной интервенции в Китае, возвращается к разработке плана большой войны против Советского Союза.

Именно в эти годы выдающиеся представители советской военно-теоретической мысли М. Н. Тухачевский и В. К. Триандафиллов выдвигают программу перевооружения — механизации Красной Армии, разрабатывают основы теории глубокого боя и глубокой операции.

Развитие советского оперативного искусства идёт одновременно с осуществлением плана индустриализации страны. Этот процесс все ускоряется в своем взаимодействии. Происходит массовое оснащение армий всех стран авиацией и танками. Быстро растет их радиус действия, рамки тактического использования этих технических средств войны расширяются до оперативных, стратегических.

Весной 1936 года в Красной Армии учреждается Академия Генерального штаба для подготовки высшего командного состава.

В первый набор слушателей попадает и комбриг Говоров, давно мечтавший о большой военной науке. К этому времени он начальник отделения артиллерийского управления Киевского военного округа — одного из крупнейших и важнейших приграничных округов.

Нельзя не дать здесь хотя бы самого сжатого представления об академии. Воспользуемся воспоминаниями одного из бывших слушателей, впоследствии видного советского военачальника генерал-полковника Л. М. Сандалова. «...Трудно переоценить значение этого нового высшего военно-учебного заведения, созданного незадолго до войны, — писал он. — Только из числа слушателей

первого набора в годы Великой Отечественной войны занимали в разное время посты начальника Генерального штаба — А. М. Василевский и А. И. Антонов; командовали фронтами — И. Х. Баграмян, Н. Ф. Ватутин, Л. А. Говоров, П. А. Курочкин; возглавляли штабы фронта — А. Н. Боголюбов, М. В. Захаров, В. М. Злобин, В. Е. Климовских, В. В. Курасов, Г. К. Маландин, Ф. П. Озеров, А. П. Покровский, Л. М. Сандалов...» [9]

Мы не приводим дальнейший большой перечень командармов, начальников штабов крупных объединений всех родов войск. Очевидно одно: Леонид Александрович Говоров, как и многие другие командиры, получил то, к чему стремился, — возможность глубоко изучать проблемы современного оперативного искусства. Слушатели всесторонне изучали характер фронтовой и армейской операций, участвовали в крупных учениях войск военных округов, слушали лекции видных представителей советской военной науки.

Судя по воспоминаниям того же Сандалова, комбриг Говоров сразу привлекал к себе внимание.

«Он держался несколько особняком, в разговорах на битовые, повседневные темы участия не принимал, и даже ого присутствие при таких разговорах как-то стесняло собеседников...

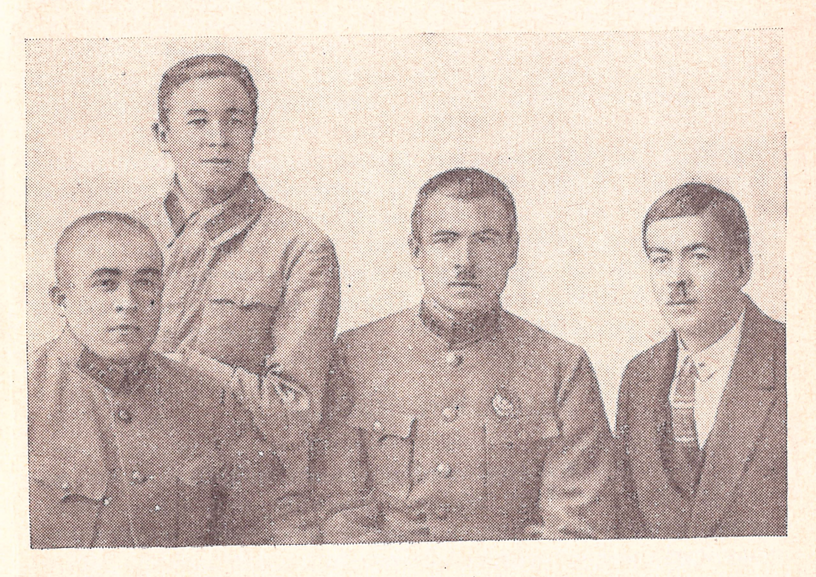
Однако неразговорчивый, замкнутый Говоров мгновенно преображался, когда вопрос касался военной или военно-политической темы. Он буквально чеканил фразы своим несколько глуховатым голосом. Его суждения часто бывали резки, но всегда отличались железной логикой» *.

Таков Говоров в 1936—1938 годах. Полтора года он напряженно работает. Но завершить полностью двухгодичный курс академии ему не удалось. В марте 1938 года, за шесть месяцев до защиты уже подготовленного диплома, Говорова назначают преподавателем тактики в Артиллерийскую академию имени Ф. Э. Дзержинского.

Это был трудный период. Тревожные попытки жены развеять молчаливую замкнутость вызывали лишь краткие ответы: «Я многого не понимаю... Думаю об одном: очень

Судя по воспоминаниям того же Сандалова, комбриг Говоров сразу привлекал к себе внимание.

«Он держался несколько особняком, в разговорах на бытовые, повседневные темы участия не принимал, и даже его присутствие при таких разговорах как-то стесняло собеседников...

Слева направо: Михаил, Владимир, Леонид и Николай Говоровы. 1926 год

Однако неразговорчивый, замкнутый Говоров мгновенно преображался, когда вопрос касался военной или военно-политической темы. Он буквально чеканил фразы своим несколько глуховатым голосом. Его суждения часто бывали резки, но всегда отличались железной логикой» [1].

Таков Говоров в 1936—1938 годах. Полтора года он напряженно работает. Но завершить полностью двухгодичный курс академии ему не удалось. В марте 1938 года, за шесть месяцев до защиты уже подготовленного диплома, Говорова назначают преподавателем тактики в Артиллерийскую академию имени Ф. Э. Дзержинского.

---

[1] Л. М. Сандалов. Пережитое, стр. 8.

близко война». Приходя из академии, он до глубокой ночи работал, перечитывал газеты, искал там ответы на мучительные вопросы самому себе. Их было больше, чем на одну, две, три ночи...

Лидия Ивановна рассказывала, что раздумья, которыми Говоров изредка делился с ней в этот период, не меняли жесткой самодисциплины, внешней и внутренней собранности. И в академии видели всегда одного и того же комбрига Говорова. Когда он начинал читать лекцию, как бы исчезал сухой, молчаливый, сторонившийся обычных кулуарных разговоров человек. На трибуне был блестящий лектор с чеканным стилем изложения. Слушать его приходили и многие преподаватели академии.

В конце 1938 года комбригу Леониду Александровичу Говорову присваивается ученое звание доцента.

НАКАНУНЕ ВОЙНЫ

Война приближалась подобно грозе, когда чернеет горизонт, а дальние раскаты грома и первые шквальные порывы ветра предупреждают, что придет вслед.

Япония после оккупации ею Северо-Восточного и Северного Китая вышла на границы Советского Союза и тут же начала военные провокации. Первая попытка прощупать Красную Армию — столкновение у озера Хасан. Вторая, более крупная, — вторжение на территорию Монгольской Народной Республики летом 1938 года. Эта провокация разрастается в большое сражение и кончается разгромом японцев у реки Халхин-Гол.

Все больше темнеет грозовой горизонт на Западе. Мюнхенский сговор западных держав с дальней целью направить агрессию Гитлера на восток завершается вторжением 15 марта 1939 года немцев в Чехословакию и оккупацией ее немецко-фашистской армией. Гитлер открыто высказывает такие же намерения по отношению к Польше.

Явная угроза для Советского Союза быть втянутым в войну одновременно на Дальнем Востоке и на Западе требует ответных мер против стратегии империализма. В августе 1939 года СССР заключает пакт о ненападении с гитлеровской Германией.

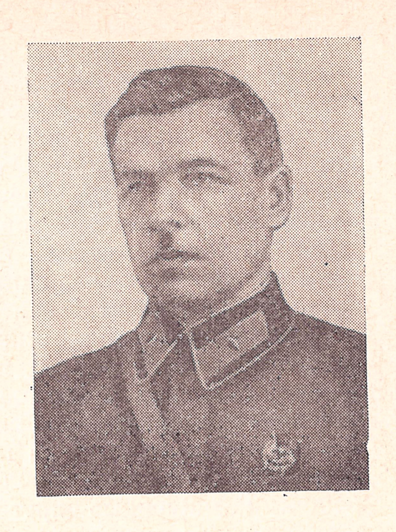
Вторжением 1 сентября немецко-фашистской армии в Польшу началась вторая мировая война. В сложнейшем переплете событий этого периода Советское правительство принимает ряд новых предупредительных мер. Становится очевидным, что объявление 3 сентября Англией и Францией войны Германии не сулит Польше спасения от разгрома, да это и не предусматривается в хитроумных планах Англии и Франции: с их стороны Гитлер получает пресловутую «странную войну» — действия мелких патрулей с реденькой перестрелкой.

Советский Союз заключает договоры о взаимной помощи с правительствами прибалтийских стран — Эстонии, Латвии, Литвы. Воссоединяются с Советским Союзом Западная Украина и Западная Белоруссия. Сложнее на Севере: правительство Финляндии отказалось заключить договор о взаимной помощи. К этому его подталкивали правящие круги Англии, Франции, США. В ноябре 1939 года откровенно враждебное отношение правительства Финляндии к Советскому Союзу приводит к военному конфликту.

Участие комбрига Говорова в советско-финляндской войне 1939—1940 годов отмечено в его послужном списке кратко, как сравнительно незначительный эпизод: должность — начальник штаба артиллерии 7-й армии; в конце кампании награжден орденом Красной Звезды.

В связи с возникшими событиями Леонид Александрович Говоров, как и некоторые другие преподаватели военных академий, прибыл в Ленинград в командировку, что-бы помочь штабу округа и штабам, сформированным из его войск на Карельском перешейке, 7-й и 13-й армий. 7-й армией командовал командарм 2 ранга К. А. Мерецков, возглавлявший одновременно Ленинградский военный округ, 18-й армией — выдающийся советский артиллерист комкор В. Д. Грендаль. Командующим Северо-Западным фронтом, созданным для решения оперативных задач, возникших на всей линии границы с Финляндией, включая мурманское и Кандалакшское направления, был назначен командарм 1 ранга С. К. Тимошенко.

требует ответных мер против стратегии империализма. В августе 1939 года СССР заключает пакт о ненападении с гитлеровской Германией.

Леонид Александрович Говоров. 1938 год

Вторжением 1 сентября немецко-фашистской армии в Польшу началась вторая мировая война. В сложнейшем переплете событий этого периода Советское правительство принимает ряд новых предупредительных мер. Становится очевидным, что объявление 3 сентября Англией и Францией войны Германии не сулит Польше спасения от разгрома, да это и не предусматривается в хитроумных планах Англии и Франции: с их стороны Гитлер получает пресловутую «странную войну» — действия мелких патрулей с реденькой перестрелкой.

Советский Союз заключает договоры о взаимной помощи с правительствами прибалтийских стран — Эстонии, Латвии, Литвы. Воссоединяются с Советским Союзом Западная Украина и Западная Белоруссия. Сложнее на Севере: правительство Финляндии отказалось заключить договор о взаимной помощи. К этому его подталкивали правящие круги Англии, Франции, США. В ноябре 1939 года откровенно враждебное отношение правительства Финляндии к Советскому Союзу приводит к военному конфликту.

Участие комбрига Говорова в советско-финляндской войне 1939—1940 годов отмечено в его послужном списке кратко, как сравнительно незначительный эпизод: должность — начальник штаба артиллерии 7-й армии; в конце кампании награжден орденом Красной Звезды.

В связи с возникшими событиями Леонид Александрович Говоров, как и некоторые другие преподаватели военных академий [1], прибыл в Ленинград в командировку, что-

[1] Например, комбриг Г. С. Иссерсон — начальник штаба 7-й армии, комбриг В. С. Голушкевич — начальник штаба 13-й армии.

Обстановка на Карельском перешейке оказалась гораздо сложнее, чем, видимо, представлялась в начале конфликта. Финское правительство, и в частности главнокомандующий финской армией Маннергейм, более десяти лет создавали на границе под самым Ленинградом мощные позиции из многочисленных железобетонных сооружений. Реакционные круги Финляндии вели злобную антисоветскую пропаганду в народе и армии. При активной помощи западных держав финская армия была вооружена новейшим по тому времени автоматическим пехотным, минометным, противотанковым оружием. С первых дней войны Англия и Франция создали военный и экономический комитет помощи Финляндии; началась подготовка экспедиционного корпуса «в помощь»; мало того, проектировались даже планы собственных военных операций против Советской России с территории Турции и Ирана, включая бомбежки бакинских нефтепромыслов *.

На Карельском перешейке главной целью операции советских войск являлась ликвидация угрозы создания противником наступательного плацдарма под самим Ленинградом. Но разгромить этот плацдарм — линию Маннергейма — оказалось нелегко. Попытки прорвать с ходу сложную систему дотов, связанных траншеями, прикрытых противотанковыми рвами, гранитными надолбами и минными полями, успеха не имели. Потребовалась скрупулезная подготовка войск с применением артиллерии большой мощности. Усугубляли трудности морозы, глубокие снега, лесные массивы с оврагами и озерами. Боевого опыта в таких условиях не имели ни войска ни штабы.

Командованию 7-й армии пришлось уже в ходе боев разработать план прорыва железобетонного пояса и тактику войск, при которой действия артиллерии и специальных штурмовых групп в атаке дотов играли первостепенную роль. Комбриг Говоров принял непосредственное участие в подготовке прорыва.

О первом знакомстве с ним при этих обстоятельствах вспоминал бывший начальник разведотдела штаба Ленинградского округа, в ту пору комбриг, П. П. Евстигнеев.

«...Его скрупулезность при изучении, разведданных по каждому доту и на всем участке прорыва могла утомить даже нас, разведчиков, — рассказывая Евстигнеев автору. — Настойчив он был дьявольски. Сидел часами с луной, сравнивал с аэрофотоснимками все фотографии дотов, полученные ранее от войсковой разведки; потом побывал на многих передовых наблюдательных пунктах перед самыми дотами, определяя их сектор огня из амбразур; выбирал оптимально выгодное место огневой полиции для тяжелых орудий.

Он и был одним из инициаторов разрушения железобетонных дотов огнем орудий самых крупных калибров **с** максимально близких дистанций — прямой наводкой, чтобы расчистить путь атаке пехоты. Мы вместе с ним составили и подписали разведывательную карту линии Маннергейма и докладывали ее К. А. Мерецкову и А. А. Жданову, как члену Политбюро и секретарю обкома партии. Тогда Жданов и познакомился с Говоровым. Помню, Говоров стоял в стороне, молчал. Докладывал начальник штаба 7-й армии комбриг Иссерсон. В ту пору он слыл в военных кругах одним из знатоков планирования современных боевых операций. Говоров же разрабатывал в штабе план артиллерийского обеспечения прорыва».

Прорыв был осуществлен. Завершился он в феврале 1940 года штурмом Выборга. 12 марта был подписан мирный договор с Финляндией.

Говоров, как и другие командиры, прибывшие из Москвы, вернулся на преподавательскую работу. Однако ненадолго.

Характер боевых действий в Западной Европе в 1940 году и опыт боев в Финляндии наглядно показали, как много насущных и срочных проблем стоит перед Красной Армией в области вооружения, оперативного искусства, политической работы в военное время, подготовки командных кадров.

Все это стало предметом детального обсуждения на нескольких военных совещаниях, проведенных Центральным Комитетом партии после завершения боев в Финляндии. Военная промышленность получила новые задания для ускорения перевооружения армии; в Генеральном штабе шла

Командиры штаба артиллерии 7-й армии в период советско-финляндской войны 1939—1940 годов. Второй слева Л. А. Говоров

кусства, политической работы в военное время, подготовки командных кадров.

Все это стало предметом детального обсуждения на нескольких военных совещаниях, проведенных Центральным Комитетом партии после завершения боев в Финляндии. Военная промышленность получила новые задания для ускорения перевооружения армии; в Генеральном штабе шла разработка новых полевых и боевых уставов. Произошли значительные перемены в руководстве Наркомата обороны, Генерального штаба. Наркомом обороны был назначен Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко, его заместителем — генерал армии К. А. Мерецков, начальником Генерального штаба — генерал армии

разработка новых полевых и боевых уставов. Произошли значительные перемены в руководстве Наркомата обороны, Генерального штаба. Наркомом обороны был назначен Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко, его заместителем — генерал армии К. А. Мерецков, начальником Генерального штаба — генерал армии Г. К. Жуков. При Наркомате обороны была создана Главная инспекция по всем родам войск.

Перемещения коснулись и многих других лиц высшего и старшего командного состава, в том числе и Леонида Александровича Говорова. С. К. Тимошенко, К. А. Мерецков, Г. К. Жуков имели возможность оценить деловые и волевые качества Говорова еще до советско-финляндской войны, в период его службы на Украине. Деятельность Говорова во время прорыва линии Маннергейма, как будто и на второстепенной роли, подтверждала, что это человек глубоких военных знаний и огромной энергии. Леонид Александрович назначается заместителем генерал-инспектора артиллерии в Главном артиллерийском управлении[10]. Ему присваивается звание генерал-майора артиллерии. А в мае 1941 года Нарком обороны выдвигает кандидатуру Говорова на пост начальника Артиллерийской академии имени Ф. Э. Дзержинского. Назначение состоялось, но спустя три недели начинается война, и уже в июле 1941 года Леонид Александрович на фронте.

Назначение Говорова начальником артиллерии Западного направления вполне логично: назначенный главкомом этого направления Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко уже давно высоко оценил глубокие военные знания генерала Говорова.

Вскоре создается Резервный фронт под командованием генерала армии Г. К. Жукова. Говоров назначается туда начальником артиллерии. С этого момента и вплоть до разгрома немцев под Москвой боевая деятельность Л. А. Говорова проходит в значительной степени под влиянием и руководством Г. К. Жукова.

ПОД МОСКВОЙ

Великая битва под Москвой описана во многих исторических трудах. Раскрыты хроникально и глубоко боевые действия различных армий, дивизий, частей всех родов войск. Названы имена

тысяч героев в этом народном подвиге. Оценена по заслугам деятельность крупнейших советских полководцев и военачальников. Нас в данном случае интересует роль Леонида Александровича в ходе боев за нашу столицу. И прежде всего — в какой период сражения и при каких обстоятельствах артиллерист Говоров стал командующим 5-й армией на центральном, Можайском, участке обороны столицы.

Вернемся немного назад. В августе 1941 года шесть армий Резервного фронта (34, 31, 24, 43, 32 и 33-я) под командованием генерала армии Г. К. Жукова составляли второй оперативный эшелон, располагавшийся позади войск Западного фронта. Но в начале сентября Ставка в весьма спешном порядке посылает Жукова в Ленинград, где 13 сентября он вступает в командование Ленинградским фронтом, который в это время вел упорные бои с врагом уже у стен Ленинграда. Прибыв в Ленинград, Жуков попросил Ставку направить в его распоряжение Говорова. Видимо, он оценил боевые качества Говорова-артиллериста и хотел иметь его своим помощником в труднейший период борьбы за Ленинград. Однако Ставка не могла в тот момент удовлетворить эту просьбу.

6 октября 1941 года, едва стабилизировалась линия фронта на юго-западном и южном подступах к Ленинграду, Ставка отозвала Жукова в Москву. Последовало назначение его командующим Западным фронтом. Генерал-майора артиллерии Говорова переводят из Резервного фронта на Западный начальником артиллерии.

В своих воспоминаниях о великой битве под Москвой Маршал Советского Союза Г. К. Жуков пишет о сложнейшей обстановке, создавшейся тогда на всем Западном направлении:

«Немецкая группа армий «Центр», как мы теперь знаем, насчитывала в своем составе более 1 миллиона человек,

1700 танков и штурмовых орудий и свыше 19 тысяч орудий и минометов. Ее действия поддерживались мощным 2-м воздушным флотом, которым командовал генерал-фельдмаршал Кессельринг. Гитлер директивой от 16 сентября поставил группе армий «Центр» задачу: прорвать оборону советских войск, окружить и уничтожить главные силы Западного, Резервного и Брянского фронтов и затем, преследуя остатки войск, захватить Москву, охватывая ее с юга и севера.

30 сентября 1941 года противник начал наступление против войск Брянского фронта, а 2 октября нанес мощные удары по войскам Западного и Резервного фронтов. Особенно сильные удары последовали из района севернее Духовщины и восточнее Рославля по войскам 30-й и 19-й армий Западного фронта, а также 43-й армии Резервного фронта. Немецко-фашистским войскам удалось прорвать нашу оборону. Ударные группировки врага стремительно продвигались вперед, охватывая группировку войск Западного и Резервного фронтов» *.

Государственный Комитет Обороны возложил защиту рубежей, находившихся в пределах 100 километров к западу от столицы, на Западный фронт, а непосредственных подступов к Москве — на войска Московского гарнизона.

Стремительно развивавшиеся события требовали стремительных, волевых и в то же время точных решений, организующих войска, штабы, население. Дни, ночи, часы были уже вне всяких пределов переполнены напряжением духовных и физических сил всех: на поле сражения, на командных пунктах полков, дивизий, армий, в Ставке Верховного Главнокомандования, на заводах и в партийных комитетах, в домах и на улицах Москвы. Завязались бои уже на Можайской линии обороны, где различные соединения и части объединяются в 5-ю армию под командованием генерал-майора Д. Д. Лелюшенко.

Вспоминая об этих днях, Лелюшенко рассказывает, как в первую же ночь организации обороны на Бородинском поле к нему приехал по поручению генерала Жукова начальник артиллерии фронта Леонид Александрович Говоров. Именно с ним Лелюшенко определял построение боевых порядков

пехоты, артиллерии, танков и противотанковой артиллерии для отражения атак, которые вот-вот должны были начать в этом месте части немецкого 40-го моторизованного корпуса из 4-й танковой группы генерал-полковника Хепнера. Хепнер рассчитывал легко пробить дезорганизованную, на его взгляд, оборону столицы по кратчайшей прямой — через Можайск.

Дмитрий Данилович Лелюшенко, воин с пламенных лет гражданской войны, бывший конник, а впоследствии опытный танкист, человек горячей, неукротимой энергии и подвижности, стремившийся, как правило, находиться лично в зоне ближнего боя, встретился ночью на Бородинском поле накануне кризисного для Москвы боя с человеком одной закалки и лишь иного склада характера.

«...Глуховатым голосом Говоров изложил свои соображения об использовании противотанковой артиллерии и согласовании ее действий с танками и пехотой, посоветовал, как лучше построить боевые порядки армии в обороне» *.

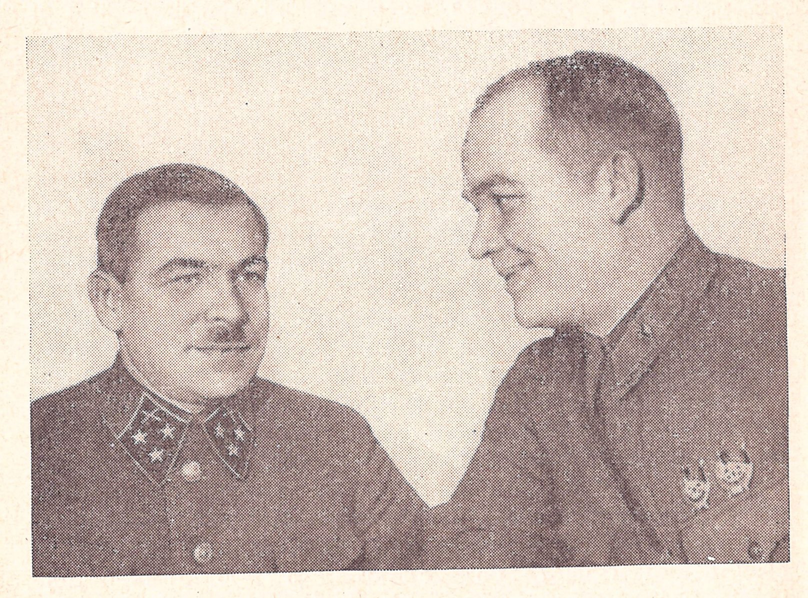
**Д. Д. Лелюшенко. Заря победы. М., Воениздат, 1966, стр. 59.*

Стройный, подтянутый, спокойный, и в такую ночь Говоров с первого взгляда внушал к себе уважение. Мелкий штрих: грозная обстановка не помешала Лелюшенко и Говорову в коротком промежутке бессонной ночи неторопливо выпить по стакану горячего чая. И снова они и член Военного совета армии П. Ф. Иванов склоняются над картой, готовясь к жестокой битве.

Это было 11—12 октября 1941 года. Утром началось сражение на историческом поле русской славы. Через три дня, во время отражения очередной вражеской танковой атаки, Лелюшенко был ранен и вывезен с поля боя. Вот тогда и вступил в командование 5-й армией Леонид Александрович Говоров.

Военный историк А. Н. Киселев в статье, посвященной 70-летию со дня рождения Л. А. Говорова, отмечая этот момент, пишет, что он спросил Маршала Советского Союза Жукова, чем было обусловлено выдвижение на должность командарма генерала артиллериста. Георгий Константинович ответил:

и подвижности, стремившийся, как правило, находиться лично в зоне ближнего боя, встретился ночью на Бородинском поле накануне кризисного для Москвы боя с человеком одной закалки и лишь иного склада характера.

Л. А. Говоров (слева) и П. Ф. Иванов. 1941 год

«...Глуховатым голосом Говоров изложил свои соображения об использовании противотанковой артиллерии и согласовании ее действий с танками и пехотой, посоветовал, как лучше построить боевые порядки армии в обороне» [1].

Стройный, подтянутый, спокойный, и в такую ночь Говоров с первого взгляда внушал к себе уважение. Мелкий штрих: грозная обстановка не помешала Лелюшенко и Говорову в коротком промежутке бессонной ночи неторопливо выпить по стакану горячего чая. И снова они и член Военного совета армии П. Ф. Иванов склоняются над картой, готовясь к жестокой битве.

---

[1] Д. Д. Лелюшенко. Заря победы. М., Воениздат, 1966, стр. 59.

«Говоря кратко, мы исходили из двух важнейших обстоятельств. Во-первых, в период боев под Ельней генерал Говоров, будучи начальником артиллерии Резервного фронта, зарекомендовал себя не только как прекрасно знающий свое дело специалист, но и как волевой, энергичный командир, глубоко разбирающийся в оперативных вопросах; во-вторых, в нашей обороне под Москвой основная тяжесть борьбы с многочисленными танками противника ложилась прежде всего на артиллерию, и, следовательно, специальные знания и опыт Говорова приобретали особую ценность. Последующие события показали, что сделанный выбор был весьма удачен».

Пошли жестокие бои, слившиеся в непрерывное сражение: на Бородинском поле, под Можайском, в районе Дорохово, Кубинка. Во многих исторических материалах и статьях участников и очевидцев можно найти ряд фактов, показывающих «почерк» командования 5-й армии в организации боев.

Танковому тарану немцев Говоров-командарм противопоставляет быстро сосредоточенную и эшелонированную в глубину артиллерию во взаимодействии с засадами танков и минно-заградительных отрядов саперов.

Хребтом 5-й армии в первых же боях стала 32-я стрелковая дивизия полковника В. И. Полосухина, только что прибывшая с Дальнего Востока. Вместе с этой дивизией первый противотанковый узел составили четыре артиллерийских полка, пять дивизионов «катюш», 20-я танковая бригада. Немецкому генералу Хепнеру не удалось разрубить этот узел, созданный в предельно сжатый срок.

Характерны дни 18—*20* октября. Немцы ворвались в Можайск. Говоров упорно держит на Бородинском поле части дивизии Полосухина, хотя уже двое суток они обойдены противником. Командарм перебрасывает танки и минеров в засады, сковывает контратаками и этими засадами прорывающегося противника и только тогда разрешает командиру дивизии отход на новый рубеж, по левому берегу реки Москва. Выиграно пять драгоценнейших суток, и не допущен прорыв центра Можайского рубежа.

26 октября Говоров вводит с ходу в бой в районе Дорохово прибывшую к нему 82-ю дивизию — тоже сибиряков. К этому времени в 5-ю армию вливается еще одна — 50-я дивизия. Тщетно пытается генерал-фельдмаршал фон Клюге, командующий 4-й полевой армией, пробить оборону 5-й армии Говорова по короткой прямой на Москву — через Дорохово, Кубинку.

И вот атаки немецко-фашистских войск захлебнулись. Только в районе Бородино и Можайска 40-й моторизованный корпус немцев потерял более ста танков, несколько сот машин и тысячи солдат и офицеров. Еще большие потери противник понес в эти дни и в полосе соседней 16-й армии генерал-лейтенанта К. К. Рокоссовского на магистрали Ржев — Волоколамск — Москва. Там навеки покрыла себя славой 316-я стрелковая дивизия.

Нельзя не отметить глубокого понимания обоими командармами — Рокоссовским и Говоровым — всей значимости оперативного взаимодействия их армий для удержания центра, имея в виду, что еще 14 октября 3-я немецкая танковая группа генерала Рейнгардта овладела городом Калинин, и Москве угрожал удар огромной силы и с северо-запада. Героические бои частей 16-й и 5-й армий на волоколамском и можайском направлениях в эти самые кризисные для Москвы дни обеспечили успех последующих решающих боев. «Это были грозные дни», — вспоминает о них Маршал Советского Союза Г. К. Жуков.

В ноябре враг как будто отказался от таранного удара на участках центральных армий Западного фронта. Его танковые группировки стали наносить удары на Москву южнее и севернее. До конца ноября 2-я танковая армия Гудериана пыталась пробить оборону столицы в районе Кашира, Тула, но и там противник получил решительный отпор. Однако ухудшилось положение в районе Клин, Солнечногорск, в стыке 16-й армии К. К. Рокосовского и 30-й Д. Д. Лелюшенко. 23 ноября наши войска оставили Клин, 25 ноября из-за угрозы окружения была отведена от Солнечногорска 16-я армия. А 1 декабря противник неожиданно перешел в наступление и на нарофоминском направлении, бросив в атаку до ста танков. Этот удар в

центре фронта наносился в стыке 5-й и 33-й армий. Создалась явная угроза выхода подвижных войск противника на автостраду Минск — Москва, в тыл 5-й армии, а затем развития вдоль этой автострады прорыва на Москву.

И здесь вновь проявились качества Говорова — командарма, волевого, быстро и решительно действующего. Фашистская пехота расширяла прорыв на участке 33-й армии, танки двинулись по шоссе на Кубинку. Говоров тут же выехал на левый фланг своей армии, в деревню Акулово, куда были переброшены части 32-й стрелковой дивизии полковника В. И. Полосухина и артиллерийско-противотанковый резерв. Леонид Александрович находился на участке наметившегося прорыва до тех пор, пока противник не был разгромлен. Часть танков уничтожила артиллерия, часть подорвалась на минах. В отражении танковой атаки вынуждены были принять участие даже работники штаба 5-й армии. Дальше рубежа деревни Акулово враг не прошел.

Во второй половине следующего дня гитлеровцы вновь предприняли атаку в районе Акулово, и снова были с большими потерями отбиты. За два дня части 32-й дивизии сожгли и подбили 23 и захватили 11 танков, уничтожили до полка пехоты и сбили 5 вражеских самолетов. «Тогда танковые части врага, неся большие потери, повернули на Голицыно, где были окончательно разгромлены резервом фронта и подошедшими частями 5-й и 33-й армий, — пишет об этих боях Маршал Советского Союза Г. К. Жуков. — 4 декабря этот прорыв был полностью ликвидирован. На поле боя враг оставил более 10 тысяч убитыми, 50 разбитых танков и много другой боевой техники».

Так завершился в те дни последний, по существу, этап оборонительного сражения за столицу нашей Родины. Стратегические и оперативные планы Гитлера и его генералитета рухнули, рухнули благодаря неизмеримым героическим усилиям всего советского народа в борьбе против фашизма, за свободу и независимость своего социалистического Отечества. Летопись битвы за столицу хранит множество отдельных подвигов, имен командиров, политработников, рядовых бойцов, партизан Подмосковья,

граждан Москвы, заводов, колхозов. Под руководством Коммунистической партии, ее Центрального Комитета был использован весь мощный потенциал страны социализма, и эта всеобщая мобилизация охватывала одинаково духовные, моральные и материально-технические ресурсы.

В оперативно-стратегическом плане крах тщательно разработанного и, казалось, полностью материально обеспеченного замысла гитлеровского генерального штаба по захвату Москвы обусловило превосходство советского военного искусства над теорией и практикой фашистского блицкрига.

Советское командование сумело своевременно, еще в начале ноября, установить сосредоточение на флангах фронта обороны Москвы ударных группировок врага, определить направление его главных ударов. На этих направлениях немцы встретили глубоко эшелонированную оборону, с достаточным количеством противотанковых средств и инженерных сооружений. Самые опасные направления дополнительно прикрывали все наши основные танковые части. В итоге ожесточенных боев немецко-фашистские войска понесли здесь большие потери. Ощутимые удары по более чем 1000-километровым коммуникациям врага наносили партизанские отряды.

Документы тех дней, воспоминания участников, вся хроника сражения за Москву говорят и о том, что действия командующих армиями, командиров соединений, политорганов и штабов всех степеней отличались высоким искусством вождения войск, пониманием общих и частных задач операции, боя.

В ряду многих военачальников, продемонстрировавших силу и высокий уровень советской военной школы в тот период, был и командарм Леонид Александрович Говоров. 19 ноября ему было присвоено звание генерал-лейтенанта артиллерии. За отражение октябрьского наступления немецко-фашистских войск он был награжден орденом Ленина.

5—6 декабря началось контрнаступление наших войск под Москвой.

5-я армия, находившаяся в центре полосы Западного фронта, получила задачу активными действиями сковать немецко-фашистские войска, не дать им маневрировать из полосы армии к ее флангам, где войска Западного фронта наносили главные удары, и, наконец, не упустить момента для удара во взаимодействии с соседними армиями.

В составе армии Говорова к этому времени находились те же прославившиеся в ожесточенных оборонительных боях дивизии — 32-я стрелковая полковника В. И. Полосухина, 50-я стрелковая генерал-майора Н. Ф. Лебеденко, 82-я мотострелковая генерал-майора Н. И. Орлова. Командарм, Военный совет и штаб армии были поглощены подготовкой к переходу от обороны к наступлению. Командиры и бойцы дивизий чувствовали уверенность в своих силах, непрерывными разведывательными боями они нащупывали слабые места противника. Леонид Александрович отчетливо видел, что за два месяца непрерывных боев все дивизии и отдельные части, объединенные в армию буквально под огнем и танковыми атаками на Бородинском поле, превратились в хорошо слаженный боевой организм, способный к упорству, инициативе и в наступлении.

В целом задача перед Леонидом Александровичем Говоровым стояла довольно сложная. На центральном участке Западного фронта противник превосходил оборонявшиеся здесь войска 33, 30 и 5-й армий в живой силе в два, в артиллерии в полтора раза. Да и танков, которыми Говоров усиливал дивизии своей армии, было маловато.

5 декабря перешли в наступление войска Калининского фронта. На другой день развернулось наступление на обоих крыльях Западного, а также на правом крыле Юго-Западного фронтов в районе города Елец.

С первых же дней операция Западного фронта начала развиваться успешно. Мы не будем здесь излагать теперь уже общеизвестную хронику великой битвы под Москвой, эхо которой разнеслось по всему миру. Впервые за полгода войны Советские Вооруженные Силы нанесли такое поражение главной группировке немецко-фашистских войск, которое сами немецкие историки впоследствии оценили как

катастрофу для всей германской армии и ее генерального штаба.

13 декабря, когда соседняя 16-я армия развивала удар к Истринскому водохранилищу, Говоров ввел в бой правофланговые части 5-й армии. Своим продвижением они способствовали успеху соседа.

В процессе разрастания контрнаступления 5-я и 33-я армии прорвали оборону врага на можайском направлении. После ожесточенных боев по освобождению района Руза, Дорохове 82-я мотострелковая дивизия генерал-майора Н. И. Орлова, усиленная 60-й отдельной стрелковой бригадой и танками, к вечеру 17 января вышла в район Можайск, Чертаново, Ямская. Противник заранее подготовил здесь рубеж. Говоров не мог допустить никакой паузы в боях. В ночь на 19 января после разведки боем и сформирования специальных штурмовых отрядов части генерала Орлова ворвались на станцию Можайск. Говоров решает и дальше вести бои ночью. Внезапность и смелость действий бойцов 82-й мотострелковой дивизии позволяет ему не проводить плановую артиллерийскую подготовку и тем сберечь свою немногочисленную артиллерию. В ночь на 20 января 82-я дивизия атаковала противника в Можайске, и к утру весь гарнизон гитлеровцев был наголову разгромлен. Днем на городской площади состоялся массовый митинг жителей и воинов.

Части 5-й армии рвались дальше — к Бородинскому полю, где в октябре произошла их первая схватка с фашистскими оккупантами. Один из участников этих боев, бывший комиссар 27-го танкового батальона, А. Козинский привел в своих воспоминаниях [11] яркие примеры мастерского боя командиров, бойцов и политработников 82-й мотострелковой дивизии и частей усиления.

И опять-таки в ночном бою на 21 января Бородино и Бородинское поле были очищены от противника. Только в этом ночном штурме было уничтожено более 150 вражеских солдат и офицеров, взято 76 пленных, захвачено 8 орудий, танк, 2 самоходных орудия, и пулеметов и 9 машин с боеприпасами. Продолжая наступательные бои, части 5-й армии выходили на подступы к Гжатску. На рубеже от Ржева

Леонид Александрович Говоров выступает на митинге в освобожденном Можайске

войск, которое сами немецкие историки впоследствии оценили как катастрофу для всей германской армии и ее генерального штаба.

13 декабря, когда соседняя 16-я армия развивала удар к Истринскому водохранилищу, Говоров ввел в бой правофланговые части 5-й армии. Своим продвижением они способствовали успеху соседа.

В процессе разрастания контрнаступления 5-я и 33-я армии прорвали оборону врага на можайском направлении. После ожесточенных боев по освобождению района Руза, Дорохово 82-я мотострелковая дивизия генерал-майора Н. И. Орлова, усиленная 60-й отдельной стрелковой бригадой и танками, к вечеру 17 января вышла в район Можайск, Чертаново, Ямская. Противник заранее подготовил здесь рубеж. Говоров не мог допустить никакой паузы в боях. В ночь на 19 января после разведки боем и сформирования специальных штурмовых отрядов части генерала Орлова ворвались на станцию Можайск. Говоров решает и дальше вести бои ночью. Внезапность и смелость действий бойцов 82-й мотострел-

на юг к Юхнову войска Западного фронта начали переходить к обороне.

В личном деле Леонида Александровича Говорова есть краткая аттестация командующего Западным фронтом генерала армии Г. К. Жукова, написанная в ходе сражения. «Можайскую и Звенигородскую оборонительные операции провел успешно, — сказано там. — Хорошо ведет наступательные операции по разгрому можайско-гжатской группировки противника» [12]. Короче не оценишь труд военачальника в бою. Но тогда и не было времени для многословных реляций.

Леонид Александрович второй раз за период битвы под Москвой был награжден орденом Ленина.

И вот в апреле 1942 года он в осажденном Ленинграде.

Глава ТРЕТЬЯ
ПЕРВЫЕ ВСТРЕЧИ, ПЕРВЫЕ РЕШЕНИЯ

С понятным интересом к назначению Говорова отнеслись командармы и офицеры штаба Ленинградского фронта.

Следует отметить, что и на второй год войны в широких кругах армии и в народе еще мало знали о тех военачальниках, которые на рубеже 1941—1942 года возглавили крупнейшие объединения Советской Армии. Это была плеяда людей, принявших эстафету из рук легендарных полководцев эпохи гражданской войны, людей, воспитанных в советских военных академиях и накопивших огромный опыт вождения войск в ходе учений мирного времени.

Штаб Ленинградского фронта, возглавляемый с осени 1941 года генерал-майором Дмитрием Николаевичем Гусевым — очень деятельным, никогда не унывающим и весьма общительным человеком, был дружным коллективом. В тяжелую пору голодной зимы, когда приходилось делить скромный паек хлеба на три ломтика: завтрак, обед, ужин, и принимать порцию соснового отвара от цинги, если кому-либо удавалось привезти из-за Ладоги немного чесноку, то он делился на всех.

В урагане первых месяцев войны деятельность штаба зачастую ограничивалась спешным, в какой-то степени механическим выполнением тоже спешных решений и приказов командующего, вызванных крайней остротой обстановки. Отход, смена рубежей, контратака, снова отход. Затем, глубокой осенью и зимой, новый командующий фронтом генерал-лейтенант М. С. Хозин подолгу находился за Ладожским озером, где руководил боевыми действиями 8-й и 54-й армий. Объединение Ленинградского и Волховского фронтов в единый фронт вызывало значительные сложности для работы штаба в Смольном — он вновь оказывался в отрыве от командующего фронтом, поскольку командный пункт Хозина находился в районе Малой Вишеры, за Ладогой, почти растаявшей к концу апреля.

Обстановка, сложившаяся под Ленинградом, после того как он был блокирован врагом, предъявила новые требования к штабам, к командующим. Коллектив штаба Ленинградского фронта нуждался в четком и постоянном общении с командующим при разработке и осуществлении проблем дальнейшей борьбы за Ленинград на внешних и внутренних линиях обороны.

Естественно, не один человек в штабе, в Смольном, задавал себе вопрос, каким же руководителем будет Говоров. Думали об этом и командармы.

А для Говорова и самого своеобразное руководство из Смольного войсками объединенного, но разобщенного Ладогой фронта показалось не очень четким. Леонид Александрович понимал положение, какое занимал в Ленинграде Жданов, как член Военного совета и один из руководителей партии. Однако Сталин уполномочил ого принимать вместе со Ждановым решения по Ленинградской группе войск. Иного правового положения для него и не могло быть, поскольку генерал Хозин находился далеко. Но Хозин на правах командующего начал отзывать из Смольного в Малую Вишеру ряд ответственных руководящих генералов и офицеров штаба фронта. Жданов быстро понял, что Говоров не тот человек, который склонен советоваться по мелочам, что он единоначальник, для которого полнота ответственности неотделима от полноты прав. А именно

такие черты характера командующего отвечали требованиям обстановки, сложившейся в Ленинграде. Жданов и другие члены Военного совета фронта положительно оценили это качество Леонида Александровича Говорова.

Сразу следует сказать, что объединение Волховского и Ленинградского фронтов в единый фронт практически не осуществилось. В мае и июне обстановка на волховском участке усложнилась упорными боями с целью вызволения 2-й ударной армии из мешка, в который она попала в районе Мясного Бора. В июне Ставка восстановила Волховский фронт как самостоятельный, признав, по существу, ошибочность ликвидации его в апреле. Генерал армии Мерецков был возвращен на должность командующего этим фронтом, генерал-лейтенант Хозин отозван в Москву, а генерал-лейтенант артиллерии Говоров назначен командующим Ленинградским фронтом. Все войска за Ладогой отходили в подчинение генерала Мерецкова.

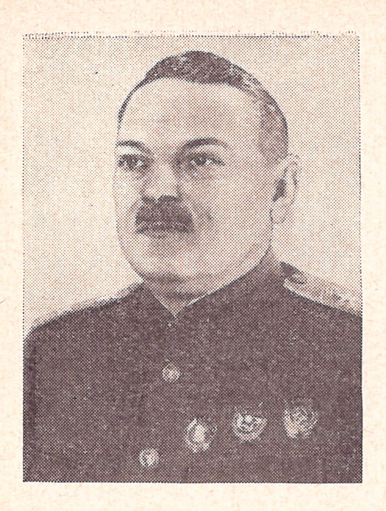
В первых же встречах с работниками штаба фронта и командармами Говоров быстро показал и свои деловые качества, и своеобразие характера.

Выше среднего роста, сухощавый, подтянутый, он в то же время мог показаться чуть мешковатым из-за того, что ходил всегда не торопясь и как бы с прижатыми к корпусу руками. Вообще он был человек скупых жестов. Лицо бледное, несколько одутловатое для сорока пяти лет. Темные с проседью волосы, тщательный пробор, резко очерченные брови и коротко подстриженные усы. Обращали внимание серые глаза: они глядели не очень-то приветливо.

Некоторых лиц в штабе Говоров знал по финской кампании 1939—1940 годов. Начальника разведотдела Петра Петровича Евстигнеева пригласил одним из первых.

— Вы, как я вижу, полностью связали свою судьбу с Ленинградом, — сказал он, здороваясь, — Пришло время опять работать вместе.

Евстигнеев был в Ленинграде еще со времен гражданской войны, хотя Говоров, очевидно, имел в виду встречи трехгодичной давности.

А. А. Жданов

командующего этим фронтом, генерал-лейтенант Хозин отозван в Москву, а генерал-лейтенант артиллерии Говоров назначен командующим Ленинградским фронтом. Все войска за Ладогой отходили в подчинение генерала Мерецкова.

В первых же встречах с работниками штаба фронта и командармами Говоров быстро показал и свои деловые качества, и своеобразие характера.

Выше среднего роста, сухощавый, подтянутый, он в то же время мог показаться чуть мешковатым из-за того, что ходил всегда не торопясь и как бы с прижатыми к корпусу руками. Вообще он был человек скупых жестов. Лицо бледное, несколько одутловатое для сорока пяти лет. Темные с проседью волосы, тщательный пробор, резко очерченные брови и коротко подстриженные усы. Обращали внимание серые глаза: они глядели не очень-то приветливо.

Некоторых лиц в штабе Говоров знал по финской кампании 1939—1940 годов. Начальника разведотдела Петра Петровича Евстигнеева пригласил одним из первых.

— Вы, как я вижу, полностью связали свою судьбу с Ленинградом, — сказал он, здороваясь. — Пришло время опять работать вместе.

Евстигнеев был в Ленинграде еще со времен гражданской войны, хотя Говоров, очевидно, имел в виду встречи трехгодичной давности.

«...Разговор был долгим, скрупулезным, — вспоминал генерал Евстигнеев, — касался каждой дивизии, полка, а иногда и батальона немцев и финнов по всему кольцу блокады. И сводился Говоровым к главному, центральному вопросу: следует ли ожидать этим летом активных действий командования группой армий «Север», и если да, то где, какими силами».

«...Разговор был долгим, скрупулезным, — вспоминал генерал Евстигнеев, — касался каждой дивизии, полка, а иногда и батальона немцев и финнов по всему кольцу блокады. И сводился Говоровым к главному, центральному вопросу: следует ли ожидать этим летом активных действий командования группой армий «Север», и если да, то где, какими силами».

К 1 января 1942 года на всем северо-западном направлении находились 34 вражеские дивизии, в том числе 26 пехотных, 2 танковые, 2 моторизованные, 3 охранные, и 2 бригады[1]. В ту пору наибольшая плотность войск противника отмечалась непосредственно перед Ленинградом и южнее Ладожского озера, где шли активные боевые действия 54-й и 8-й армий в районе Погостье, Кириши. Весной группировка войск противника изменилась в сторону большего уплотнения к Волховскому фронту, что объяснялось прорывом 2-й ударной армии к Любани. Но и на южных рубежах под Ленинградом, и по левому берегу Невы, и на Карельском перешейке противник почти не ослабил свои силы.

— Допускаете ли вы возможность сосредоточения крупной ударной группировки противника на отдельном участке блокады города? — спрашивал Говоров.

Евстигнеев ответил, что, по его мнению, у немецко-фашистского командования есть повод готовить летом наступательную операцию против самого Ленинграда. Оно знает, что город и войска, обороняющие его, сильно ослаблены после голодной зимы; окружение противником 2-й ударной армии тоже, по-видимому, повлияет на дальнейшую активность действий немцев.

«...Я доложил Говорову некоторые характерные донесения нашей разведки, действующей в тылу у немцев, — рассказывал Евстигнеев, — в том числе сведения об изменениях, происшедших в командовании немецких войск под Ленинградом. В январе убыл в Германию генерал-фельдмаршал фон Лееб, командовавший группой армий «Север». На его место вступил генерал-полковник Кюхлер, командовавший 18-й армией с начала блокады, а того сменил в свою очередь генерал Линдеман, командир 50-го

армейского корпуса, штаб которого дислоцирован в районе Гатчины. Говорова эти сведения очень заинтересовали».

— Как вы оцениваете такие перемещения?

— Надо обдумать, товарищ командующий, — осторожно ответил опытный разведчик.

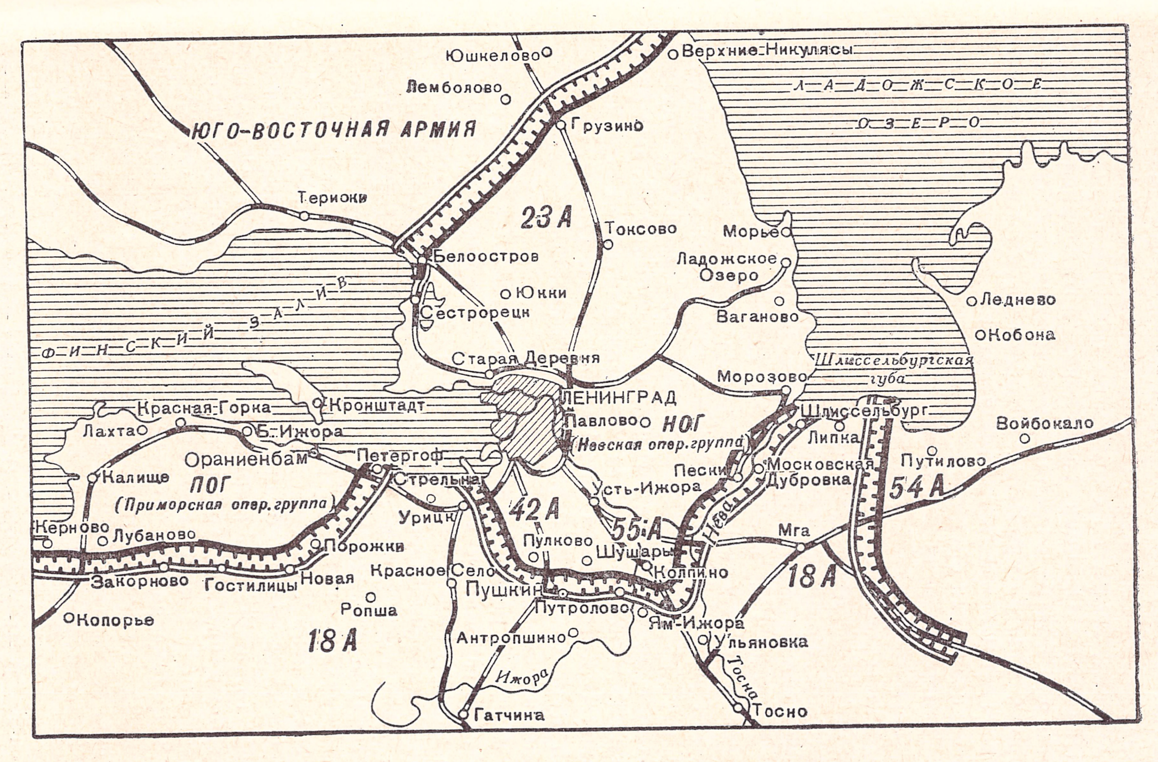
— Обдумайте, — согласился Говоров, покосившись на Евстигнеева. — Перемещения в командовании должны иметь и причину, и следствие. И помните главную задачу разведки: никогда, ни при каких обстоятельствах наши войска и командование не должны оказаться перед фактом неожиданности сосредоточения группировки противника в каком-либо месте.

Через некоторое время один из захваченных пленных немцев показал на допросе, что в Гатчину и Пушкин приезжал начальник гитлеровского генерального штаба генерал-фельдмаршал Кейтель. Был якобы на одном из наблюдательных пунктов, откуда виден Ленинград. Евстигнеев доложил об этом Говорову.

— Этот факт более симптоматичен, чем отстранение фон Лееба, — отметил Говоров. — Следите очень внимательно теперь за передвижением войск.

Члены Военного совета А. А. Жданов, А. А. Кузнецов, Т. Ф. Штыков, начальник штаба Д. Н. Гусев и командующий Краснознаменным Балтийским флотом вице-адмирал В. Ф. Трибуц допускали возможность попытки немцев повторить наступление на Ленинград. Трибуц отмечал, что повысилась активность немцев в минировании фарватеров в Финском заливе с явной целью заблокировать выходы нашему флоту.

Решению задач активной борьбы с осадной артиллерией врага, обстреливавшей город, Говоров уделил, пожалуй, главное внимание с первых же дней. С командующим артиллерией фронта полковником Г. Ф. Одинцовым (в июне 1942 года ему было присвоено звание генерал-майора артиллерии, ныне он Маршал артиллерии) Леонид Александрович был знаком с 1938 года по Артиллерийской академии. В ту пору Говоров был преподавателем, а Одинцов начальником факультета. Встретившись в

Положение войск на Ленинградском фронте на 1 октября 1941 года

совершенно иных ролях, Говоров коротко сказал: «Я рад, что Вы здесь командуете артиллерией».

Возможно, Георгий Федотович мог ожидать и более теплой встречи, но он-то больше, чем кто-либо, знал, как скуп Говоров в выражении своих эмоций. Зато общий язык в конкретном деле был найден сразу. В Одинцове Говоров нашел отличного помощника. Энергичный, настойчивый, человек огромной работоспособности, Одинцов, как и Евстигнеев, был одним из ветеранов Ленинградского фронта. В первых же боях под Лугой в июле 1941 года он возглавил особую артиллерийскую группу, нанес огромный урон гитлеровцам, пытавшимся с ходу прорваться к Ленинграду. Отличился Одинцов решительностью и личным бесстрашием, когда, командуя арьергардом, прикрывавшим отход главных сил Лужской группы войск, вывел из окружения большой отряд. Осень и часть зимы Одинцов командовал артиллерией 54-й армии, а в январе возглавил всю артиллерию осажденного города. Еще до прибытия Говорова он многое сделал для того, чтобы захватить инициативу в артиллерийских дуэлях с осадными орудиями.

Теперь встречи Говорова с Одинцовым и другими артиллеристами стали почти ежедневными.

Чтобы оценить меры, принятые Говоровым для решения задачи, следует привести некоторые данные, характеризующие и начальный, и последующий периоды деятельности ленинградской артиллерии.

В конце 1941 и начале 1942 года суточная норма снарядов для стрельбы из тяжелых дальнобойных орудий Ленинграда была катастрофически мала: 3—4 снаряда на орудие. А по дальности стрельбы наша сухопутная артиллерия отставала от немецко-фашистской, обстреливавшей город. У немцев 150-миллиметровая пушка образца 1939 года била на 24,7 километра, 170-миллиметровая пушка — на 29,6 километра, 240-миллиметровая железнодорожная — на 31 километр.

Одинцов располагал для контрбатарейной борьбы пушками и гаубицами 107-, 122-, 152-миллиметрового калибра с максимальной дальностью 19,7 километра, и

только один тип пушки калибра 152 миллиметра (БР-2, образца 1935 года) имел дальность стрельбы 27 километров. Оставляла желать лучшего и точность стрельбы из-за недостатка средств инструментальной разведки и корректировки огня[1].

[1] См. Н. Н. Жданов. Огневой щит Ленинграда. М., Воениздат, 1965, стр. 63.

Одинцов начал с централизации управления огнем всей тяжелой артиллерии, включая 130- и 180-миллиметровые орудия Краснознаменного Балтийского флота, обладавшие дальностью стрельбы соответственно 25,5 и 37,8 километра. Ко времени прибытия Говорова в Ленинград он добился увеличения поставок тяжелых снарядов, которые в Ленинграде не изготовлялись.

Этим и другим мерам Говоров теперь придал более широкий размах и еще большую целеустремленность. В руках Одинцова и его артиллерийского штаба сосредоточивается все планирование методического уничтожения осадных батарей немцев. Штаб артиллерии фронта вскоре возглавил один из опытнейших командиров полковник Н, Н. Жданов. Ленинград получает от Ставки Верховного Главнокомандования две авиационные корректировочные эскадрильи, что позволяет не только повысить точность стрельбы, но и взять под непрерывный контроль каждую батарею противника. План их уничтожения предусматривает комбинированные удары бомбардировочной и штурмовой авиации.

Можно сказать, Леониду Александровичу Говорову повезло в части командных артиллерийских кадров Ленинграда. Г. Ф. Одинцов, Н. Н. Жданов, начальник артиллерии морской обороны вице-адмирал И. И. Грен, командующие артиллерией 42-й и 55-й армий полковники М. С. Михалкин и В. С. Коробченко — все эти непосредственные участники начавшейся активной борьбы за спасение Ленинграда от разрушения и населения от истребления — были командирами высокой технической культуры и выросшего оперативно-тактического мастерства. Первоклассными мастерами огня были командиры полков майоры Н. П. Витте и В. С. Гнидин.

«Условия воюющих сторон были далеко не равными,— писал в своем детальном труде по истории контр-батарейной борьбы Жданов. — По Ленинграду противник вел огонь, как правило, без пристрелки, и тем не менее каждый его снаряд причинял ущерб»[г].

Завязалась сложная и упорная борьба. Одной из задач при проведении артиллерийских дуэлей Говоров вначале поставил отвлечение огня осадных орудий от города. И это было скоро достигнуто. Гитлеровцам все чаще приходилось вступать в огневой бой, все чаще их батареи, менявшие свои позиции и методы стрельбы, преследовались огнем нашей артиллерии.

Неделя за неделей, месяц за месяцем изменялось соотношение сил. Огневое господство и тактическое превосходство завоевывали артиллеристы Ленинграда. К июлю 1942 года число снарядов, выпущенных врагом непосредственно по заводам и жилым кварталам, снизилось до 2 тысяч в месяц. Характерны и такие цифры: с декабря 1941 по март 1942 года артиллерия противника выпустила по Ленинграду 20 817 снарядов, а за последние шесть месяцев 1942 года — 7699, и две трети из них — по батареям, расположенным вблизи нашего переднего края обороны, от Автово до Витебского вокзала[13].

Говоров не только выдвинул вперед позиции тяжелой артиллерии, но и перебросил часть ее через Финский залив на ораниенбаумский плацдарм, увеличив этим дальность стрельбы и получив возможность вести огонь во фланг и тыл некоторым артиллерийским группировкам немцев. Представляет интерес и такая форма контрбатарейной борьбы, как массированные удары нашей артиллерии по командно-штабным пунктам врага. Гитлеровцы крайне нервно реагировали на такие удары, сразу же переключая огонь своих тяжелых орудий с города на наших артиллеристов.

ГЛАВНЫЕ ЦЕЛИ

Впечатление от первых встреч с новым командующим было разное, но все сходились в одном: Говоров не терпит поверхностности ни в мышлении, ни в знаниях, ни в

деятельности и резко, в лицо высказывает свою оценку или мнение. А слушать умеет, очень внимательно.

Сразу и жестко он стал требовать от каждого подчиненного точного и конкретного знания обстановки в своей области работы и в свою очередь с методической скрупулезностью изучал и брал под контроль разрешение каждой проблемы, возникавшей в войсках и блокированном городе после тяжелейшей голодной зимы. А их было, казалось, бесчисленное множество...

Городу-гиганту, окруженному фашистскими полчищами, помогала вся страна. Центральный Комитет партии, Ставка Верховного Главнокомандования, Государственный Комитет Обороны делали все возможное, чтобы ускорить деблокаду Ленинграда. Военный совет фронта должен был реализовать помощь извне с максимальной эффективностью, а следовательно, организованностью.

Одной из коренных проблем Ленинграда, не менее острой, чем снабжение снарядами, была проблема снабжения горючим и защита его от авиации противника. Она нашла свое решение в уникальном по тому времени строительстве подводного, по дну Ладожского озера, бензопровода. К моменту прибытия Говорова в Ленинград Государственный Комитет Обороны по предложению специалистов из штаба тыла Красной Армии уже вынес решение об этом строительстве. Были привлечены инженерно-технические силы и средства из нефтепромышленности, от Народного комиссариата строительства, из Экспедиции подводных работ особого назначения (ЭПРОН). Правительственный контроль и непосредственную помощь в решении многочисленных вопросов осуществлял уполномоченный ГКО по Ленинграду А. Н. Косыгин, который с первых месяцев блокады руководил снабжением города продовольствием из глубины страны.

Сроки строительства, как и само строительство, уникальны — пятьдесят суток. Говоров и эти работы взял под повседневный контроль. При докладах начальника тыла фронта генерал-майора интендантской службы Ф. Н. Лагунова его интересовали не только темп, но и технология

водолазных, сварочных, укладочных работ, различные расчетные данные.

— Органы тыла не могут быть теперь интендантским аппаратом в старом понимании этого слова, — говорил Говоров Лагунову, требуя от него различных инженерно-технических справок, отдельных деталей проекта и производства работ.

— К командующему ходить с докладом по любому вопросу вроде как студенту к придирчивому профессору, — шутил начальник тыла, но вынужден был лично вникать в детали.

Пожалуй, каждому работнику штаба фронта при разговоре с Говоровым могло показаться, что командующий придает особое значение именно его области деятельности, настолько кропотливо разбирался тот в каждом вопросе.

Нелегкий первый разговор с Говоровым выпал начальнику инженерных войск. Он докладывал одно неприятное по состоянию инженерной обороны. После летних и осенних боев 1941 года, с отступлением под стены города, передний край обороны ряда дивизий оказался в низинах, залитых теперь талой водой. Траншей мало, и они мелкие. Минные поля осенней и зимней установки затонули. Солдаты ослабли от недоедания, а население еще с декабря по этой же причине освобождено от оборонительных работ. В жестоких осенних боях с форсированием Невы в районе Невской Дубровки — самого кровавого места на фронте — инженерные и понтонные части понесли тяжелейшие, невосполненные еще потери. Словом, все надо начинать сызнова в инженерных делах.

Говоров слушал молча. Сидел, положа руки на стол, и разминал пальцы, словно они озябли, иногда поводил локтями по столу, как бы недовольно ворочаясь, посматривая исподлобья, казалось, вскользь, но остро. И на скулах заходили желваки. Он чувствовал, что полковник, докладывая, нервничает и не желает сгладить ни одного неприятного места. Закипало и у Говорова. Тоже проблема: как можно быстрее превратить Город в непреодолимую крепость... Все сначала!

И он наконец сказал тихо, словно про себя:

— Похоже, бездельников много...

Потом снова замолчал, ворочая локтями.

Начальник инженерных войск, высокий худой полковник, видевший Говорова впервые, не мог, конечно, знать, что словцо «бездельник» прилипло к Говорову с юношеских лет в выскакивает у него непроизвольно в минуты раздражения. Это выражение прозвучало такой жестокой обидой, что вызвало в свою очередь резкий ответ: заместитель командующего, только что прибывший в Ленинград, не может или не хочет представить себе, что было в окопах Ленинграда зимой. Брустверы, сложенные из груды винтовок, незахороненные тела убитых солдат, тоже на брустверах. Живым приходилось выбирать: вести огонь по фашистам, пока есть остатки сил и патроны, или начать долбить мерзлую землю для погибшего товарища. Солдат делал первое. Кто имеет право упрекнуть его? И сейчас многим солдатам еще не под силу поднять тяжелое бревно, чтобы построить прочное укрытие.

Инженер почти каждый день бывая на каком-нибудь участке позиции, был нервен и зол на свое бессилие быстро изменить положение вещей.

Говоров выслушал ответный взрыв обиды хмуро, не перебивая, потом встал и ровным, спокойным голосом сказал, глянув на часы, лежащие на столе:

— Нервы у вас, полковник, как вижу, не в порядке. Пойдите-ка успокойте их и приходите через полчаса. Разговор нам предстоит большой, а работы впереди еще больше.

Ровно через полчаса он сам позвонил, вызвал полковника и три часа изучал по карте детали инженерной обороны по всему кольцу блокады, намечал план будущих работ.

Штабы и войска все больше чувствовали влияние Говорова. Он не раскрывал деталей своих дальних оперативных планов. Не только в силу склада характера. У него был определенный метод ориентации работников штаба и командармов: формулировка главных задач на ближайший

отрезок времени сжатыми, но очень ёмкими тезисами, видимо глубоко продуманными поначалу наедине.

На одном из первых совещаний в Штабе Леонид Александрович изложил их так: «...Во-первых, всемерно развивая жесткую и устойчивую позиционную оборону блокированного Ленинграда, придать ей и максимально активные формы; и во-вторых, выполняя эту задачу, создать из внутренних сил ударную группировку для крупной операции». Эта общая формула замысла предусматривала, по существу, параллельное выполнение трех задач, поставленных перед ним Ставкой и Сталиным при назначении. Одновременно Говоров этой формулой как бы вкладывал в условия осажденного Ленинграда основные положения советской военной доктрины, определяющей сущность обороны, ее роль, место, организацию: оборона как форма боевых действий неизбежный оперативный фактор в некоторых случаях и на некоторых театрах военных действий; но только ее активность, ее способность перейти в наступательные формы могут решить коренную задачу — ликвидировать наступление противника, а затем и его самого.

Борьба за огневое господство являлась как бы краеугольным камнем, но Говоров подчинил идее активной обороны и инженерные формы. В плане инженерного управления фронта весной 1942 года предусматривалось создание в главной оборонительной полосе системы сплошных и разветвленных траншей в сочетании с дотами, убежищами.

— Здесь видна только идея жесткой обороны, — заметил Говоров, рассматривая план. — Расширяйте всю систему позиций до емкости исходного плацдарма войск и для атак противника. Траншеи должны развиваться как в глубину — назад, так и вперед, на максимально возможное сближение с противником.

Командующие 42-й и 55-й армий генералы И. Ф. Николаев и В. П. Свиридов всю зиму вели лишь мелкие боевые действия чисто позиционного характера: охота снайперов, вылазки отдельных разведгрупп и довольно вялый огневой бой из орудий и минометов. Был застой и в

И. Ф. Николаев. 1943 год

обороны и инженерные формы. В плане инженерного управления фронта весной 1942 года предусматривалось создание в главной оборонительной полосе системы сплошных и разветвленных траншей в сочетании с дотами, убежищами.

— Здесь видна только идея жесткой обороны, — заметил Говоров, рассматривая план. — Расширяйте всю систему позиций до емкости исходного плацдарма войск и для атак противника. Траншеи должны развиваться как в глубину — назад, так и вперед, на максимально возможное сближение с противником.

Командующие 42-й и 55-й армий генералы И. Ф. Николаев и В. П. Свиридов всю зиму вели лишь мелкие боевые действия чисто позиционного характера: охота снайперов, вылазки отдельных разведгрупп и довольно вялый огневой бой из орудий и минометов. Был застой и в разработке перспективных планов на их участках; все внимание командующего фронтом генерала Хозина было обращено на левый фланг, на боевые действия за Ладогой. Командармы встречались с ним крайне редко. Теперь, часто встречаясь с Говоровым, почти каждый день бывавшим в дивизиях, в штабах армий, они поверили в скорое изменение событий и в центре фронта — под Пулково и Колпино.

Командующий 42-й армией Иван Федорович Николаев, человек с живым, открытым характером, сразу выразил свое отношение к новому командующему:

— Умница он, Леонид Александрович, хотя и бирюк немного. Никому не даст сидеть сиднем. И рука тяжелая и голова светлая. Толковое дело задумал с нашими артиллерийско-пулеметными батальонами.

А дело заключалось в следующем. Изучая состав и расположение войск, Говоров отметил, что отдельные

разработке перспективных планов на их участках; все внимание командующего фронтом генерала Хозина было обращено на левый фланг, на боевые действия за Ладогой. Командармы встречались с ним крайне редко. Теперь, часто встречаясь с Говоровым, почти каждый день бывавшим в дивизиях, в штабах армий, они поверили в скорое изменение событий и в центре фронта — под Пулково и Колпино.

Командующий 42-й армией Иван Федорович Николаев, человек с живым, открытым характером, сразу выразил свое отношение к новому командующему:

— Умница он, Леонид Александрович, хотя и бирюк немного. Никому не даст сидеть сиднем. И рука тяжелая и голова светлая. Толковое дело задумал с нашими артиллерийско-пулеметными батальонами.

А дело заключалось в следующем. Изучая состав и расположение войск, Говоров отметил, что отдельные артиллерийско-пулеметные батальоны, созданные летом 1941 года из народных ополченцев для занятия дотов в укрепленных районах, теперь растворились на полевых позициях дивизий первого эшелона. Произошло это после захвата немцами Гатчины и Красного Села, где батальоны вели бой в дотах. Теперь эти части были в большом некомплекте, подчинялись командирам дивизий, размещались в плохих траншеях.

Говоров еще по предвоенному опыту начальника артиллерии укрепленного района знал, что по штатной структуре такие батальоны могут вести самостоятельный огневой бой как против пехоты, так и против танков противника. Противотанковых орудий и пулеметов в отдельных артиллерийско-пулеметных батальонах по штату не меньше, чем в полку дивизии.

Говоров предложил командармам:

— Почему бы теперь не свести все ваши артпульбаты снова в систему укрепрайонов? Так же, как на Карельском перешейке? При таком решении мы сможем постепенно выводить в резерв некоторые стрелковые полки, а затем дивизии для активных действий.

Эта идея стала предметом обсуждения и на Военном совете фронта, так как содержала элемент риска некоторого ослабления первого эшелона обороны при выводе части полевых войск в резерв в период ожидаемой подготовки немцев к наступлению. Было принято положительное решение. Его осуществлению в большой степени помогло пополнение войск Ленинградского фронта, прибывшее как раз в это время.

Авторы капитального исторического труда о борьбе за Ленинград отмечают, что решение командования фронта в мае — июне отвечало общему замыслу Ставки Верховного Главнокомандования в первой половине 1942 года.

«В связи с развертыванием главных событий на южном фланге советско-германского фронта и отвлечением значительных сил Советской Армии на это направление, а также в связи с необходимостью предотвратить всякую попытку врага организовать новый Штурм Ленинграда войскам Ленинградского фронта требовалось в первую очередь организовать непреодолимую оборону и провести частные наступательные операции с целью измотать и обескровить вражескую группировку, сосредоточенную под Ленинградом.

Оценивая сложившуюся обстановку, Военный совет Ленинградского фронта еще 19 мая 1942 года доносил в Ставку Верховного Главнокомандования о том, что, по мнению Военного совета, основные усилия Ленинградского фронта необходимо направить на разгром мгинско-синявинской группировки противника с целью прорыва блокады Ленинграда.

Ставка Верховного Главнокомандования утвердила этот план. Для успешного выполнения задач по разгрому мгинской группировки врага Ставка Верховного Главнокомандования направила в войска Ленинградского фронта 25 УРовских батальонов, 6 противотанковых полков, 500 станковых и 1000 ручных пулеметов, 5000 автоматов и 2 танковые бригады по 50 танков в каждой. Все эти силы и средства должны были поступить во фронт до 1 июня 1942 года» *.

Конечно, такое количество людей и боевой техники не могло позволить создать ударную группировку для крупной операции. Но создание так называемых полевых укрепленных районов позволило Говорову быстрее решать проблему накопления резервов. В полосе 42-й армии сформировался 79 УР, в полосе 55-й армии — 14-й, по Неве — 16-й. Эти формирования представляли собой соединения типа бригад с входящими в их состав отдельными артиллерийско-пулеметными батальонами, которые заняли наиболее прочные броневые и дерево-каменные сооружения и стали быстро строить для себя новые. Большое количество огневых средств в этих частях дало возможность выводить полевые войска в резерв, сохраняя устойчивость обороны.

В тот же период были внесены некоторые коррективы и в построение внутренней обороны города. Секторный принцип организации, принятый еще летом 1941 года, остался старым. Но в ту пору было иное положение с добровольческими рабочими отрядами, ополченскими подразделениями, закрепленными по секторам на случай прорыва врага в город. В течение зимы часть этих сил внутренней обороны города эвакуировалась вместе с заводами, некоторые не вынесли голодной зимы. Теперь из рабочих отрядов было сформировано 52 батальона, уже армейской структуры. Реорганизовались в 35 батальонов и участковые команды МПВО — в основном там были девушки и женщины. Всего же организация МПВО города насчитывала более 300 тысяч бойцов[14].

Военный совет вновь провел мобилизацию населения на оборонительные работы, главным образом в черте города. Создавалось 110 крупных узлов обороны по секторам, строились тысячи и тысячи различных инженерных сооружений. Город превращался в гигантский укрепленный район, схожий по своей структуре со старыми русскими крепостями. Действительно, как ни анахронично звучит это слово в эпоху массированных действий авиации и танков, но весь Ленинград был, по существу, крепостью с присущими ей элементами — фортами. На юге и юго-западе роль фортов выполняли ораниенбаумский плацдарм, Кронштадт и Пулковские высоты, на севере — железобетонный пояс

Карельского укрепрайона, на востоке — Невская укрепленная позиция. Сам же город был и арсеналом, и главной цитаделью, и сердцем крепости — крепости политической, инженерной, артиллерийской, морской.

Оборонительные полосы дивизий быстро превратились в разветвлённейшую сеть глубоких траншей и ходов сообщения, им присваивали названия ленинградских улиц и проспектов с табличками-указками на пересечениях лабиринта. Уже можно было пройти не нагибаясь от командного пункта дивизии до любой точки передовой траншеи. В эту сетку траншей вписывались прочные броневые, бетонные, дерево-каменные огневые точки и убежища. Резко снизились потери войск от артиллерийского и минометного огня немцев. В ряде мест передовые траншеи выдвинулись на расстояние броска в атаку.

Говоров вел жесткий личный контроль за ходом работ, и каждый командир дивизии знал, что ему не поздоровится, если суточная норма инженерных работ не буч дет выполнена. Церемониться в таких случаях Говоров не любил.

Побывал он и на оторванном от общей линии фронта участке обороны — в Приморской оперативной группе (ПОГ), на так называемом ораниенбаумском плацдарме.

Это был очень важный в оперативном отношении участок в общей схеме обороны Ленинграда. В августе и сентябре 1941 года части 8-й армии, отошедшие с боями из Эстонии через реку Нарва, стоически выдержали все удары противника, стремившегося выйти широким фронтом на побережье Финского залива для разгрома Кронштадта. Командовавший в ту пору фронтом генерал армии Г, К. Жуков с присущей ему решительностью и волей бросал в контратаки все силы, чтобы отстоять этот участок. Сейчас ораниенбаумский плацдарм привлекал внимание Говорова не только как обвод, прикрывавший Кронштадт. Он нависал над тылами 18-й немецко-фашистской армии, подошедшей к Пулково.

Туда пришлось лететь ночью через линию фронта и Финский залив. Говоров взял с собой в двухместные самолеты У-2 заместителя начальника штаба фронта

Леонид Александрович Говоров. 1942 год

Это был очень важный в оперативном отношении участок в общей схеме обороны Ленинграда. В августе и сентябре 1941 года части 8-й армии, отошедшие с боями из Эстонии через реку Нарва, стоически выдержали все удары противника, стремившегося выйти широким фронтом на побережье Финского залива для разгрома Кронштадта. Командовавший в ту пору фронтом генерал армии Г. К. Жуков с присущей ему решительностью и во-

генерал-майора А. В. Гвоздкова, начальника артиллерии генерал-майора артиллерии Г. Ф. Одинцова и меня — начальника инженерных войск фронта. Никто не испытал большого удовольствия от этого перелета — в кромешной тьме, под зенитные разрывы около фанерного самолетика.

Еще в начале зимы с ораниенбаумского плацдарма было переброшено за Неву, а затем и за Ладогу управление 8-й армии. Его заменил сравнительно небольшой штаб группы войск. В командование оперативной группой вступил генерал-майор А. Н. Астанин, назначенный туда после выхода из окружения под Лугой. Почти полгода никто из руководящих работников фронтового штаба не был на плацдарме. И силы тут в мае 1942 года были небольшие: две поредевшие дивизии, две бригады, полк морской пехоты, совсем немного артиллерии и танков. Хорошо еще, что помогали береговые форты Краснознаменного Балтийского флота, объединенные в укрепленный район.

Немцы держали против Приморской оперативной группы тоже незначительные силы. Характерным здесь было то, что нейтральная полоса, разделявшая стороны, достигала местами нескольких километров: ни наши войска, ни противник не хотели лезть в низины, болота, бездорожные места. Но это повлекло за собой ярко выраженную пассивность обороны. Штаб Астанина и командиры дивизий поверхностно знали противника, артиллерия располагалась без четкой системы, в развитии инженерных позиций была видна только одна перспектива — статус-кво.

Прилетев к Астанину, Говоров осматривал участки войск угрюмо, раздражался, выслушивая путаные доклады, и наконец резко бросил упрек всем его сопровождавшим: «Лапу, что ли, здесь сосали всю зиму?»

Разбор положения дел в штабе Астанина был острым для всех. А уезжая на аэродром, Говоров позволил себе еще раз сказать, словно про себя, но так, чтобы все слышали, свое словцо о «бездельниках». Правда, генерал Гвоздков говорил потом, что генералу Астанину надо было бы смягчить раздражение командующего, предложив ему хотя бы стакан горячего чая. Астанин, растерявшись от упреков, так и не успел сделать этого.

Но результат личной проверки Говоровым ораниенбаумского плацдарма был весьма положительным. Никому ни в штабе фронта, ни у Астанина не хотелось получить от командующего «фитиля». Он умел это делать без грубости, но очень ощутимо для самолюбия.

НЕ МЫСЛЮ СЕБЯ ВНЕ ПАРТИИ

Много передумано о партии. Осмыслена вся ее роль в истории и жизни народа. На собственной судьбе познаны суровые законы классовой борьбы. Что такое коммунисты в труде, в бою, Говоров видит каждый день... Почему же он до сих пор не один из тех, кто перед боем обращается к партии с просьбой принять его в свои ряды?..

Мало было людей, с которыми Говоров делился сокровенными мыслями о партии. Около двадцати лет назад Леонид Александрович рассказывал своему комиссару полка о пережитом в юности, о стремлении посвятить жизнь военной науке, о сомнении — окажут ли ему доверие, если он попросит принять его в партию.

Тогда комиссар—бывший матрос — отвечал просто: «Партия может и сказать, что рановато тебя сейчас принимать. Но это значит, есть еще над чем тебе поработать, прежде чем стать членом партии. Вот и спроси у парторганизации, у коллектива. Тебе скажут прямо, в глаза все это».

Да, он помнит те слова на собрании о партийности. Коллектив сказал ему прямые, правильные слова. В ту пору лишь несколько лет отделяло от острейшей вооруженной борьбы за победу революции. Партия — авангард класса возглавила эту борьбу.

Теперь он познал многое. И не было за прошедшие годы ни недоверия к нему, ни отчуждения. Почти десять лет беспрерывно Говоров избирался депутатом в горсовет, был всегда в гуще малых и больших дел повседневной общественной жизни, пользовался авторитетом у окружающих. И он не раз задавал себе вопрос, почему не подавал заявления о приеме в партию? Ведь он не может быть вне ее.

Самолюбие? Уход в раковину военной науки? Или собственная оценка, что не все еще сделано для того, чтобы быть достойным звания члена партии? Все, вместе взятое. Он знает это сам.

Понимал это и еще один человек, с которым Говоров провел бок о бок все бессонные ночи на Бородинском поле в боях за Москву. Член Военного совета 5-й армии Западного фронта Павел Филатович Иванов, так же как и бывший матрос Брыкульс, сказал ему однажды в грозовую октябрьскую ночь 1941 года под Можайском:

— Пора и надо тебе, Леонид Александрович, быть коммунистом в полном смысле этого слова. Пиши-ка заявление в парторганизацию. Я, например, рекомендацию всегда готов дать.

1 июля 1942 года Леонид Александрович Говоров подал заявление в партийную организацию штаба Ленинградского фронта. Он писал: «Прошу принять меня в ряды Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), вне которой не мыслю себя в решающие дни жестокой опасности для моей Родины».

Леонид Александрович позвонил по телефону в Москву, разыскал Павла Филатовича Иванова, сказал ему откровенно: он думает, что дальше не может продолжаться так, как было до сих пор. Ему очень трудно, нужна помощь партии...

Павел Филатович немедленно прислал свою партийную рекомендацию.

Секретарь горкома партии А. А. Кузнецов отлично понимал состояние Говорова, и сам вызвал его на прямой разговор. Партийные рекомендации Леониду Александровичу дали Г. Ф. Одинцов и заместитель начальника штаба А. В. Гвоздков. Партийная организация штаба Ленинградского фронта на собрании приняла его кандидатом в члены партии, а через несколько дней А. А. Жданов сказал Говорову, что Центральный Комитет вынес решение о приеме его в члены партии без прохождения кандидатского стажа.

Впоследствии в задушевной беседе с Одинцовым Говоров, уже будучи маршалом, сказал, что тот день был самым значительным в его жизни.

Глава ЧЕТВЁРТАЯ
КОНЕЦ ОКОПНОЙ НЕПОДВИЖНОСТИ

Завершен рабочий день. Позади поездки в войска, совещание в штабе, изучение оперативных и разведывательных сводок, последние ночные телефонные и телеграфные переговоры с командармами и с Москвой. В предрассветный час командующий остается один.

Иногда кто-нибудь из генералов надумает воспользоваться этим часом, чтобы доложить Говорову то, что не удалось в течение дня, а кажется неотложным. Зайдет в приемную к адъютанту. Капитан Романов, конечно, бодрствует, свежевыбрит. Бесцельно интересоваться, когда он спит, — это его тайна. А если зададут такой вопрос, он улыбнется: «Приходится иногда вздремнуть...»

— У себя командующий, товарищ Романов? Один?

— Так точно, товарищ генерал, один.

— Работает?

— Вроде нет, товарищ генерал.

— Отдыхает?

— Да нет, еще не отдыхает.

— То есть, как это — не работает, не отдыхает? А что же тогда он делает?

— Заходил я сейчас — стоит у окна. От чаю отказался. Прикажете доложить?

— Хотел было... Да кажется, поздно. Пожалуй, утром зайду.

— Так уже утро, товарищ генерал.

— И то верно. Но не буду тревожить сейчас, днем зайду.

Говоров действительно стоит у светлеющего окна. Сейчас то время, когда перед коротким сном надо расставить по местам все, что накопилось за минувший день. Словно фигуры в шахматной задаче. Иногда возвращается к столу, на котором всегда одни и те же предметы: карта, общая

ученическая тетрадь в жестком переплете и часы с ремешком. Записи-пометки в этой тетради у Говорова короткие, бисерным почерком, по пунктам — первое, второе, третье. Так всегда, так каждую ночь.

Только что был разговор с начальником штаба. Гусев докладывал, что за последние восемь суток от Пскова на Лугу прошло 180 эшелонов с войсками и техникой; 47 платформ с тяжелой артиллерией проследовало до Гатчины. Это на юге. А в северной части Ладожского озера уже третий раз немцы спускают самоходные баржи, прибывшие из Германии. Они явно десантные, на них установлены 88-миллиметровые орудия. Получается что-то вроде канонерской лодки, сильная штука.

А пленные, взятые под Урицком и Ораниенбаумом, показывают, что новые осадные орудия, которые солдаты называют «большие Берты», только что прибыли с юга, из Крыма.

По этому поводу А. А. Жданов заметил, что после овладения немцами Севастополем у Гитлера высвободилась там не только осадная артиллерия, но и целая армия с опытом штурма приморского города.

Давно пора лечь, выключить мозг, но командующий все еще стоит у окна. Там уже светло.

Минуло три месяца, как он в Ленинграде. За это время значительно изменилась обстановка на важнейших участках советско-германского фронта. Многое изменилось и вокруг Ленинграда.

После того как в середине мая Военный совет фронта представлял в Ставку соображения о необходимости сосредоточить основные усилия на разгроме мгинско-синявинской группировки немцев, произошли события, потребовавшие нового анализа, хотя и для решения все той же, старой задачи — ликвидации блокады города.

В июне восстановлены как самостоятельные и Волховский и Ленинградский фронты; неудачно для советских войск кончились наступательные бои 2-й ударной армии на западном берегу Волхова, на любанском направлении.

Сосредоточивая главное внимание на наращивании сил и средств обороны города и продолжая непрерывную и активную борьбу с осадной артиллерией врага, Говоров одновременно провел в конце июля две небольшие частные операции с тактической целью отвлечь часть сил противника из района Мга, Тосно. В них принимали участие правофланговые дивизии 42-й армии в районе Старо-Паново под Урицком и дивизии 55-й армии в районе Путролово, Ям-Ижора — южнее Колпино.

Эти бои заставили Линдемана перебросить дополнительно на участки 42-й и 55-й армий три свои дивизии. Наши части, впервые после долгой позиционной обороны возобновившие в небольших масштабах активные действия, не добились сколько-нибудь серьезных территориальных результатов: были захвачены лишь отдельные опорные пункты. Опыт этих боев говорил Говорову, как много еще надо работать и штабам, и войскам, и ему — командующему фронтом, чтобы войска полностью перешагнули порог окопной неподвижности.

Август принес с собой много нового. На сталинградском и кавказском направлениях завязался главный узел второго года войны. Там будут и решающие сражения. Но все, что собиралось в Ставке из разных источников разведки, свидетельствовало, что Гитлер не отказался от плана овладения Ленинградом — бастионом большевизма. Да, из Крыма передвигаются войска 11-й армии Манштейна; часть ее сил отправляется на север.

Уже потом, когда история вскрыла тайны сейфов, были установлены точные даты — 4 апреля и 28 июня 1942 года и содержание директив Гитлера № 21 и 45. Последняя определяла и сроки и силы: «Группе армий «Север» к началу сентября подготовить захват Ленинграда. Операция получает кодовое название «Фойерцаубер» [15]. Для этого передать группе армий пять дивизий 11-й армии с тяжелой артиллерией и артиллерией особой мощности, а также другие необходимые части резерва главного командования» [16].

Если в ту пору и не было известно полное текстовое содержание этой директивы Гитлера, то сам ход событий

требовал конкретных решений на всем гигантском советско-германском фронте. В июле такие решения были приняты по Ленинградскому и Волховскому фронтам. Они исходили из общего старого замысла — встречными

Ударами войск Волховского и Ленинградского фронтой разгромить шлиссельбургско-мгинскую группировку противника. Это наступление должно было прочно сковать под Ленинградом немецкие войска, не дать фашистскому командованию перебросить их под Сталинград.

Эту же цель преследовали начавшиеся 30 июля наступательные операции войск Западного и Калининского фронтов на ржевском и гжатско-вяземском направлениях [17].

Не раз и не два, оставаясь один на один с картой, Леонид Александрович думал о лучшем направлении удара из блокады. Казался оптимальным прямой удар через Неву, где он наносился осенью прошлого года, — у поселка Невская Дубровка. При этом варианте ленинградцам и волховчанам надо преодолеть для встречи 10—15 километров вражеских укрепленных позиций.

Так по карте...

Но форсирование полукилометровой Невы там, где каждый метр давно пристрелян артиллерийскими батареями противника, грозит срывом операции сразу же, в первые часы. Еще ранней весной, выслушав историю боёв за Невский пятачок, Говоров бросил фразу, ясно выразившую его отношение к такому «плацдарму» глубиной меньше километра: «Ничего, кроме кровавой бани, для нас нельзя ожидать там сейчас».

Но и к августу у Говорова нет еще таких сил, чтобы, форсировав Неву, развить прорыв до встречи с волховчанами. Для этого требуется не три — четыре дивизии, которые он с таким трудом вывел в резерв, а десять — двенадцать. Нужны понтонные парки, тысячи лодок. Прошлогодние потери этих средств еще не восполнены.

Так где же наносить удар, чтобы решить задачу, поставленную Ставкой?

И в результате раздумий, расчетов, бесед с членами Военного совета, с начальником штаба Говоров решает

начать операцию не через Неву, а вдоль ее левого берега, с участка 55-й армии генерала В. П. Свиридова, восточнее города Колпино.

Замысел выглядит четким. Против левого фланга армии Свиридова, на крутом повороте Невы, немцы владеют поселком Усть-Тосно и дорогой в сторону станции Мга. Удар вдоль левого берега дает возможность уже в атаке переднего края использовать танки; широкая, в километр, пойма Невы позволяет применить малые катера Краснознаменного Балтийского флота с десантом для захвата мостов через небольшую речку Тосна. И к тому же поддержка пехоты артиллерией будет эффективнее благодаря почти прямому углу Невы в этом месте — огонь можно вести по Усть-Тосно с обоих берегов.

А в первых числах августа, приняв решение и уже готовя его выполнение, Говоров стал получать все более симптоматичные разведывательные данные о замыслах противника.

3 августа. Захваченный под Ораниенбаумом пленный 225-й пехотной дивизии показал, что их задача — обеспечить в ближайшее время штурм Ленинграда.

6 августа. У убитого за Невой командира роты полицейской дивизии CG взят дневник. Последняя запись: «Скоро штурм Ленинграда».

6 августа. Два пленных из 388-го полка 215-й дивизии показали: «Для штурма Ленинграда прибывают войска и осадная артиллерия из Севастополя».

6 августа. Взяты документы убитого артиллериста 536-го тяжелого артдивизиона, только что прибывшего под Урицк. Солдаты предупреждены, что скоро штурм Ленинграда.

Еще 3 августа Говоров направил к командующему Волховским фронтом генералу армии К. А. Мерецкову заместителя начальника штаба генерала А. В. Гвоздкова, чтобы выяснить планы соседа, посоветоваться о времени начала операции. И в Москве и в штабе Волховского фронта полагали, что начинать должны ленинградцы с блокированной территории. Мотивы достаточно убедительны: у Мерецкова готовится крупная ударная

В. П. Свиридов. 1943 год

ют поселком Усть-Тосно и дорогой в сторону станции Мга. Удар вдоль левого берега дает возможность уже в атаке переднего края использовать танки; широкая, в километр, пойма Невы позволяет применить малые катера Краснознаменного Балтийского флота с десантом для захвата мостов через небольшую речку Тосна. И к тому же поддержка пехоты артиллерией будет эффективнее благодаря почти прямому углу Невы в этом месте — огонь можно вести по Усть-Тосно с обоих берегов.

А в первых числах августа, приняв решение и уже готовя его выполнение, Говоров стал получать все более симптоматичные разведывательные данные о замыслах противника.

3 августа. Захваченный под Ораниенбаумом пленный 225-й пехотной дивизии показал, что их задача — обеспечить в ближайшее время штурм Ленинграда.

6 августа. У убитого за Невой командира роты полицейской дивизии СС взят дневник. Последняя запись: «Скоро штурм Ленинграда».

6 августа. Два пленных из 388-го полка 215-й дивизии показали: «Для штурма Ленинграда прибывают войска и осадная артиллерия из Севастополя».

6 августа. Взяты документы убитого артиллериста 536-го тяжелого артдивизиона, только что прибывшего под Урицк. Солдаты предупреждены, что скоро штурм Ленинграда.

Еще 3 августа Говоров направил к командующему Волховским фронтом генералу армии К. А. Мерецкову заместителя начальника штаба генерала А. В. Гвоздкова, чтобы выяснить планы соседа, посоветоваться о времени начала операции. И в Москве и в штабе Волховского фронта полагали, что начинать должны ленинград-

группировка — 13 стрелковых дивизий, 8 стрелковых и 6 танковых бригад, 20 артиллерийских полков. Главный удар от Мерецкова, и времени на подготовку ему надо больше. У Говорова сил мало, и, следовательно, удар вспомогательный, подчиненный общему замыслу.

Утром 19 августа 55-я армия генерала Свиридова силами пока одной дивизии начала бои в направлении Усть-Тосно.

В этот же день Евстигнеев доложил Говорову последнюю новость: сегодня в районе Красного Бора перебежал солдат 391-го полка 170-й пехотной дивизии. Он прибыл с полком 30 июля в Тосно из Симферополя. Идет не только 170-я, но и другие дивизии 11-й армии. Ею командует генерал-фельдмаршал Манштейн. В частях ежедневно ведутся занятия по форсированию широкой реки и штурму зданий в городе.

Сведения были очень неприятны. В начавшихся боях 55-й армии он, Говоров, столкнется с противником, который сам форсирует подготовку крупной наступательной операции. И разновременность ударов Говорова и Мерецкова может создать противнику благоприятные условия для маневра.

Но операция началась. Говорову теперь предстоит держать экзамен на зрелость командующего фронтом в острой схватке с гитлеровскими генералами, видимо полными наглой уверенности в своем превосходстве. Еще бы! Они прорвались к Сталинграду, в их руках еще одна житница России — Кубань...

Кто такой этот Эрих фон Манштейн, с кем надлежит померяться волей, умом, боевыми качествами войск?

Об этой личности Говоров имел общие справочные сведения. Коренной пруссак из династии крупнейших помещиков, около 60 лет. Вся жизнь его — в захватнических войнах. Окончил академию германского генерального штаба. Опыт двух мировых войн. При вторжении в Польшу, а затем во Францию в 1939 и 1940 годах Манштейн был начальником штаба у такого же матерого представителя старой германской военной школы — Рунштедта, командовавшего группой армий. В 1941 году он побывал под Ленинградом,

командуя 56-м моторизованным корпусом, прорвавшимся до Новгорода. После осады и штурма Севастополя, Получив фельдмаршальский титул, Эрих фон Манштейн является, видимо, одной из новых козырных карт в игральной колоде Гитлера. Опытный и сильный противник. С какими силами Манштейн идет сюда, каков его замысел, что он знает о силах осажденного Ленинграда?

Спустя много лет бывший гитлеровский фаворит в своих мемуарах будет стремиться показать себя в роли оппозиционера плану Гитлера по захвату Ленинграда. Он расскажет, как на пути из Крыма к Ленинграду побывал в Виннице — ставке Гитлера и там выразил сомнение начальнику генерального штаба Гальдеру в успехе задуманной операции. А потом будет изображать себя даже спасителем 18-й армии Линдемана под Ленинградом.

Но это будет писаться уже на развалинах гитлеровской военной машины. А тогда свежеиспеченный генерал-фельдмаршал, обласканный почестями и наградами, вел к Ленинграду отборные дивизии 30-го и 54-го армейских корпусов, армаду артиллерии особой мощности и 8-й авиационный корпус генерал-полковника Рихтгофена. С ним и Линдеманом он намечал план вначале залить «волшебным» огнем пожаров город, а затем сравнять его с землей фугасными бомбами и снарядами «больших Берт». Он получил полномочия объединить под своим командованием и дивизии 18-й армии.

Как тогда было фельдмаршалу Манштейну не мечтать о лаврах крупнейшего полководца Германии и не назвать потом свои мемуары «Утерянными победами»!

СНОВА НЕВСКАЯ ДУБРОВКА

«Ивановский пятачок» — так по солдатскому почину вошло в историю место, где 19 августа 1942 года завязались бои, повлекшие за собой целую серию осенних операций, явившихся в свою очередь боевой увертюрой к прорыву блокады.

Замысел Говорова — наступать через Усть-Тосно на Мгу вдоль левого берега Невы — оказался нереальным из-за

соотношения сил. Командующий фронтом убедился в этом быстро, бывая почти ежедневно на наблюдательном пункте.

Вначале как будто оправдался общий расчет на внезапность броска десанта на маленьких катерах для захвата мостов. Под прикрытием дымовой завесы, артиллерийского Огня и штурмовой авиации отряд лейтенанта А. Е. Коструба высадился в самом устье речки Тосна, провел быстротечный рукопашный и гранатный бой с эсэсовцами в паутине траншей и колючей проволоки. Были захвачены и разминированы мосты на шоссе. 268-й стрелковой дивизии полковника С. И. Донскова предстояло использовать этот бросок десанта и пустить вслед через речку пехоту и танки.

Но с этого момента и пошли беспокойные донесения.

У немцев плотность артиллерийского огня оказалась настолько велика, что первые же танки 220-й бригады, рванувшиеся на захваченный десантами шоссейный мост, были подбиты на нем и создали пробку для других.

Командир 942-го полка дивизии майор А. И. Клюканов донес, что захватил плацдарм на восточном берегу реки Тосна, но добавил, что сразу встретил бешеные контратаки.

Говоров и командарм Свиридов с наблюдательного пункта увидели затем сами, как на боевые порядки дивизии Донскова обрушились одна за другой крупные группы пикирующих бомбардировщиков, а вслед за ними стала долбить и тяжелая артиллерия из районов, где она сосредоточивалась в предвидении наступательной операции Манштейна.

Атака и прорыв 268-й дивизии у села Ивановского за рекой Тосна захлебнулись. Долгое время на «ивановском пятачке» дрался лишь один полк Клюканова.

Говоров мог только угрюмо молчать. Той артиллерией, какая была у Свиридова, нельзя подавить мощную, явно наступательную группировку противника. И усилить Свиридова за счет пулковского участка нельзя: и там ведь можно ждать обострения обстановки.

Остается затяжной бой в ожидании, когда Мерецков начнет операцию со своей стороны, из-за Ладоги.

Так продолжалось семь суток. Войска Волховского фронта начали наступление на Синявино 27 августа. К этому времени у Свиридова под Усть-Тосно шел лишь Огневой бой и мелкие схватки на «пятачке».

А разведотдел штаба фронта продолжал получать все новые сведения. В составе армии Манштейна 24-я, 170-я пехотные и 28-я легкопехотная дивизия; в районе Тосно, Вырица объявилась 5-я горнострелковая, 61-я.пехотная, 250-я испанская «голубая» дивизии; в Гатчине появились 12-я танковая дивизия и 185-й специальный самоходный дивизион штурмовой артиллерии. Некоторые из этих частей лишь недавно обнаружились на Волховском и Северо-Западном фронтах.

8-я армия Волховского фронта наступала в направлении Синявино как раз в тот день, когда Манштейн завершал сосредоточение своих войск под Ленинградом и уже рассматривал с наблюдательного пункта в районе Пушкина очертания города, который он должен взять штурмом.. Части 8-й армии генерала Ф. Н. Старикова в первые же дни прорвали позиции 18-й армии Линдема-на, ослабленной перегруппировками в сторону Ленинграда. Прорыв, хотя и медленно, расширялся в сторону Синявино.

Удар Волховского фронта опрокинул все расчеты Манштейна и Линдемана. Синявинская гряда холмов среди торфяных болот огромной приладожской низины, занятая гитлеровцами с осени 1941 года, являлась их ключевой позицией в системе блокады Ленинграда. Если падет она, неизбежно и падение Мги — главного узла коммуникаций на фланге 18-й армии. Удар волховчан направлен по тылам сосредоточенной группировки Манштейна.

4 сентября, когда полоса наступления войск Волховского фронта расширилась до 15—20 километров, в ставке Гитлера забили тревогу. В своих мемуарах Манштейн писал, что уже 27 августа он вынужден был повернуть часть своих сил, подготовленных для штурма Ленинграда, против Мерецкова. А 4 сентября Гитлер вызвал Манштейна к аппарату и потребовал немедленно вмешаться всеми имеющимися у него и Линдемана силами, чтобы предотвратить угрозу развала фронта 18-й армии. Это и дало потом Манштейну

повод преподнести в мемуарах провал штурма Ленинграда как операцию по спасению Линдемана.

Именно в эти дни паши станции радиоперехвата засекли рацию подвижного командного пункта Манштейна. Было отлично слышно, как, подстегнутый разъяренным Гитлером, Манштейн прямо из своей машины отдавал приказы командирам дивизий, разворачивая их и вводя в бой для локализации прорыва войск Волховского фронта.

Для Говорова это обернулось новым решением.

В личном архиве автора этих строк, непосредственно руководившего инженерным обеспечением боевых действий войск Ленинградского фронта, сохранились многие записи, относящиеся к описываемым событиям, в том числе и о 5 сентября 1942 года. В этот день Леонид Александрович вызвал к себе начальника штаба фронта и начальников родов войск и отдал приказание немедленно разработать план удара через Неву в районе Невской Дубровки силами трех-четырех дивизий. Он получил указание об этом из Москвы.

Панорама левого и правого берегов Невы в районе Московской и Невской Дубровки. Снимок сделан с правого берега Невы

Оказалось, что поворот крупных сил Манштейна против войск Волховского фронта затормозил наступление 8-й армии. Сейчас ей требовалась неотлагательная помощь силами Ленинградского фронта. И вот то, чего хотел Говоров избежать месяц назад — форсирования Невы на старом, избитом и пристрелянном участке в районе Невской Дубровки, — не миновало его теперь. И вступал в силу один из неписаных, но непреложных законов войны: ты должен оказать помощь соседу в бою своевременно, иначе она будет бесцельна.

Для подготовки действий на новом направлении давалось трое суток. Их могло хватить только на переброску войск из полосы 55-й армии (район Усть-Тосно). Без прямого ущерба устойчивости обороны города Говоров смог перебросить 3 дивизии и стрелковую бригаду, выделить 300 орудий и около 100 самолетов.

Гитлером, Манштейн прямо из своей машины отдавал приказы командирам дивизий, разворачивая их и вводя в бой для локализации прорыва войск Волховского фронта.

Панорама левого и правого берегов Невы в районе Московской и Невской Дубровки. Снимок сделан с правого берега Невы

Для Говорова это обернулось новым решением.

В личном архиве автора этих строк, непосредственно руководившего инженерным обеспечением боевых действий войск Ленинградского фронта, сохранились многие записи, относящиеся к описываемым событиям, в том числе и о 5 сентября 1942 года. В этот день Леонид Александрович вызвал к себе начальника штаба фронта и начальников родов войск и отдал приказание немедленно разработать план удара через Неву в районе Невской Дубровки силами трех-четырех дивизий. Он получил указание об этом из Москвы.

Оказалось, что поворот крупных сил Манштейна против войск Волховского фронта затормозил наступление 8-й армии. Сейчас ей требовалась неотлагательная по-

Арифметически эти силы могли бы считаться и не такими уж малыми. У противника на участке намеченного форсирования реки, на левом берегу, зарылась 227-я пехотная дивизия, и близко от нее располагалась еще полицейская эсэсовская дивизия.

Но это пока элементарная математика. Коэффициентов к такому расчету было больше, чем хотелось. Штатная численность немецкой дивизии почти в два раза превышает численность нашей. Прорыв с форсированием широченной быстрой реки и атакой сразу же крутого берега, укреплявшегося целый год, — двойная сложность боя. Выделенные дивизии — 46-я (генерал-майора Е. В. Козика), 86-я (полковника Н. С. Федорова) и 70-я (генерал-майора А. А. Краснова) длительное время не вели наступательного боя; в эти дивизии лишь недавно пришло пополнение молодых казахов, совсем не владеющих русским языком. Они не умели ни плавать, ни управлять лодкой.

Тревожило Говорова и то, что на Неве нет армейского штаба. Штаб Невской оперативной группы — чуть покрупнее корпусного управления. Командует группой комбриг И. Ф. Никитин. И он и его штаб всю зиму и лето занимались только оборонительными работами.

А сам он, Говоров, и его штаб разве обладают опытом руководства такой сложной операцией, как прорыв с форсированием реки?

Говоров выехал в район Невской Дубровки вместе С Одинцовым и со мною. И Говоров и Одинцов до этого не видели вблизи места, где ровно год назад генерал армии Жуков, командовавший в ту пору фронтом, предпринял первые контратаки через Неву. Вслед за этим 180 суток не затихали кровопролитнейшие бои на захваченном плацдарме. А потом обе стороны зарылись глубоко на противоположных берегах, окутав свои позиции колючей проволокой и минными полями.

Сейчас прибывшие на Невскую Дубровку слышали лишь вялую перестрелку через Неву и только в стереотрубу или бинокль изредка замечали мелькнувшую немецкую каску или вспышку выстрела из темной щели амбразуры. На крутом

обрывистом участке вражеского берега мрачно высилась серая громада главного корпуса 8-й ГЭС с земляными насыпями эстакад. Железобетонные стены электростанции избиты снарядами настолько, что куски бетона свисают на прутьях арматуры, словно клочья изорванной одежды. Но он, этот израненный Железобетонный монолит, скрывает за стенами и земляными валами много орудий и минометов. Оттуда отлично просматривается и река, и наш правый берег, и будущий плацдарм. Этот бастион будет поражать точным прицельным огнем несколько километров окружающего пространства, оставаясь сам трудноуязвимым. Так уже было осенью 1941 года.

— Осиное гнездо... Измаил какой-то, — зло проворчал Одинцов, отрываясь от стереотрубы. — Тут и шестидюймовым снарядом не раздолбишь. Разбомбить надо, иначе не возьмешь.

Говоров не ответил. Господство в воздухе было пока **у** немцев. Осматривая берега, он думал о другом: о времени суток для начала форсирования реки. С рассветом? Тогда таится угроза быстрого массированного налета пикирующих бомбардировщиков в самом начале операции. Ночью? Но это сложнейший вид боя и управления высадившимся десантом, это неточный огонь нашей артиллерии...

ТРУДНЫЙ ЭКЗАМЕН

Сентябрьские бои 1942 года — войск Волховского фронта под Синявино и Ленинградского фронта через Неву — были очень весомой страницей в общей летописи битвы за Ленинград. В больших исторических трудах им посвящено немного строк, но и по ним можно представить накал этого длительного сражения.

«...Развить успех нашим войскам не удалось, — записано в «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945». — Несмотря на это, наступление войск Волховского и Ленинградского фронтов имело большое оперативное значение, так как вынудило немецко-фашистское командование использовать для отражения удара советских войск соединения, предназначенные для наступления на Ленинград. Бои на

синявинском направлении продолжались до 6 октября. В ходе их обе стороны понесли значительные потери. Только убитыми и пленными немцы потеряли около 60 тыс. человек. Было подбито и уничтожено около 200 вражеских танков, более 200 орудий, 400 минометов, 710 пулеметов, сбито 260 немецких самолетов» *.

После завершения боев на Неве Говоров дал указание штабу фронта составить по свежим следам боевых донесений, сводок, распоряжений подробное описание боевых действий при форсировании Невы и борьбе на плацдарме. Не для анналов истории: он хотел поглубже вникнуть в тот многообразный процесс тяжелейших боев через широкую водную преграду из кольца блокады. Ведь другого операционного направления для прорыва пока нет...

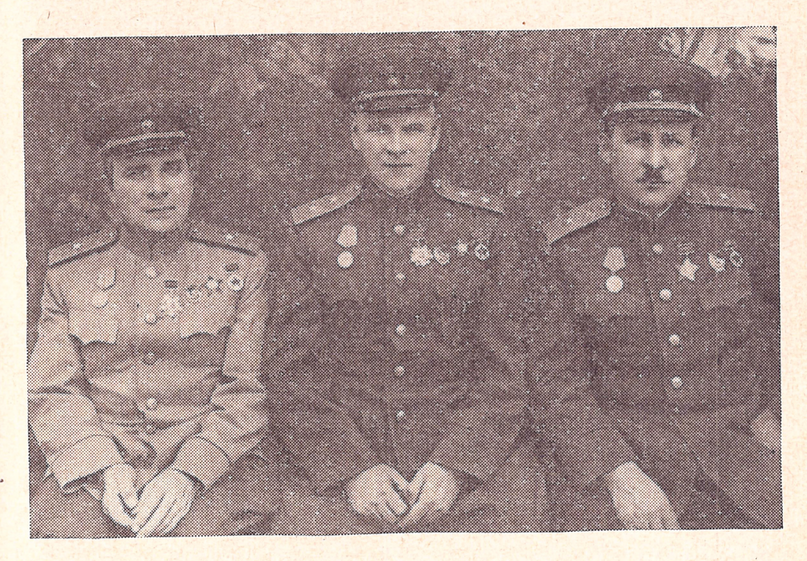
Это описание, где хронологически по дням, временами по часам, раскрывались и удачи и неудачи всех родов войск, можно было видеть у него на столе до самого прорыва блокады в январе 1943 года.

И именно по этой причине, рассказывая о Леониде Александровиче Говорове как о командующем фронтом, следует остановиться на некоторых моментах того трудного сражения.

Выполняй требование Ставки навести удар через Неву как можно скорое, Говоров начал форсирование 9 сентября и в первые же часы увидел результат спешки в сложной операции, о чем думалось последние трое суток. Внезапности переправы не получилось, ибо дивизии, переброшенные с участка 55-й армии к Невской Дубровке, не имели времени для скрытого сосредоточения и не избежали сутолоки на берегу, просматриваемом врагом. Двухчасовая артподготовка наших 300 орудий не подавила огневой системы противника — и сил было мало, и цели были недостаточно разведаны. Первая попытка захватить плацдарм не удалась. Части 46-й и 86-й дивизий понесли тяжелые потери, не выполнив задачи.

Можно представить себе состояние командующего, которому приходится докладывать в Ставку о срыве операции, зная, что у соседа, генерала Мерецкова, идут

Выполняя требование Ставки нанести удар через Неву как можно скорее, Говоров начал форсирование 9 сентября и в первые же часы увидел результат спешки в сложной операции, о чем думалось последние трое суток. Внезапности переправы не получилось, ибо дивизии, переброшенные с участка 55-й армии к Невской Дубровке,

Слева направо: П. П. Евстигнеев, Д. Н. Гусев, Г. Ф. Одинцов. 1943 год

не имели времени для скрытого сосредоточения и не избежали сутолоки на берегу, просматриваемом врагом. Двухчасовая артподготовка наших 300 орудий не подавила огневой системы противника — и сил было мало, и цели были недостаточно разведаны. Первая попытка захватить плацдарм не удалась. Части 46-й и 86-й дивизий понесли тяжелые потери, не выполнив задачи.

Можно представить себе состояние командующего, которому приходится докладывать в Ставку о срыве операции, зная, что у соседа, генерала Мерецкова, идут крайне напряженные бои со свежими дивизиями Манштейна, повернувшими на синявинское направление...

10 сентября Говоров прекратил попытки форсирования и 13 сентября направил в Ставку Верховного Глав-

крайне напряженные бои со свежими дивизиями Манштейна, повернувшими на синявинское направление...

10 сентября Говоров прекратил попытки форсирования и 13 сентября направил в Ставку Верховного Главнокомандования новый план операция, попросив на подготовку пять суток. Когда вместе с А. А. Ждановым он подписывал документ, хмуро заметил: «Мало... Но больше мы просить не имеем права».

Ставка увеличила срок сама с требованием разгромить манштейновскую группировку в районе Синявино, Нева. Нельзя не отметить, что в эти дни немецко-фашистские дивизии начали штурм Сталинграда. Битва на Волге приняла огромный размах.

26 сентября войска Ленинградского фронта вновь приступили к форсированию Невы.

Говоров извлек ряд уроков для себя и заставил то же самое сделать всех: свой штаб, командиров дивизий, артиллеристов, летчиков, инженеров. В командование группой войск, форсирующих Неву, вступил начальник штаба фронта генерал Д. Н. Гусев, а весь руководящий состав по родам войск стал на время его помощником; командующий привлек большое количество моряков Краснознаменного Балтийского флота для конкретного руководства посадкой и высадкой войск на переправах; члены Военного совета фронта все дни подготовки и сражения находились в войсках.

На этот раз Говоров стянул в полосу форсирования уже не 300, а 600 орудий и тяжелых минометов; 160 орудий встало на позиции прямой наводки, чтобы уничтожать самые близкие немецкие огневые точки.

Даже при переправе ночью совсем исключалась какая-либо внезапность. Разведка доносила о передвижениях новых вражеских частей к Неве. Манштейн ожидал повторного форсирования Невы и готовился к его отражению.

Но на этот раз подготовка наших войск дала свои результаты: головные батальоны 70-й и 86-й дивизий пересекли на лодках и понтонах 500 метров Невы ночью под прикрытием более организованного огня артиллерии и реактивных минометов. На вражеском берегу быстро

завязался тот неописуемый ночной бой в Траншеях, где главным оружием становится граната, автомат и короткая, отточенная, как топор, лопатка пехотинца.

События развивались с лихорадочной быстротой.

Уже на следующий день Говоров получил разведсводку: среди пленных и убитых в боях на плацдарме оказались солдаты и офицеры новых частей — 132-й и 223-й пехотных дивизий, 5-го полка 12-й танковой дивизии. Начались массированные удары вражеской авиации по переправам. Потери немцев — 9 бомбардировщиков из 84 и 5 истребителей.

Все последующие дни одновременно с наращиванием наших сил наращивал силы и противник. Манштейн бросает в бой 25-й, а затем 29-й полки 12-й танковой дивизии, 49-й и 83-й полки 28-й легкопехотной дивизии. В воздушных боях и бомбовых ударах со стороны немцев участвует уже до 300 самолетов в день, из них 75 истребителей. Ежедневно немцы теряют до 20 самолетов, мы — 10—12 истребителей.

А плацдарм остается небольшим: две наши дивизии больше отбивают контратаки, чем расширяют его. Растут потери, гибнет много командного состава.

Говоров почти все дни и ночи проводит в землянке командующего Невской оперативной группой, он видит, что близится тот кризис сражения, когда надо принимать очень серьезное, новое решение.

В огневом бою через Неву и на плацдарме участвует с обеих сторон более 1,5 тысячи стволов орудий и тяжелых минометов, около 100 танков. Ожесточенность и непрерывность боя такова, что не позволяет даже убирать убитых. Потери немцев огромны, но и боевой порядок дивизий Федорова и Краснова на маленьком плацдарме настолько уплотнен, что каждая вражеская мина, бомба, снаряд находит себе не одну, а десять жертв.

30 сентября в землянке полевого командного пункта в Колтушах Говоров и члены Военного совета Кузнецов и Штыков обсуждали сложившееся положение. Анализ таков: Линдеман и Манштейн ввели в бой на Неве против двух наших дивизий на плацдарме уже до трех свежих дивизий,

оттянув их с синявинского участка Волховского фронта. Но наступление войск Мерецкова не развивается. Соотношение сил на невском плацдарме таково, что противник, продолжая наращивать здесь силы, может сбросить в Неву наши ослабленные непрерывными боями части. И все же решено пока продолжать изматывать силы врага.

Еще трое суток продолжались ожесточенные бои с отражением контратак немцев иногда у самых командных пунктов дивизий, где в рукопашных боях участвовал весь личный состав штабов. Ежедневно 300—400 трупов гитлеровцев оставалось лежать неубранными. Но слабели и наши войска.

И 4 октября Говоров решил готовить скрытную и полную эвакуацию ослабленных дивизий с плацдарма. Теперь уже он не видел смысла бросать в бой свои небольшие резервы при абсолютно явном превосходстве противника на малом клочке земли на левом берегу Невы и не мог допустить, чтобы 3 тысячи наших солдат и офицеров, дравшихся на плацдарме, были сброшены противником в Неву или отрезаны и окружены.

Ставка утвердила такое решение. Войска Волховского фронта также получили разрешение перейти к обороне на синявинском участке. Синявинские высоты так и не были взяты.

И Говоров и Мерецков вынашивали идею мощного взаимодействующего удара с безусловным превосходством в силах. В данный момент такого превосходства не было. Но был другой симптоматичный факт в те дни сентября — начала октября: в течение десяти суток войска Ленинградского и Волховского фронтов растрепали и обескровили объединенную ударную группировку Линдемана — Манштейна. Все пехотные и танковые дивизии, авиационный корпус и до 700 орудий, готовившиеся к штурму Ленинграда в центре его обороны, втянулись в кровавые бои южнее Ладожского озера. Понеся огромные потери в этих боях, противник уже не мог и думать о штурме города. Не мог он и перебросить отсюда ни единой дивизии под Сталинград. Замысел гитлеровских полководцев был сорван.

В ночь на 8 октября на левом берегу Невы скрытно сосредоточилось около 700 лодок, понтонов и все инженерные части, участвовавшие в операции. Детально разработанный план вывода войск «втихую» позволил провести эвакуацию с плацдарма почти без потерь. Дождь и туман над рекой так помогли скрытности и быстроте, что и 9 октября немцы не обнаружили ухода наших войск. Плацдарм, на котором оставался небольшой отряд автоматчиков, был минирован. Артиллерия с правого берега продолжала наносить сильные огневые удары по врагу, собиравшемуся атаковать пустое место.

И опять следует вспомнить, что все эти события на Ленинградском и Волховском фронтах происходили календарно в непосредственной связи с событиями главной битвы 1942 года —на Волге.

4 октября Ставка Верховного Главнокомандования начала конкретную подготовку разгрома немецко-фашистских войск под стенами Сталинграда '.

См. СССР в Великой Отечественной войне. 1941—1945 гг. (краткая хроника), стр. 264.

А под Ленинградом прошло немногим более месяца, и войска Ленинградского и Волховского фронтов приступили к подготовке уже зимней операции по прорыву блокады. На месте Невской оперативной группы формируется полнокровное управление новой 67-й армии во главе с одним из опытных ветеранов Ленинградской эпопеи — генералом Михаилом Павловичем Духановым, выводится в резерв для боевой учебы ряд дивизий. В Ставку пошло предложение Военного совета фронта провести операцию в декабре.

8 декабря Ставка Верховного Главнокомандования дала директиву готовить прорыв блокады в конце декабря — начале января.

В этот период произошел еще один короткий, но характерный для осени 1942 года бой на левом фланге обороны Ленинграда, показавший, как изменилось здесь соотношение сил.

Командование Ленинградского фронта и командование Краснознаменного Балтийского флота давало себе ясный отчет в том, что основная и единственная артерия снабжения

вы 1942 года — на Волге. 4 октября Ставка Верховного Главнокомандования начала конкретную подготовку разгрома немецко-фашистских войск под стенами Сталинграда [1].

А под Ленинградом прошло немногим более месяца, и войска Ленинградского и Волховского фронтов приступили к подготовке уже зимней операции по прорыву блокады. На месте Невской оперативной группы формируется полнокровное управление новой 67-й армии во главе с одним из опытных ветеранов Ленинградской эпопеи — генералом Михаилом Павловичем Духановым, выводится в резерв для боевой учебы ряд дивизий. В Ставку пошло предложение Военного совета фронта провести операцию в декабре.

М. П. Духанов. 1945 год

8 декабря Ставка Верховного Главнокомандования дала директиву готовить прорыв блокады в конце декабря — начале января.

В этот период произошел еще один короткий, но характерный для осени 1942 года бой на левом фланге обороны Ленинграда, показавший, как изменилось здесь соотношение сил.

Командование Ленинградского фронта и командование Краснознаменного Балтийского флота давало себе ясный отчет в том, что основная и единственная артерия снабжения блокированного Ленинграда из глубины страны — Ладожская трасса всегда будет вызывать в гитлеровцах стремление порвать ее, особенно в связи с их замыслом повторного штурма Ленинграда. Одни налеты авиации на суда, перевозившие по Ладоге продовольственные и боевые грузы, не давали противнику ощутимых результатов. Объем перевозок непрерывно рос и в навигацию

[1] См. СССР в Великой Отечественной войне. 1941—1945 гг. (краткая хроника), стр. 264.

блокированного Ленинграда из глубины страны — Ладожская трасса всегда будет вызывать в гитлеровцах стремление порвать ее, особенно в связи с их замыслом повторного штурма Ленинграда. Одни налеты авиации на суда, перевозившие по Ладоге продовольственные и боевые грузы, не давали противнику ощутимых результатов. Объем перевозок непрерывно рос и в навигацию 1942 года почти в три раза превысил то, что было перевезено по ледовой дороге зимой 1941/42 г. В весовом выражении в обоих направлениях он составлял 1062,6 тысячи тонн'.

Для Говорова и командующего Краснознаменным Балтийским флотом Трибуца не было секретом, что летом немцы перевозили из Германии в Таллин, а затем в порт Лахденпохья в северо-западной части Ладожского озера десантные баржи-паромы, катера — минные заградители и даже итальянские торпедные катера. Явно замышлялась операция с целью сорвать снабжение города: нападение на конвой Ладожской военной флотилии, минирование трассы, высадка десантов... Вице-адмирал В. Ф. Трибуц и командующий Ладожской военной флотилией капитан 1 ранга В. С. Чероков учли это и значительно усилили всю систему прикрытия и обороны водных коммуникаций и баз на Ладоге. Одним из звеньев этой системы был крохотный, размером 100 на 60 метров, островок Сухо в южной части озера, в 37 километрах к северу от Новой Ладоги — главной базы Ладожской военной флотилии.

История этого искусственного островка из гранитных глыб, возвышающегося над водой менее чем на 2 метра, уходит к временам Петра Великого. В 1891 году русские инженеры построили на нем маяк. Теперь этот остров с маячным зданием стоял на пути движения конвоев Ладожской флотилии, контролируя большой район в южной части озера.

К сентябрю 1942 года на нем установили трехорудийную батарею 100-миллиметровых пушек; ею командовал старший лейтенант И. К. Гусев; гарнизон состоял из 90 человек. Остров стал не только важным постом наблюдения и связи с кораблями Ладожской военной флотилии, но и мог при

необходимости прикрыть артиллерийским огнем суда и конвои. Гитлеровцы решили захватить этот остров.

Бой у острова Сухо описан в ряде военно-исторических исследований, статей и в мемуарах его участников. Мы воспользуемся одной из работ[18] и приведем некоторые данные, чтобы яснее представлялась общая обстановка на том фланге Ленинградскго фронта, где готовилась операция по прорыву блокады.

Приурочивая удар по водным коммуникациям Ленинграда к общему наступлению на Ленинград в 1942 году, немецко-фашистское командование создало в северо-западной части Ладожского озера так называемую «флотилию паромов» под командованием подполковника Зибеля. В нее входили тяжелые и легкие десантные баржи, вооруженные 88-миллиметровыми универсальными съемными пушками и 20-миллиметровыми автоматами, десантные, сторожевые и торпедные катера. Экипажи десантных барж были укомплектованы немцами, общее командование всеми военно-морскими силами на озере осуществлял финский командир Ладожской бригады полковник Ирвонен. Для атаки и уничтожения орудий и маяка на острове Сухо был сформирован специальный ударный отряд из трех групп с подрывниками численностью около 100 человек.

В ночь на 22 октября, когда над Ладогой нависла сплошная низкая облачность со шквалами дождя и снега, две кильватерные колонны — в одной десантные баржи, в другой катера — вышли из района Лахденпохья, Сортанлахти в направлении острова Сухо.

Корабли Ладожской флотилии в тот день закончили учение на тему «Отражения десантов на побережье» и находились в своих базах — Новая Ладога и бухта Морье. Авиация из-за нелетной погоды разведку не вела.

Однако и при этих условиях гитлеровцам не удалось достигнуть внезапности удара. В 7 часов наблюдатели дозорного сторожевого катера «МО-171» услышали шум моторов северо-западнее острова Сухо. Поведя катер в этом направлении, его командир старший лейтенант В. И.

Ковалевский через десять минут обнаружил вражеский отряд, перестраивавшийся в строй фронта. Еще через несколько минут «флотилию паромов» обнаружили сигнальщики наблюдательного поста на острове Сухо и другой дозорный корабль — тральщик «ТЩ-100» под командованием старшего лейтенанта П. К. Каргина.

Командир батареи на острове старший лейтенант И. К. Гусев не успел послать радиодонесение в штаб флотилии, так как в этот момент на его командный пункт обрушился шквал артиллерийского огня с десантных барж и вывел из строя радиостанцию. Штаб флотилии узнал о нападении на Сухо из донесения дозорных кораблей. Немедленно командующий флотилией капитан 1 ранга В. С. Чероков приказал отрядам кораблей в Новой Ладоге и Морье направиться в район острова и уничтожить противника. Такой же приказ получила авиация Краснознаменного Балтийского флота.

А у Сухо в эти минуты разгорелся ожесточенный неравный бой. Видимость улучшилась, и был установлен состав вражеской флотилии — около 30 десантных судов и катеров, которые полукольцом охватывали остров. Плотность вражеского огня была так велика, что буквально каждый квадратный метр крохотного островка поражался осколками. Старший лейтенант Гусев перенес свой командный пункт в нижний этаж маячного здания. И он и многие бойцы гарнизона получили ранения, но орудия острова продолжали вести ответный огонь. Вскоре советские артиллеристы добились попадания в десантную баржу и катер. Вынужденные маневрировать под метким огнем защитников острова, две баржи сели на рифы, третья пыталась снять их, но тоже получила повреждения и потеряла управление.

Отважно действует в неравном бою личный состав «МО-171» и «ТЩ-100». Комендоры тральщика «ТЩ-100» Н. Свищев и А. Попов поражают один из катеров, на котором раздается сильный взрыв. Появляются вражеские Ю-88, пикируют на тральщик, бомбят остров; катер Ковалевского ставит дымовую завесу, прикрывая ею тральщик.

Около 8 часов десантные катера под прикрытием истребителей Ме-109 начинают высадку десанта, обрушивая

на защитников острова массированный огонь из 20-миллиметровых автоматов и пулеметов. Начинается бой на острове, где многие из гарнизона уже ранены, в том числе командир батареи Гусев — дважды. По высаживающемуся десанту теперь может стрелять лишь одно из трех орудий: для двух других образовалось мертвое пространство в прибрежной полосе. Поражен еще один вражеский катер.

На остров высадилось около 70 вражеских десантников. Начался гранатный и рукопашный бой. Гитлеровцы пытаются пробиться к маячному зданию и к позициям орудий. Отдельным группам вражеских подрывников удается проникнуть к двум орудиям и заложить заряды, но контратакой группы бойцов во главе с военным инженером Мельницким, который руководил строительством батарей на острове, они были отброшены. Мельницкий и младший сержант Зубков перерезали горевший бикфордов шнур к зарядам.

Группа бойцов, защищавшая маячное здание, во главе с Гусевым и старшиной Мартыновым в рукопашном бою огнем и гранатами оттеснила вражеских десантников к западной части острова.

В 9 часов удар по кораблям противника нанесла авиация Краснознаменного Балтийского флота, которая повредила два десантных катера. Остатки высадившегося десанта, подбирая убитых и раненых, стали спешно отходить к урезу воды, к местам посадки на катера: Операция по уничтожению гарнизона острова сорвалась. В 9 часов

30 минут вся флотилия противника в кильватерной колонне стала полным ходом отходить на северо-запад. Орудия острова Сухо вели по ней огонь до тех пор, пока десантные баржи и катера не вышли из зоны досягаемости огня.

«Флотилии паромов» Зибеля но удалось безнаказанно дойти до своих баз. Командир отряда кораблей из Новой Ладоги капитан 3 ранга П. А. Куриат в 7 часов 55 минут направил три катера «малых охотника» под командой капитан-лейтенанта Кирсанова с задачей сковать вражескую флотилию боем до подхода своих главных сил —

канонерской лодки и тральщиков. Шла полным ходом и морьенская группа катеров из отряда капитана 1 ранга Н. Ю. Озаровского.

Катера Кирсанова подошли в район острова Сухо в 9 часов 30 минут, когда с вражеской флотилией, уже начавшей отход, вели еще бой «ТЩ-100» и «МО-171». Отразив атаки немецкой авиации, группа Кирсанова направилась к голове кильватерной колонны врага, чтобы связать ее боем.

Около 11 часов в бой с «флотилией паромов» вступила канонерская лодка «Нора», около 12 часов — канонерская лодка «Бира». Наши корабли в бою с противником, обладавшим превосходством в артиллерии, потопили еще одну десантную баржу и повредили десантный катер. Мощный удар по «флотилии паромов» нанесли балтийские летчики, которыми командовали Герой Советского Союза капитан Г. Д. Костылев и подполковник Ф. А. Моров. Они потопили и повредили 7 десантных судов, сбили 12 самолетов противника. Всего враг потерял 17 судов. После этого вражеская флотилия уже не решалась выходить в озеро.

ПРОРЫВ

Над Невой занимается январское утро.

Хмурое, как вчера или неделю назад. Кажется, обычные будни войны... Вернулись с того берега разведчики, протащив семьсот метров по льду двух еле живых «языков», вернулись и саперы с трофеем, который они зовут «кабан». Это брусок льда в полкубометра. Его пришлось выпиливать всю ночь под носом у немцев, ибо нужен был анализ структуры льда у берега противника.

Как обычно, с рассветом артиллеристы нацеливают свою оптику, нанося на схемы будущие цели. Ушли на свою охоту снайперы. Вялая перестрелка...

Все обычно и необычно, так как остались считанные дни до прорыва блокады.

И происходит это тоже в необычные дни, на новом рубеже войны. Уже доколачивается в сталинградском котле армия Паулюса в 330 тысяч человек, а тот самый Манштейн, которого после бесславного похода под Ленинград Гитлер

поедал спасать Паулюса, получил и там еще один кровавый урок.

С напряженностью и страстностью, угадываемой за внешним спокойствием, готовил Говоров операцию по прорыву блокады.

Извлечено много уроков из осенних боев. Зима дает преимущество — не нужны лодки, понтоны, но она создает и много других проблем, больших и малых математических задач. Решают их штабы, решают и солдаты, а все суммируется в общем плане, и поэтому так часто в землянке на командном пункте 67-й армии командарм генерал Духанов и Говоров уточняют и уточняют детали будущего сражения.

Детали? И да, и нет... За сколько минут солдаты пробегут по льду до вражеского берега? Пять, семь или восемь минут? Но это с автоматом, винтовкой. А со станковым пулеметом или минометом? Кричать на бегу «ура», или сорвешь дыхание в мороз? Вражеский берег высок, обрывист, покрыт льдом. Сколько нужно на каждый полк, а в полку на батальон штурмовых лестниц, веревок с крючьями, шипов на ботинки?

Танкисты и саперы решают свою задачу — переправы тяжелых танков по льду, еще не имеющему расчетной прочности. В часах и минутах отражены задачи артиллеристов. А летчики, врачи, интенданты?

Атака — одно, динамика всей операции — другое. Где детали, где главное?

Раскрыть в ходе подготовки до мелочей весь объем действий каждого командира и его штаба на каждом этапе боя... Отрабатывать эти действия шаг за шагом — так, сжато, но очень емко формулировал Говоров цели учений, тренировок, штабных занятий. Он адресовал эти требования и себе, проводя дни на учениях с командирами дивизий, на боевых стрельбах, испытаниях ледовых переправ; А глубокая ночь заставала командующего фронтом над оперативной и разведывательной картами.

Приехал представитель Ставки — маршал К. Е. Ворошилов. Ему известен почти весь старший командный состав на обоих фронтах с 1941 года, он с удовлетворением

отмечает, как выросло боевое мастерство офицеров, как изменилось с тех пор оснащение войск боевой техникой.

Встречи Говорова с командующим Волховским фронтом Мерецковым, анализ вместе с ним, Ждановым и Ворошиловым обстановки, условий местности, ресурсов противника позволяют выработать четкое, целеустремленное решение.

К декабрю 1942 года у противника под Ленинградом уже не было танковых резервов; еще 9 октября 12-я танковая дивизия убыла в резерв главного командования. Линдеман, организуя оборону выступа южнее Ладожского озера, опирается больше на пехоту, на мощную артиллерийскую группировку и созданную за годы позиционной борьбы систему инженерных укреплений. Этот выступ, прозванный немцами «бутылочным горлом» и будут подрезать во встречных ударах войска Ленинградского и Волховского фронтов. Линдеман обороняет его силами 1, 227 и 170-й пехотных дивизий, частью сил 5-й горнострелковой дивизии и пехотной дивизии СС «Полицейская». В резерве Линдемана в районе Мги и западнее Красного Села есть еще 96-я пехотная дивизия и неполная 5-я горнострелковая.

Говоров со всей присущей ему скрупулезностью высчитывает вместе с начальником разведотдела, с командующим артиллерией не только статическое количество дивизий, полков, батальонов противника, но и то, что может быть введено Линдеманом уже в процессе сражений за счёт переброски с других участков. Возможно, это будут силы трех-четырех пехотных дивизий и около 100 танков. До 500 орудий противника насчитывается в полосе будущего наступления 67-й армии генерала Духанова.

Какой же мощности артиллерийский кулак надо обрушить на огневую систему Линдемана, на инженерные укрепления, на живую силу, чтобы в атаке и в динамике прорыва все время расчищать путь нашим войскам?

Если в осенних боях Говоров смог сосредоточить до 300, а затем до 600 стволов артиллерии на участке наступления войск Невской оперативной группы, то теперь он идет на многое. Ослабляет пулковский и колпинский участки,

Карельский перешеек, собирая со всего фронта к Духанову армаду артиллерии — около 2 тысяч орудий и тяжелых минометов.

Многое изменилось за полгода... Ставка Верховного Главнокомандования дала пополнение пехоты, ряд новых формирований, танки, реактивную артиллерию, новые самолеты.

И если в прошлых попытках прорвать блокаду главные усилия направлялись с внешней стороны кольца блокады, то теперь внутренние силы города-фронта обладали не меньшими ресурсами. В этом, по существу, главная идея операции.

В ударную группировку 67-й армии генерала Духанова Говоров включил 8 стрелковых дивизий, 5 стрелковых, 2 лыжные и 3 танковые бригады, 414 самолетов авиации фронта и Краснознаменного Балтийского флота.

Выбор участка прорыва... Снова раздумья над картой, выезды на Неву, расчеты с циркулем, изучение аэрофотоснимков.

Вот почему труд военачальника именуется и наукой, и искусством.

Говоров выбрал для удара через Неву полосу выше по течению реки, чем район сентябрьских боев, ближе к Шлиссельбургу. Протяженность большая, чем осенью — 13 километров. Местность, пожалуй, тяжелей, чем у Невской Дубровки: справа — сильнейший в обороне немцев узел — 8-я ГЭС, словно форт с десятками орудий, укрытых в бетоне; слева — Шлиссельбург, тоже как крепость. И левый берег иной: очень крутой, до 12 метров. Взобраться на него после бога через широченную Неву будет архитрудно и пехоте, и, конечно же, танкам. Им без саперов со взрывчаткой и рассчитывать нечего на успех в броске вместе с пехотой...

Но термин «выбор места» меньше всего подходит в данном случае. Иного места и не было. 8-ю ГЭС надо окружать в ходе боя, шлиссельбургский гарнизон немцев вначале сковать и локализовать с фланга, протаранивая центр по кратчайшему расстоянию до встречи с войсками

Волховского фронта, все на той же старой линии синявинских торфоразработок — в 12—15 километрах от Невы.

Сильных контратак, а может быть, и контрудара, следует ждать из района Синявинских высот и со стороны Мги, где расположены подвижные резервы Линдемана, а также из фланговых узлов — от 8-й ГЭС и из Шлиссельбурга.

Как построить боевой порядок пехоты и танков по фронту и в глубину, как распределить по вромони, рубежам и объектам огонь огромной массы артиллерии, чтобы упреждать действия Линдемана? Он тоже сидит над картой, считает свои силы и тоже следит напряжений па тем, к чему готовятся русские. Пленные показывают, что Линдеман издал приказ: любой ценой отстаивать шлиссельбургско-мгинский выступ — «бутылочное горло», ибо это замок на глухой двери блокады Ленинграда.

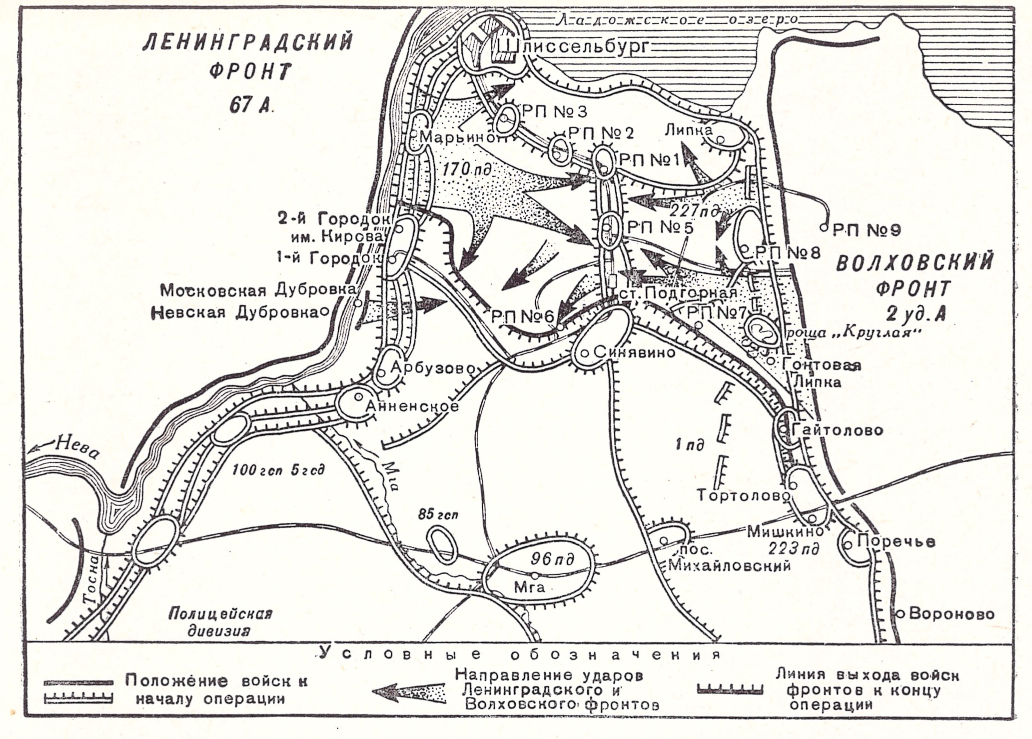
Изучая подобные документы, поступавшие в разведотдел, Говоров обычно тут же знакомил с ними начальника политуправления фронта. На одном из последних перед прорывом совещаний было решено, что помимо оперативной дерективы будет издан короткий приказ-обращение Военного совета фронта к войскам 67-й армии, который будет зачитан во всех частях накануне наступления.

Вечером и в последнюю ночь перед выходом дивизий первого эшелона в исходное положение на берег Невы такой приказ-призыв слушали все воины 67-й армии. «Войскам 67-й армии, — говорилось в нем, — перейти в решительное наступление, разгромить противостоящую группировку противника и выйти на соединение с войсками Волховского фронта, идущими с боями к нам навстречу, и тем самым разбить осаду города Ленинграда.

Военный совет Ленинградского фронта твердо уверен, что войска 67-й армии с честью и уменьем выполнят свой долг перед Родиной.

Дерзайте в бою, равняйтесь только по передник, проявляйте инициативу, хитрость, сноровку!

Слава храбрым и отважным воинам, не знающим страха в борьбе!

Прорыв блокады Ленинграда в январе 1943 года

Смело идите в бой, товарищи! Помните: вам вверены жизнь и свобода Ленинграда.

Пусть победа над врагом овеет неувядаемой славой ваши боевые знамена!

Пусть воссоединится со всей страной освобожденный от вражеской осады Ленинград!

В бой, в беспощадный бой с врагом, мужественные воины!» [1]

Этот приказ как бы завершал подготовительный этап операции, во время которого одновременно с боевой тренировкой войск и штабов была проделана огромная работа политорганами, партийными и комсомольскими организациями соединений и частей. В частности, были проведены встречи воинов с рабочими делегациями из Ленинграда. Молодых солдат напутствовали в бой старые рабочие — участники разгрома Юденича под Петроградом в 1919 году. Во время таких встреч рождались лозунги, с которыми ринулись на врага бойцы 67-й армии, — «За муки, за жертвы, за кровь ленинградцев пора с фашистом рассчитаться!», «Штыком — в упор, гранатой — в клочья круши фашистов днем и ночью!»

Щиты с такими призывами устанавливали в районах исходных позиций.

К 12 января 1943 года закончилась подготовка к сражению, вошедшему одной из самых ярких страниц в историю битвы за город Ленина.

Сражение началось одновременным броском через Неву по льду четырех дивизий первого эшелона на участке 13 километров после 2 часов и 20 минут ураганного огня всей сконцентрированной Говоровым артиллерии. Из общей массы в 2 тысячи около 300 орудий встали на позиции вдоль берега Невы для стрельбы прямой наводкой: надо было уничтожить береговые огневые точки и не разрушить при этом лед у берега, занятого врагом.

Говоров назначил на штурм вражеского берега почти все те же дивизии Ленинграда, которые три месяца назад прошли школу жестоких схваток с группировкой Манштейна, в центре шли солдаты 136-й дивизии генерала Симоняка. Эта дивизия

была сформирована на базе 8-й отдельной стрелковой бригады, прославившейся на полуострове Ханко летом и осенью 1941 года. Леонид Александрович особенно тщательно оснащал и укреплял личным составом дивизию Симоняка, как головную.

Слева от Симоняка, около самого Шлисеельбурга, где ширина Невы достигает 700 метров, шла 86-я дивизия Героя Советского Союза полковника В. А. Трубачева — бывшие народные ополченцы; справа — 268-я дивизия полковника С. Н. Борщева; и на самом трудном, правом фланге для удара на 8-ю ГЭС — 45-я гвардейская ордена Ленина дивизия Героя Советского Союза генерала А. А, Краснова. Эта старейшая ленинградская бывшая 70-я дивизия с первых дней войны участвовала в самых кровопролитных боях, в контрударах и на дальних и ближних подступах к городу.

Сражение на Неве началось. О его героях — солдатах и командирах всех родов войск написаны исторические труды, мемуары, художественные произведения. Здесь нет необходимости пересказывать написанное. Хочется лишь подчеркнуть, что и те, кто бежал по льду на штурм, и те, кто впоследствии видел картину художника Савинова, кто слышал от отцов и дедов рассказ об этом сражении, смогут понять, почему штурм занятого врагом берега Невы 12 января 1943 года сравнивается иногда с более давним историческим штурмом русскими войсками под командованием Суворова крепости Измаил. Солдаты, командиры, политработники — представители частей пошли перед боем на могилу Суворова и дали клятву бить врага так, как завещал великий полководец. Военный совет фронта разрешил генералу Симоняку, наступавшему в центре, вывести на берег Невы сводный оркестр, и бойцы бежали в атаку со штурмовыми лестницами под могучие аккорды «Интернационала». Перед самым штурмом более 2 тысяч молодых солдат и офицеров подали заявления о приеме их в партию и комсомол.

Так в войсках. На командных пунктах свой пульс. Всегда он лихорадочен в процессе сражения после того, как первые цепи солдат докатились в атаке до вражеских траншей.

Казалось бы, операция неглубокая, армейская по масштабам. Командарм генерал Духанов и его штаб четко и уверенно подготовили войска, они достаточно опытны по прошлым боям. Но то — в прошлом. Слишком велико значение, политический резонанс от успеха или неуспеха этой операции. Кроме того, она первая с начала войны с лобовым прорывом очень сильной позиционной обороны, создававшейся немцами полтора года. Вот почему формы руководства сражением со стороны командования фронта носят специфический характер.

И Говоров, и члены Военного совета, и большая часть руководящего состава штаба находятся либо у командиров дивизий, либо на командном пункте армии. Это и опека, и контроль, и беспокойство. Теперь в каждый новый час боя надо предвидеть, что произойдет в следующие часы.

Так было и у Говорова. Острота создалась уже в первые часы, когда командир 86-й дивизии Трубачев донес, что преодолеть 700 метров Невы под Шлиссельбургом его полкам не удалось: на середине Невы бегущих в атаку встретил шквальный пулеметный огонь и уложил на снег. В тех местах вражеский берег далек для стремительного броска и порос лесом. Огонь прямой наводки наших орудий не мог быть точным. Страшное это дело — лежать на гладком как стол ледяном поле род убийственным огнем... Но срыв атаки этой дивизии страшен еще и для соседней справа — дивизии Симоняка. Она протаранила первые линии траншей и дотов, углубилась до 3 километров, но фланг у нее открыт со стороны Шлиссельбурга!

Духанов докладывает Говорову, что вынужден отвести полки дивизии Трубачева назад. Резкий, острый разговор:

— Легче всего дать команду — назад... А что дальше? Удар немцев по Симоняку?

— Я полагаю ввести Трубачева на участке Симоняка, а затем развернуть его на Шлиссельбург...

— Немедленно приводите в порядок части Трубачева и вводите быстрее в бой на левом фланге Симоняка! Дорог каждый час!

Явные неудачи и на правом фланге, в дивизии Краснова. Говоров ждал, что 45-я дивизия, наступавшая впритык к массиву железобетона 8-й ГЭС и каменным зданиям рабочих городков, может встретить там особенно сильное сопротивление. Он понадеялся на боевой опыт Краснова в сентябрьских боях. Молодой генерал-гвардеец был смелым и уверенным. Еще с осени он сохранил на левом берегу плацдармик, рассчитывая, что частью сил своей дивизии сразу осуществит окружение 8-й ГЭС. Так рассчитывал и командарм Духанов, выделяя для дивизии Краснова почти в полтора раза больше артиллерии, чем для соседней с ним дивизии Борщева.

Увы, в первый день боя 45-я гвардейская дивизия не оправдала расчетов и надежд, хотя это не была вина ее солдат и командиров. Именно там, на плацдарме, ожидали немцы главного удара, туда направили большую часть огня своих батарей, оживавших после первоначального шока от нашей артподготовки.

Телефонные разговоры командарма с командиром дивизии в подобных случаях непередаваемы. У того и другого нервы подобны натянутой тетиве лука. И Говорову не хватает уже выдержки. Командарм молча проглатывает почти грубые реплики. Суть не в словах. Атака гвардейской дивизии, по существу, сорвана, а это опять фланг в полосе прорыва! Фланги, фланги... От них зависит судьба вершины клина, вбитого центральными дивизиями Симоняка и Борщева...

И через четверть века ветераны этих боев будут спорить на тему, в чем причина неудачи сильнейшей дивизии в первые дни прорыва. Может быть, просчет командующего? А может быть, какая-то дивизия и должна была принять на себя больший огонь противника и тем самым обеспечить успех на главном направлении?..

Двое суток кипит поле боя совсем вблизи Невы. Яростны и скоротечны воздушные бои истребителей в воздухе, и, наоборот, длительны штурмы зданий, дотов, блиндажей, где с упорством обреченных дерутся, не сдаваясь, фашисты.

Но уже проложены по непрочному еще льду Невы деревянные колейные настилы для тяжелых танков, пошли в помощь пехоте тяжелые орудия, реактивные минометы.

Клин дивизии Симоняка упрямо вбивается все глубже, невзирая на открытые фланги. Потом и дивизия Трубачева снова вводится в бой, теперь из-за фланга дивизии Симоняка.

И снова пульс боя резко лихорадит: на 268-ю дивизию Борщева, соседнюю с Симоняком, обрушивается сильный контрудар пехоты и тапков из резерва Линдемана. Опять предметный урок всем командирам в управлении боем в глубине вражеской обороны: отстает артиллерия, оставляя пехоту одну.

Вечером 13 января полки дивизии Борщева неожиданно для командования откатываются на 2 километра, не выдержав удара противника. Это значит — обнажен правый фланг дивизии Симоняка.

До войск Волховского фронта, тоже прорвавших фронт Линдемана навстречу ленинградцам, еще 8 километров. Мало по карте — один росчерк карандаша. Но какие усилия на поле боя, на командных пунктах! Все концентрируется в такие кризисные моменты — воля и ум командующего, четкость работы штабов, безотказность связи. Теперь особенно должна сказаться предусмотрительность командующего в динамике сражения.

Едва ли и Говоров, и командарм, и их штабы спали, точнее, урывали час-другой на отдых в течение этих дней и ночей. Пришлось изменять время и направления ввода второго эшелона армии и танковых бригад, переключаться с работы над картой на поездки к командирам дивизий, не выпускать из-под контроля ни один час боя.

Линдеман пытался спасать положение единственно возможным методом — бросать и бросать в контратаки резервы. Этому противопоставлялось непрерывное наращивание наших ударов авиации, артиллерии, ввод своих резервов.

Семь суток с неослабевающим упорством наступали наши войска и от Невы, и из-за Ладоги. Хроника боев за семь

суток содержит бесчисленное количество подвигов отдельных солдат, взводов и батарей, батальонов и полков во всех дивизиях. Об остроте, напряжении и упорстве можно судить по темпам продвижения — 1—2 километра в сутки, причем бои не прекращались и ночью. На 14 января расстояние между частями Ленинградского и Волховского фронтов составляло 4 километра, 16 января — 1 километр.

Дрались уже дивизии вторых эшелонов, Шлиссельбург окружен, там штурмуются здания. В попытке вырвать из окруженного города остатки гарнизона Линдеман снова бросает в бой свежие части, потом вводит о контратаку два полка с танками против частей дивизии Симоняка, продолжающих пробиваться к заданному пункту встречи с волховчанами в районах станций Подгорная, Синявино, торфяной Рабочий поселок № 5.

В кульминационном бою Симоняк наголову разгромил эти два полка.

И вот наступил наконец день 18 января, вошедший в летопись легендарной Ленинградской эпопеи такой яркой солнечной страницей, какую не знала история войн. Кольцо блокады Ленинграда разорвано!

«Люди высыпали на улицу. Улыбки и слезы. Город украшен флагами. Рядом с выжженными домами и кварталами эти флаги — символ будущего, символ восстановления, строительства Ленинграда» — писала «Правда» в те дни.

В 9 часов 30 минут 18 января 1943 года на восточной окраине Рабочего поселка № 1 обнялись по-братски воины Ленинградского и Волховского фронтов. Это были солдаты и командиры из батальонов 123-й стрелковой бригады Ленинградского фронта, которой командовал полковник Шишов, и 372-й стрелковой дивизии Волховского фронта полковника П. И. Радыгина.

В 11 часов 45 минут этого же дня в роще северо-западнее Рабочего поселка № 5 воины 269-го полка 136-й стрелковой дивизии генерал-майора Н. П. Симоняка соединились с подразделениями 424-го полка 18-й

стрелковой дивизии Волховского фронта. Ею командовал генерал-майор М. Н. Овчинников.

Шестнадцатимесячная блокада Ленинграда прорвана. Военно-политический резонанс этой победы советских войск, а также итогов великой битвы под Сталинградом огромен и в странах Европы, и в Америке.

Что может вызвать более глубокое удовлетворение у военачальника, чем успешное завершение сражения, в подготовку и осуществление которого были вложены все духовные и физические силы — как личные, так и тысяч и тысяч воинов, партизан, рабочих, колхозников, всего народа страны?

С 19 января 1943 года войска генерала армии К. А. Мерецкова и генерал-полковника артиллерии Л. А. Говорова (это звание было присвоено ему 15 января) образуют единую линию дальнейшего наступления — шлиссельбургско-синявинский выступ фашистской блокады срезан.

18 января Государственный Комитет Обороны принял постановление о строительстве железнодорожной линии

Шлиссельбург — Поляна с мостовым железнодорожным переходом через Неву. Так теперь будет соединен осажденный Ленинград со всей страной.

Однако впереди еще много-много сражений, и все помыслы должны быть направлены на это.

ПЕРЕД РЕШАЮЩИМИ СРАЖЕНИЯМИ

Весь 1943 год на северо-западе шли заттяжные бои. Великие Луки, Любань, Красный Бор, Синявино... Кто из воинов, сражавшихся там, не вспомнит тех мест и четверть века спустя!

Вызревал разгром северного крыла восточного фронта немцев. Но только вызревал в целой серии частных операций, которые именуют и «боями местного значения». Они подчинялись главной, стратегической цели этого периода войны: сломать хребет вражеской военной машины на центральных фронтах. Там, в великой битве на Курской дуге, столкнулись в жестокой схватке тысячи вражеских и наших танков, там встретились в небе звезды и кресты сотен самолетов.

На северо-западе, среди болот и лесной глухомани, шло перемалывание живой силы противника в боях, небольших по масштабу, но на многих участках.

У Мерецкова и Говорова после прорыва блокады не было еще такого перевеса над группой армий «Север», чтобы разгромить ее главные силы в одной операции. Но ни одна из десятков немецких дивизий Кюхлера не должна быть выпущена на другие фронты.

И вот идут непрерывные изнурительные бои... С явным сознанием неизбежных потерь. В этом, по существу, и драматизм и величие воинского долга. У каждого — у солдата и полководца. Один из командиров дивизий, генерал А. В. Батлук, рассказывал:

«Если зимой торфяные болота там хотя немного замерзали, то летом настал какой-то кромешный ад... На узких тропках между бесчисленными торфяными ямами ни укрыться, ни разойтись даже санитарам с носилками. Все просматривается и простреливается немцами с занятых еще в 1941 году высот. «Чертовы высоты». А у нас трясина засасывает орудия до четырех метров в глубину. Жара, болотные испарения и постоянно тлеющий от пожаров торф вызывает рвоту; за неделю преют и расползаются гимнастерки. «Прогрызание» длится больше месяца. Говоров принял решение: ограничить участие каждой дивизии в таких боях десятью сутками. Мы, командиры дивизий, называли это «поурочной системой Говорова». И, откровенно, не могли тогда оправдывать непрерывности лобовых атак без перевеса в силах. А сейчас, вспоминая ход последующих событий, я думаю, что Говоров сумел все же сохранить в таких условиях боеспособность всех дивизий к моменту главного удара».

Небезынтересен один из эпизодов той сидявинской страды. В первых числах августа в землянку Говорова на берегу Ново-Ладожского канала вошел майор и представился:

— Командир сто шестого инженерного батальона...

— Здравствуйте, товарищ Соломахин, — поздоровался командующий. — Мне доложили, что вы предлагаете ночную

атаку своим батальоном одной из высот. Это продуманное намерение или горячая затея?

— Товарищ командующий! Дневные атаки пехоте до сих пор не удавались. Немцам виден каждый наш шаг на болотах. Саперы привыкли к ночным действиям. Наш батальон атакует высоту ночью, захватит ее и передаст пехоте.

— Коротко, но не совсем еще ясно, — усмехнулся Говоров, разглядывая майора. «Не молод. Плотная фигура, черные глаза под очками глядят спокойно. Бывалый командир...» — подумал он.

— И как же вы готовитесь к такому сложному бою?

— Мы построили в тылу, по аэрофотоснимку, точную копию немецких укреплений и уже несколько ночей тренируемся там. Каждый взвод знает наизусть свой отрезок траншей, все лисьи норы, блиндажи. Через болото до дистанции броска в атаку мы поползем. Артподготовки нам не надо. Вот план боя...

Говоров внимательно и долго рассматривал схему участка вражеской позиции, которую положил перед ним майор, с пометками по всем деталям ночной атаки.

— Вы лично пойдете с батальоном?

— И мой заместитель по политической части. И весь штаб, товарищ командующий.

— Вам известно, что на этой высоте находятся и артиллерийские наблюдательные пункты немцев? Они корректируют оттуда огонь по железнодорожным эшелонам, идущим в Ленинград.

— Да, известно. Обороняют эту высоту две роты противника. Мы уничтожим их...

Последние слова майор сказал жестко и холодно, глядя в упор на командующего.

Говоров разрешил этот необычный штурм лишь после того, как лично проверил одну из ночных тренировок батальона. Штурм состоялся 11 августа 1943 года.

...Это был жестокий рукопашный бой в темноте, в узких траншеях, лисьих норах, блиндажах. Отточенная пехотная лопата и нож заменяли штык. Сама атака заняла двадцать

минут, но полз батальон по болоту три часа. Рота гитлеровцев была истреблена на высоте полностью, еще одна рота была взята в плен, высота захвачена. Говоров в тот же день от имени Президиума Верховного Совета СССР наградил майора И. И. Соломахина орденом Суворова III степени, а всех командиров рот — орденом Красного Знамени. Орденами и медалями были награждены почти все участники атаки. В Ленинграде, в музее

А. В. Суворова, и сейчас стоит макет атаки одной на «чертовых высот» 106-м инженерным батальоном.

Более месяца изо дня в день методически перемалывались резервы 18-й немецкой армии в районе синявинско-мгинского выступа. С востока на этом направлении продолжала наступательные бои 8-я армия Волховского фронта, так что вся группировка Линдемана непрерывно находилась в сжимающихся тисках. С 22 июля по 20 августа Линдеман перебросил в полосу 67-й армии Ленинградского фронта около семи дивизий с других участков, но эти дивизии, сменяя обескровленные соединения, сами попадали под непрерывные удары авиации и наземных войск обоих фронтов и несли огромные потери.

В конце августа 1943 года Ставка Верховного Главнокомандования приняла решение о прекращении наступления войск Ленинградского и Волховского фронтов. Они выполнили свою задачу и тем помогли советским войскам, дравшимся на главном направлении того периода — орловско-курском.

Глава ПЯТАЯ
С ФЛАНГА НА ФЛАНГ

Южное побережье Ладожского озера и мгинско-синявинскнй узел два года были постоянной ареной активных боевых действий на Ленинградском фронте. Там в середине сентября 1941 года начались контратаки через Неву. В очень кризисный период сражения за Ленинград эти атаки оттянули силы и отвлекли внимание гитлеровского командования от самого близкого к городу рубежа — Пулковских высот. В зоне Невской Дубровки, Волхова, Тихвина велись кровопролитные

бои и всю зиму 1941 года, когда Гитлер пытался затянуть вторую петлю блокады вокруг Ленинграда и задушить жителей города голодом.

Там, на левом фланге Ленинградского фронта, возникла легендарная Дорога жизни, и за нее шла непрерывная борьба. Летом и осенью 1942 года на этом же левом фланге перемалывались вражеские дивизии, прибывшие из Крыма. Там же наконец была прорвана блокада. И все там же летом и осенью 1943 года войска Волховского и Ленинградского фронтов обескровили более десяти дивизий противника. В конце августа командующий 18-й немецко-фашистской армией Линдеман вывел в тыл на переформирование пять дивизий, понесших особенно большие потери.

Однако операции войск Волховского и Ленинградского фронтов все еще носили неглубокий характер, удары были короткие, почти всегда лобовые.

Осенью 1943 года наступила пора иных решений.

31 августа начальник штаба Ленинградского фронта, проводя очередное совещание с начальниками родов войск по перспективному плану, сообщил, что по приказанию генерала Говорова штабу в ближайшее время предстоит разработать план крупной наступательной операции на правом фланге фронта — на красносельском направлении. В последующие дни началась активнейшая подготовка командования, штаба и войск Ленинградского фронта к решающим сражениям за полный разгром немцев под стенами Ленинграда.

Этот процесс планирования и подготовки крупной фронтовой операции с перемещением главных усилий с одного фланга на другой — от побережья Ладожского озера к побережью Финского залива — характерен многими моментами: замыслом, исходя из анализа обстановки, организацией маневра главными силами в подготовительный период, боевой подготовкой войск.

Леониду Александровичу Говорову предстояло в те дни завершить синявинскую операцию овладением всей ключевой позицией противника — главными высотами в обширном болотистом районе Синявино. После этого он мог

считать, что железнодорожный узел Мга, хотя и не взятый еще нашими войсками, в большой степени потеряет свою оперативную значимость для немецко-фашистского командования в общей системе ого обороны на этом направлении: командные Синявинские высоты будут постоянно нависать над правым флангом армии Линдемана.

9 сентября Говоров дает указание ввести в бой в районе Синявинских высот 30-й гвардейский стрелковый корпус[19], но на короткий период, с последующим немедленным выводом его в резерв фронта.

Трое суток, с 15 по 18 сентября, гвардейские дивизии штурмовали мощный синявинский узел, полностью очистили его от противника. Войска 67-й армии генерала М. П. Духанова получили указание закрепиться и перейти к обороне во всей полосе. Говоров начал постепенную и скрытную переброску главных сил вначале к центру, а затем на правый фланг, в полосу 42-й армии.

Следует отметить, что именно в тот же день 9 сентября, когда Говоров давал указание 67-й армии завершить в ближайшие дни синявинскую операцию силами корпуса Симоняка, он и член Военного совета фронта А. А. Жданов направили в Ставку Верховного Главнокомандования первые соображения по замыслу будущей операции.

«В связи с общей обстановкой, — говорилось в этих соображениях, — Военный совет Ленинградского фронта считает своевременным поставить вопрос о разгроме 18-й армии, как основы северного крыла восточного фронта противника, и не только окончательно освободить Ленинград, но и овладеть всем лужским плацдармом с выходом на рубеж реки Луга от устья до города Луга, как предпосылка дальнейших действий на Прибалтику» *.

Судя по этим данным, надо полагать, что идея глубокого удара крупными силами владела Говоровым давно. В тех же первоначальных соображениях писалось, что не раз в 1943 году 18-я армия Линдемана стояла на грани катастрофы, что ее спасала только возможность широкого маневра резервами, своей и 16-й армий, потому что Ленинградский и

Следует отметить, что именно в тот же день 9 сентября, когда Говоров давал указание 67-й армии завершить в ближайшие дни синявинскую операцию силами корпуса Симоняка, он и член Военного совета фронта А. А. Жданов направили в Ставку Верховного Главнокомандования первые соображения по замыслу будущей операции.

Л. А. Говоров вручает Гвардейское знамя генерал-майору Н. П. Симоняку. 1943 год

«В связи с общей обстановкой, — говорилось в этих соображениях, — Военный совет Ленинградского фронта считает своевременным поставить вопрос о разгроме 18-й армии, как основы северного крыла восточного фронта противника, и не только окончательно освободить Ленинград, но и овладеть всем лужским плацдармом с выходом на рубеж реки Луга от устья до города Луга, как предпосылка дальнейших действий на Прибалтику» [1].

[1] См. И. П. Барбашин и др. Битва за Ленинград, стр. 300.

соседние фронты наносили удары на узких участках, не угрожая окружением больших группировок.

К такому анализу были все основания. Разведывательный отдел штаба фронта дал Говорову сведения, что 20 немецких дивизий перед Ленинградским и Волховским фронтами стоят, по существу, в одном оперативном эшелоне. В районе Псков, Чудово, Остров расположено всего 3—4 дивизии.

— В глубине командование группы армий «Север» уже не имеет крупных резервов, — констатировал начальник разведотдела генерал Евстигнеев в те дни.

Все эти положения и легли в основу общего вамысли Л. А. Говорова и А. А. Жданова, представленного в Ставку: ударом с севера в направлениях Ленинград, Красногвардейск (Гатчина) и Усть-Рудницы, Кингисепп и ударами с юго-востока (войска Волховского фронта) в направлении Чудово, Дивенский и Новгород, Луга выйти на основные коммуникации вражеских войск Рига — Красногвардейск и Псков — Красногвардейск, лишить противника возможности маневрировать резервами 18-й и 16-й армий и создать двойное окружение его основных сил.

Вот когда в полной мере оценивалась оперативная значимость ораниенбаумского плацдарма. Приморская оперативная группа генерала Астанина на этом плацдарме нависала географически над тылами 50-го немецкого армейского корпуса, зарывшегося в землю непосредственно под Ленинградом.

Однако в первоначальном своем плане Говоров не предусматривал переброски 2-й ударной армии на приморский плацдарм перед операцией по прорыву. Он рассчитывал проводить две последовательные операции: вначале нанести встречные удары силами 42-й армии и Приморской группы на красносельском направлении с целью их соединения в одну линию фронта и создания тем самым условий для развертывания армейской ударной группировки на правом Крыле фронта. После овладения Красным Селом должен был последовать удар на Красногвардейск (Гатчину); на правом крыле фронта после соединения 42-й армии и

Приморской группы должна была развертываться ударная группировка для наступления на Кингисепп. Этим наступлением перерезалась коммуникация армии Линдемана на участке Кингисепп, Молосковицы.

14 сентября свои соображения по плану зимней операции и действиям в случае отхода противника до наступления зимы представил и Военный совет Волховского фронта[20]. Генерал армии Мерецков планировал удар из района севернее Новгорода в направлении города Луга, чтобы расколоть группу армий «Север» на стыке 18-й и 16-й армий, а затем во взаимодействии с Северо-Западным и Ленинградским фронтами окружить и уничтожить основные силы 18-й армии, не дав им возможности отойти на рубеж реки Луга или далее, на линию Нарва, Порхов.

Таковы были первые варианты операций, над которыми со всей тщательностью стали работать штабы обоих фронтов в сентябре, едва закончились изнурительные бои под Синявином.

Для Мерецкова и Говорова, естественно, было крайне важно разгадать планы и намерения немецко-фашистского командования на ленинградском и северо-западном направлениях, узнать об изменениях группировки противника. Конечно, в конце 1943 года гитлеровцам было уже не до восстановления блокады города в том виде, как год назад. Но что же Линдеман думает делать?

Начальник разведотдела Ленинградского фронта генерал Евстигнеев все время ощущал повышенный интерес Говорова к сведениям из тыла 18-й армии. Появились характерные симптомы. Одна из разведывательных групп, засланных Евстигнеевым в глубину обороны немцев, захватила саперного офицера, и тот показал, что спешно создается не только тыловая оборонительная полоса на рубеже Нарва, Псков, Порхов, именуемая «Пантерой», но и промежуточные рубежи по берегам рек Оредеж. Мшага, Луга, Плюсса. В этих местах немецкие саперы готовят к разрушению мосты, дороги, приступают к минированию населенных пунктов. О таких фактах стали доносить и штабы партизанских соединений.

Не готовится ли Линдеман, понимая шаткость своей позиционной обороны на длинном фронте с малыми резервами, уйти из-под Ленинграда раньше, чем его «подсекут под корень»? Допустить этого нельзя, надо форсировать подготовку наступления.

Генеральный штаб располагал еще более обширными разведывательными данными, и в конце сентября Ставка Верховного Главнокомандования прямо указала Говорову и Мерецкову на возможность преждевременного отхода 18-й армии на подготавливаемый тыловой рубеж. В связи с этим все три фронта — Северо-Западный, Волховский и Ленинградский — получили конкретные указания усилить разведку, создать ударные группировки на направлениях, выводящих на пути вероятного отхода врага, иметь в частях первой линии подвижные отряды преследования.

Эти обстоятельства сразу же потребовали корректировки первоначального плана и конкретной боевой подготовки войск, штабов. Началась разработка плана-варианта — не силового прорыва, а преследования противника, едва он начнет отход.

В штабе Ленинградского фронта этот вариант получил условное обозначение «Нева-1», а вариант прорыва — «Нева-2».

12 октября Говорову и Мерецкову вновь было указано, что при отходе врага необходимо немедленно перейти к энергичному преследованию. В то же время операцию по силовому прорыву обороны противника разрешалось начинать только с ведома Ставки *.

В течение всего октября внимание Говорова было сосредоточено на тщательной подготовке штабов и войск во всех армиях к возможному быстрому переходу от позиционной обороны к общему наступлению. Почти ежедневно он был в той или иной армии, работая с командирами, посещая полевые учения в дивизиях, выведенных в резерв.

Приморскую оперативную группу войск на ораниенбаумском плацдарме Говоров проверял 15—17 октября. Командующий фронтом пересек Финский залив

ночью на тральщике, решив лично убедиться в особенностях Морского Сообщения с плацдармом.

Следует отметить, что и в этот период подготовки наступательной операции Говоров планировал всю группировку фронта, имея 2-ю ударную армию генерала В. 3. Романовского на левом крыле. Летом и осенью задачей этой армии являлась оборона стыка с Волховским фронтом и новых коммуникаций Ленинграда, созданных в результате прорыва блокады по побережью Ладоги и через Неву у Шлиссельбурга.

План «Нева-1» предусматривал включение в состав 2-й ударной армии 30-го гвардейского стрелкового корпуса, 86-й и 123-й стрелковых дивизий. По этому же варианту остальные армии фронта (42, 55 и 67-я) должны были иметь почти одинаковый состав — по пять стрелковых дивизий в каждой, а Приморская оперативная группа — три стрелковые дивизии (48, 98, 168-я) и три отдельные стрелковые бригады (48, 50, 71-я).

Эти данные, взятые автором из старых штабных тетрадей, приводятся здесь лишь для того, чтобы показать, что процесс планирования различных вариантов группировки войск фронта был в те дни достаточно многообразен и окончательно складывался у командующего постепенно: еще не было ясно, в какой общей оперативной обстановке придется действовать.

17 октября, рассматривая с командующим Приморской оперативной группой генералом Астаниным обстановку, которая может сложиться на этом участке, Говоров в первую очередь подчеркивал, что построение боевых порядков наших наступающих войск целиком зависит от точного и конкретного знания системы обороны противника. На ораниенбаумском направлении, например, немцы не имели сильно развитой траншейной системы; широкая нейтральная полоса была засорена чрезмерно большим количеством различных заграждений; противник соорудил здесь много опорных пунктов из очень прочных дерево-каменных и дерево-земляных пулеметных и орудийных огневых точек. И боевой порядок атакующих, и их действия штурмовыми группами, и особенности управления в таком бою — все эти

детали рассматривались Леонидом Александровичем с присущей ему тщательностью.

Так же было и на фронтовой военной игре, которую Говоров проводил через две недели со штабами 42-й и 67-й армий.

Время шло, а явных признаков, что Линдеман вот-вот начнет преднамеренный отход на тыловые рубежи, не было. В то же время разведывательные органы и партизаны продолжали доносить, о многих характерных явлениях в тылу 18-й армии: за оборонительную линию «Пантера», которая строится все более ускоренными темпами, эвакуируются тыловые учреждения немецко-фашистских оккупантов; гитлеровцы вывозят в глубокий тыл промышленное оборудование предприятий, некоторые склады боеприпасов и продовольствия.

В чем суть этих мероприятий, если учесть, что на фронте нисколько не снижается огневая активность и почти не изменяется общая группировка дивизий противника, — вот над чем раздумывал командующий. Говоров предвидел и неожиданности и продолжал разрабатывать вариант силового прорыва обороны, рассчитывал средства и силы на преодоление упорнейшего сопротивления врага, а не на его бегство.

Впоследствии история вскрыла все пружины мероприятий командования немецко-фашистских войск под Ленинградом осенью 1943 года. Командующий группой армий «Север», в ту пору уже генерал-фельдмаршал, Кюхлер на основе своих разведывательных данных пришел к выводу, что 18-я армия Линдемана стоит перед угрозой окружения и уничтожения в случае крупного наступления войск Ленинградского и Волховского фронтов и что такое наступление готовится. Кюхлер действительно хотел до начала этого наступления внезапно и быстро отвести 18-ю армию на рубеж «Пантера» и тем сохранить без того уже сильно обескровленные дивизии, сократить линию обороны и, следовательно, уплотнить боевые порядки своих войск.

План Кюхлера не был принят Гитлером. Последний потребовал от группы армий «Север» любыми средствами

удерживать занимаемые ею позиции. Для Гитлера Северо-Западный театр военных действий был основой левого крыла всего восточного фронта; к тому же ему было необходимо удержать в своих руках северного союзника — Финляндию.

Сдавшийся в плен в мае 1945 года вместе с окруженной курляндской группой войск ее начальник штаба генерал Ферч, занимавший в 1943—1944 годах пост начальника штаба 18-й армии, свидетельствовал, что осенью

1943 года Кюхлер, несмотря на требования Гитлера, все же исподволь готовил отход армии Линдемана на рубеж «Пантера». Эвакуация громоздких тыловых органов и лишних запасов обеспечивала большую подвижность боевого состава дивизий, быстроту маневра. Но одновременно все немецко-фашистские войска получили строжайший приказ драться за каждый опорный пункт до последнего.

Леонид Александрович тщательно изучал все, что попадало в руки разведчиков, в том числе инструкции по ведению боя немецких подразделений. Эти инструкции выражали, по существу, главную цель высшего немецко-фашистского командования на рубеже 1944 года — избежать катастроф, подобных сталинградской и курской.

Генерал армии С. М. Штеменко в своих мемуарах «Генеральный штаб в годы войны» приводит ряд положений из общего плана советского командования на 1944 год, характеризующих наше военное искусство на том этапе войны. Одно из этих положений заключалось в следующем: «Ставка и Генеральный штаб отчетливо понимали, что при всех обстоятельствах мы не можем упускать из своих рук стратегическую инициативу, ***не должны позволить врагу перевести борьбу в позиционные формы*** (курсив наш. — ***Б. Б.)»[1].***

Чего же хотели гитлеровцы тогда? Если Советская Армия в 1941—1942 годах, думали они, смогла перевести войну в позиционные формы на большинстве театров военных действий, измотать и обескровить немецко-фашистскую армию до перехода в контрнаступление, то почему бы теперь им не сделать то же?

Из истории Великой Отечественной войны известно, что в дни, о которых идет речь, Ставка Советского Верховного Главнокомандования, разрабатывая общий план кампании 1944 года, предусматривала, что наступательная операция на ленинградском направлении будет одной из серий мощных, последовательных и нарастающих ударов на всем советско-германском фронте, ударов, исключающих попытки гитлеровских генерал-фельдмаршалов удержать позиции на своих операционных направлениях, то есть перевести борьбу в позиционные формы. И календарно операции войск Ленинградского и Волховского фронтов предусматривались, как первый из таких ударов, в самом начале 1944 года.

В связи со всеми этими обстоятельствами предложения генералов Мерецкова и Говорова по разгрому 18-й немецкой армии были утверждены в октябре с некоторыми изменениями. Чтобы усилить удар с ораниебаумского плацдарма, Ставка приказала командующему Ленинградским фронтом передислоцировать туда 2-ю ударную армию [21].

[1] См. И. П. Барбашин и др. Битва за Ленинград, стр. 301.

Этим решением определялось окончательное содержание и цель будущей операции Ленинградского. фронта во взаимодействии с Краснознаменным Балтийским флотом: вначале встречными ударами 42-й армии из Пулково и 2-й ударной армии с ораниенбаумского плацдарма окружить и уничтожить вражескую группировку в районе Петергоф, Стрельна, Урицк, а затем вести широкое наступление на юго-запад, в сторону Кингисеппа.

67-я армия, занимавшая линию обороны в общем направлении на юг (от 8-й ГЭС на Неве через Синявино до стыка с Волховским фронтом), должна была ужо в процессе развития главного удара начать наступление на Мгу и далее в сторону Луги во взаимодействии с 8-й армией Волховского фронта.

Главный удар войска Волховского фронта наносили на новгородском участке во взаимодействии с соединениями 2-го Прибалтийского фронта, которые должны были сковать силы 16-й немецкой армии.

Так после довольно длительного и глубокого анализа всего происходившего на многих фронтах, в том числе и на

Северо-Западном, сложился план операции на ленинградском и новгородском направлениях.

Есть много специфичного для Ленинградского фронта и Краснознаменного Балтийского флота, для военачальников и солдат в операции, которую народ назвал Великой победой под Ленинградом.

Как и многие другие крупные сражения Великой Отечественной войны 1941—1945 годов, эта операция во многих деталях описана в военно-исторической литературе. Мы отметим лишь некоторые моменты подготовки и проведения сражения, характеризующие Леонида Александровича Говорова — командующего фронтом.

В самый разгар подготовки операции, 17 ноября 1943 года, Леониду Александровичу Говорову постановлением Совета Народных Комиссаров было присвоено звание генерала армии, что означало, естественно, признание его как полководца. Впереди Говорова ожидало то, что составляет главную цель жизни каждого полководца — решительный и полный разгром противостоящих вражеских войск.

На совещаниях с руководящим составом по плану операции Леонид Александрович говорил с редкой для его сдержанного характера увлеченностью. На его обычно бледном лице появлялся румянец. Основные тезисы плана по этапам он, как всегда, излагал емко.

Говоря о первом этапе операции — ударах 42-й армии с Пулково и 2-й ударной с плацдарма, Говоров называл их косыми ударами по сходящимся направлениям, ибо обе группировки до соединения их в районе Ропши должны были наступать не строго перпендикулярно к линии обороны немцев, а срезая вражеский выступ у южного побережья Финского залива. После соединения армий образовывался большой протяженности единый фронт наступления. Открывался простор для глубокого удара к Нарве, к Чудскому и Псковскому озерам, то есть по основным тылам и коммуникациям группы армий «Север».

Но это потом, в ходе развития прорыва. Перспектива не могла не увлекать командующего фронтом, но она не

мешала ему концентрировать свое внимание и внимание подчиненных на подготовке самого прорыва. И здесь опять сказывался выработанный Говоровым, видимо давно, метод при разработке любой проблемы: идти от общего к частному.

Сам прорыв содержал в себе задачи, значительно превышавшие по объему и сложности те, что возникали год назад на Неве. Глубина и силы обороны врага под Пулково были безусловно большими. 42-й армии приходилось прорывать главную полосу обороны врага в самом центре его укрепленных узлов, имея на флангах полосы прорыва сильно укрепленные города Урицк справа и Пушкин слева. В глубине находился не менее укрепленный узел — Красное Село. Дальнейшей задачей 42-й армии являлся разгром немцев в «узле узлов» — Гатчине. Лишь после этого могла идти речь о действии на оперативном просторе.

Дивизии 50-го немецкого армейского корпуса за два года глубоко зарылись в паутине траншей, в сотнях бетонированных и дерево-каменных бункеров-убежищ и боевых сооружений, прикрытых всеми видами проволочных и минноподрывных заграждений. Кроме того, командующий 18-й немецкой армией располагал здесь (наиболее концентрированной огневой системой, а она, по существу, и служила хребтом современной позиционной обороны. Командующий артиллерией фронта генерал Одинцов, изучая эту систему, подсчитал, что из 160 вражеских батарей, стоявших к югу от Ленинграда, более 100 действовали в полосе 42-й армии.

Но к концу 1943 года и Ленинградский фронт получил от Ставки Верховного Главнокомандования в полной мере артиллерию и боеприпасы. Говоров имел теперь возможность создать в полосе прорыва огромнейшие плотности огня и тем обеспечить абсолютное господство над противником. И он создавал их, детально рассчитывая на всю глубину операции. Важнейшую роль в полосе 42-й армии и ораниенбаумского плацдарма по-прежнему играла артиллерия Краснознаменного Балтийского флота. Она обладала наибольшей дальнобойностью. Поэтому Говоров вместе с командующим флотом вице-адмиралом Трибуцем выделил значительную часть морской артиллерии для

решения особых огневых задач по глубине обороны врага как в полосе 42-й, так и 2-й ударной армий.

Балтийцы наносили удары по командным пунктам противника, узлам связи, по таким особо укрепленным опорным пунктам, как Красное Село, Дудергоф, Воронья Гора, по железнодорожным узлам. Но артиллерия Краснознаменного Балтийского флота — лишь часть общей массы артиллерии фронта. В состав огневой группировки для решения задач 42-й армии Леонид Александрович включил две артиллерийские дивизии прорыва без двух бригад и специальный контрбатарейный артиллерийский корпус генерала Н. Н. Жданова. Эти крупнейшие соединения, созданные на переломном рубеже Великой Отечественной войны, обеспечивали огромное массирование огня и маневр в ходе глубокой операции. Кроме них в состав огневой группировки 42-й армии вошли еще 8 отдельных артиллерийских полков, дивизия и 4 полка реактивных минометов, 5 истребительных противотанковых, и зенитных и 5 минометных полков

Чтобы нагляднее оценить масштабность роста огневого могущества войск Ленинградского фронта к концу 1943 года, следует обратиться к цифрам. Командующий артиллерией 42-й армии генерал М. С. Михалкин сейчас расписывал по целям, рубежам, времени и назначению огонь 460 артиллерийских и 300 минометных батарей. При 17,3-километровой полосе прорыва, намеченной для этой армии, на каждый километр фронта приходилось в среднем до 200 стволов.

А когда тот же Михалкин осенью 1941 года отбивал огнем своих орудий немецко-фашистский штурм на тех же Пулковских высотах, он имел в своем распоряжении 8—10 орудий на километр обороны.

Вопросы артиллерийского обеспечения, как бы по-новому в сравнении с прошлыми боями они ни выглядели в предстоящей операции, были для Говорова лично и для штаба фронта достаточно ясны. Но возникли новые проблемы. Одна из них — организация и проведение крупного оперативного маневра: переброска 2-й ударной армии из-под Синявино вдоль всего фронта и далее через

Финский залив на ораниенбаумский плацдарм. Требовались тщательность расчетов: по быстроте и скрытности, по материальной обеспеченности. Маневр проходил, по существу, под самым носом у врага, в зоне действительного огня его батарей.

Сразу резко возросла и значимость всех боевых действий Краснознаменного Балтийского флота. В оборонительных сражениях, а затем и во всех частных операциях 1942—1943 годов моряки внесли уже такой вклад в битву за Ленинград, который невозможно переоценить. Теперь флоту предстояло не только обеспечить скрытную переброску в сложнейших условиях целой ударной группировки, но и быть готовым к собственным боевым операциям на Балтике во взаимодействии с войсками фронта. А Говорову — командующему фронтом — в полной мере учесть и использовать вое особенности и преимущества приморского фланга и все возможности Краснознаменного Балтийского флота в глубокой операции с большой перспективой.

И конечно, не один раз Военные советы фронта и флота, лично Говоров и Трибуц, их штабы рассчитывали и проверяли детали погрузки и выгрузки войск и техники на плацдарм, грузоподъемность сетевых заградителей и барж, время перехода ночью из Ленинграда, и с причала Лисьего Носа, в Ораниенбаум. Леонид Александрович не изменял своей привычке лично контролировать и некоторые детали: вместе с адмиралом Трибуцем и начальниками родов войск прошел ночью морем в Ораниенбаум.

В этот же период на Ленинградском фронте проводились значительные организационные мероприятия. Если в середине лета в составе армий имелось только два корпусных управления — 30-го гвардейского стрелкового корпуса во главе с генералом Н. П. Симоняком и 43-го стрелкового корпуса, которым командовал генерал А. И. Андреев, то для предстоящей операции формировалось еще восемь. Командирами корпусов назначались как ветераны прошлых сражений под Ленинградом (генералы П. А. Зайцев, В. А. Трубачев и А. Н. Астанин), так и генералы, прибывшие в Ленинград с других фронтов и обладавшие опытом военных

действий на различных театрах (И. П. Алферов, И. В. Хазов, Г. И. Анисимов, М. И. Тихонов, В. К. Парамзин).

Переход к корпусной системе управления войсками в бою повышал права и ответственность командармов и командиров соединений. Это давало возможность командующему фронтом углубляться в решение самых главных проблем. Леонид Александрович так и делал, но не снижал жесткого повседневного контроля, применяя своеобразный «сквозной» метод. Приезжая в штаб армии, он выбирал один из вопросов готовности армии к наступательным действиям и проверял его, начиная от штаба армии и кончая командиром полка, а иногда батальона, роты.

«Нет мелочей при подготовке атаки», — говорил он. Действительно, общий стремительный бросок нескольких дивизий (как, например, в 17,3-километровой полосе 42-й армии и 10,5-километровой полосе 2-й ударной армии) требовал заблаговременного приближения передовых траншей к переднему краю обороны немцев на дистанцию не более 200 метров, абсолютной точной разведки не одной сотни целей, чтобы задолго до атаки разрушить самые прочные укрытия и огневые точки.

Все это и многое другое было постоянным объектом внимания командующего фронтом на штабных и полевых тактических учениях войск, на наблюдательных пунктах в полосе намечаемого прорыва. Излюбленным выражением Леонида Александровича в те дни было: «Отработка шаг за шагом действий каждого командира и его штаба на каждом этапе операции и боя».

К этому тезису привыкли, его знали и командармы, и командиры корпусов, и командиры дивизий, и командиры полков. Стиль командующего, естественно, становился и их стилем, и их методом работы в подразделениях.

Не без связи с этим получала конкретное направление и деятельность политорганов. Советуясь с членами Военного совета по всем важнейшим вопросам, командующий с неменьшим вниманием, чем к оперативно-штабным разработкам и полевым учениям, относился к планированию политического обеспечения операции. И тоже — по этапам.

На первом этапе — моральная подготовка войск к большой и глубокой наступательной операции, для победы в которой будет недостаточно высокого, но кратковременного порыва. Высокий наступательный порыв командиров и бойцов должен проявляться не только в начале боя, но и в период длительных схваток с врагом в глубине его обороны. Достижению этой цели способствовала расстановка коммунистов и комсомольцев в подразделениях, а также тщательно продуманная агитационно-пропагандистская работа. Воинам рассказывали о злодеяниях гитлеровцев в тех селах и городах Ленинградской области, которые предстояло освободить. В гости к бойцам приезжали трудящиеся города. Красной нитью в политической работе проходила мысль об ответственности воинов перед Родиной за город Ленина, колыбель Великой Октябрьской революции.

План политического обеспечения предусматривал создание после прорыва первой полосы оперативных групп для организации пропаганды среди войск противника. Заблаговременно подготовленные листовки были адресованы солдатам конкретных немецких полков и дивизий.

Формы партийно-политической работы были различны в стрелковых, артиллерийских, авиационных и танковых соединениях и тыловых частях, но все они подчинялись единой цели — обеспечить высокий морально-боевой дух войск на всех этапах операции.

Во второй половине декабря обе ударные группировки фронта завершили подготовку к сражению. Еще к 20 ноября был выполнен план первого этапа сосредоточения частей 2-й ударной армии на ораниенбаумском плацдарме. Моряки Краснознаменного Балтийского флота с предельной организованностью выполнили эту задачу. Тяжелая боевая техника грузилась с городского причала у канатной фабрики, личный состав — с причала на Лисьем Носу. В декабре Невскую губу и залив стало забивать льдом. Это усложнило перевозки, затруднило и без того трудоемкие работы на причалах Лисьего Носа, потребовало особых мер маскировки и боевого прикрытия перехода через залив. Целая операция флота... Но она была проведена так, что для немецко-

фашистского командования до последних дней осталось неизвестным, перебрасываем ли мы войска на ораниенбаумский плацдарм или, наоборот, снимаем их оттуда на другое направление.

Последний этап подготовки операции проходил в армиях под руководством новых командармов.

В командование 42-й армией вступил генерал-полковник И. И. Масленников, прибывший в Ленинград незадолго до этого с Северного Кавказа на должность заместителя командующего фронтом. Он принял дела у генерал-лейтенанта И. Ф. Николаева, оставшегося заместителем командарма. Иван Федорович был ветераном 42-й армии, хорошо руководил ею в оборонительных боях, но не имел опыта крупных наступательных операций, а главное — ранение ноги не позволяло ему быть таким подвижным, как это требовала обстановка. Масленников, низкорослый, крепко сбитый, обладал огромной работоспособностью. Его резкость, зачастую грубость, смягчалась обычно членом Военного совета армии генералом В. П. Мжаванадзе, тоже ветераном боев за Ленинград. В целом в этой армии был исключительно слаженный командный и штабной состав; подготовка к ответственному моменту после длительной позиционной обороны проходила с огромным подъемом.

Почти такие же мотивы, как в 42-й, касались и смены командования 2-й ударной армии, где генерал-лейтенанта В. З. Романовского сменил генерал-лейтенант И. И. Федюнинский. Владимир Захарович Романовский, командовавший 2-й ударной армией в составе войск Волховского фронта при прорыве блокады зимой 1943 года, а затем в составе Ленинградского фронта после прорыва блокады, часто болел, а складывавшаяся обстановка требовала огромного напряжения сил. Иван Иванович Федюнинский был известен в Ленинграде всем по боям осенью 1941 года под Пулково, Волховом, Тихвином.

11 января 1944 года Л. А. Говоров и А. А. Жданов на заседании Военного совета фронта, на котором присутствовали командармы, подвели итоги подготовки войск к операции и объявили день ее начала: с ораниенбаумского плацдарма — 14 января, со стороны Пулково — 15 января.

Леонид Александрович, Жак всегда, лаконичен. Известная всем тетрадка лежит перед ним закрытой, но наверняка в ней бисерным почерком отмечено все по пунктам, словно план лекции в академии. Сейчас командующий фронтом как бы отделяет то, что проделано за три месяца подготовки. Пройдет еще трое суток, и наступит для всех совершенно иная жизнь.

Сегодня предмет особого внимания Говорова — намерения противника в динамике операции. Он подчеркивает: на правом фланге армии Федюнинского появились новые части — моторизованная бригада СС «Нидерланды». Она переброшена из Европы. У Гатчины сосредоточивается 61-я пехотная дивизия. Ее подтянули из-под Мги. Линдеман намерен драться упорно, это ясно.

Динамика обороны противника, его решения и действия в ходе операции — вот что должно быть объектом пристального внимания командующих армиями и их штабов, когда начнется наступление.

Андрей Александрович Жданов в свою очередь обращает внимание на то, что Говоров называл «опасной привычкой войск к окопной неподвижности» в период позиционной обороны. Ряд дивизий в обеих ударных группах до этого не участвовал в наступательных боях. Солдатам, командирам, политработникам предстоит очень резкий переход к длительному и сосредоточенному напряжению всех духовных и физических сил уже в иных формах боя, на большую глубину наступления. Этого нельзя забывать, руководя людьми.

Возможно, в связи с этими обстоятельствами и была произведена расстановка соединений в обеих ударных группировках при общем построении боевого порядка. Командующий фронтом и командармы не могли не учитывать в чем-то различной степени готовности тех или иных соединений к сложному бою при прорыве и его развитии.

В 42-й армии в первом эшелоне, состоявшем из трех стрелковых корпусов, в центре полосы прорыва были поставлены испытанные дивизии 30-го гвардейского стрелкового корпуса, имевшие значительный опыт в

организации атаки еще с прорыва блокады. И штаб корпуса генерала Симоняка, сформированный весной, обладал большей слаженностью в управлении соединениями и частями усиления, чем только что созданные штабы новых корпусов. Соседям Симоняка — корпусам первого эшелона (справа 109-му под командованием генерала И. П. Алферова и слева 110-му под командованием генерала И. В. Хазова) — предстояли, быть может, более трудные бои в самом начале прорыва, поскольку перед ними находились укрепленные города Урицк и Пушкин. Но центр и вершина тарана при прорыве главной полосы обороны противника имели в данном случае большую значимость для командующего фронтом.

Вообще-то, следует отметить, что Леонид Александрович был особенно внимателен к 30-му гвардейскому стрелковому корпусу. - Это касалось и укомплектования его личным составом, и материальной обеспеченности. Генерал Симоняк выговорил для корпуса, например, своеобразную привилегию: раненые в боях солдаты всех его соединений и частей по излечении обязательно возвращались в свои подразделения. Конечно, во всем этом главную роль играли не какие-то личные симпатии командующего фронтом к одному из командиров. Командующий фронтом в начале этой операции и в предвидении будущих стремился иметь среди многих хороших дивизий и отличные. Поэтому он и отдавал предпочтение гвардии.

На участке 2-й ударной армии прорыв должны были начать дивизии 43-го стрелкового корпуса генерала А. И. Андреева и 122-го корпуса генерала П. А. Зайцева. И здесь были войска, получившие опыт в недавних синявинских боях.

ПРОРЫВ И РАЗГРОМ

Туманная с изморозью ночь на 15 января сорок четвертого года. Как будто такая же бессонно-настороженная, как и два года назад, по всей полосе искалеченных южных окраин Ленинграда — от изрубленного снарядами Шереметьевского парка до развалин Пулковской обсерватории и одиноких печных труб на Средней Рогатке. В здании штаба фронта — в Смольном, как всегда, горит свет.

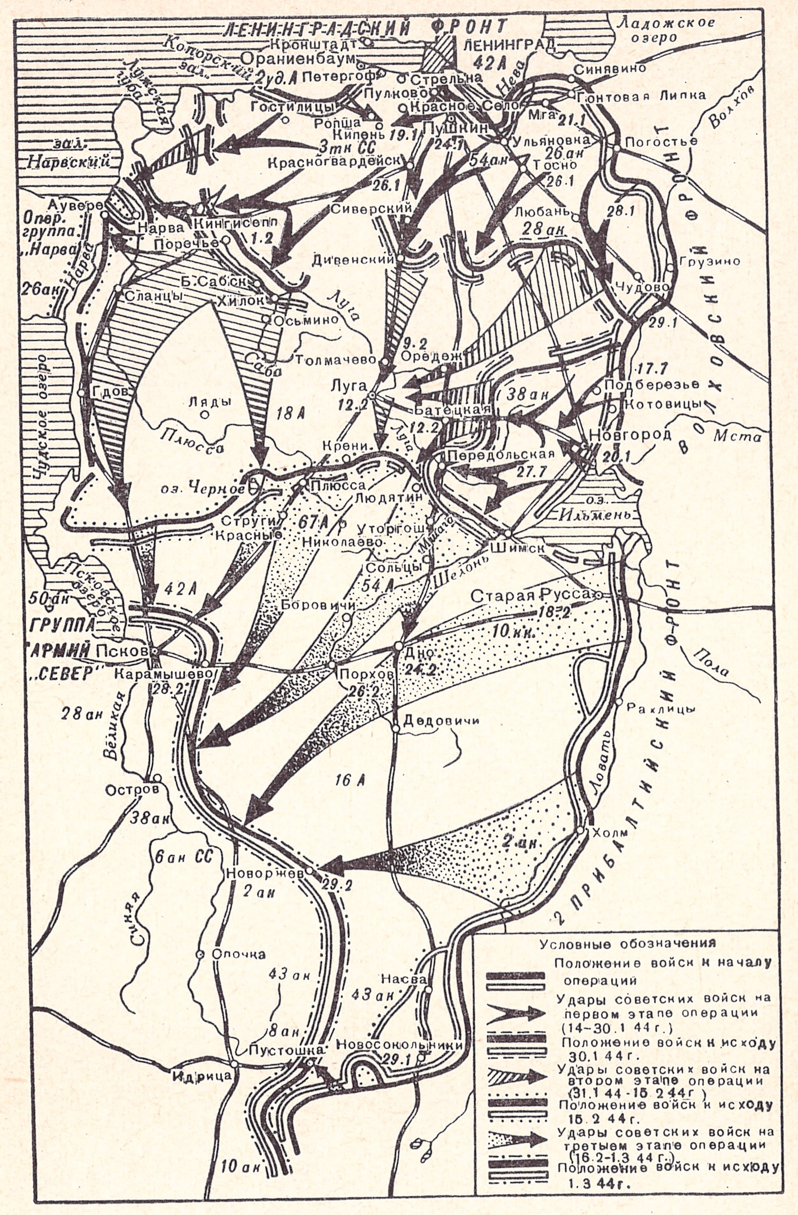
В пору глухой блокады перед рассветом лишь одиночки снайперы пробирались под Пулково поближе к немецким траншеям с пачкой патронов. Сегодня в густом тумане, чуть звякая оружием, идут и идут гвардейские дивизии генерала Симоняка. Они проходят пустынными улицами, через открытые для них баррикады, бетонные надолбы, через густую сеть проволочных заграждений, а потом расходятся в лабиринте глубоких траншей, добираясь с проводниками до исходного рубежа в 100—200 метрах от фашистов. Разведчики и саперы, готовившиеся к расчистке минных полей, даже слышат частые тревожные команды гитлеровских офицеров: «Ахтунг!..»

Операция началась, по существу, еще в ночь на 14 января внезапным авиационным ударом по самым важным целям в глубине обороны немцев. Особое беспокойство Говорова вызывала очень сильная группировка тяжелой дальнобойной артиллерии в районе хутора Беззаботного, к югу от Стрельны. Вражеские батарей там были укрыты в прочных долговременных сооружениях, могли маневрировать огнем в обоих направлениях нашего наступления. Борьба с этой группировкой велась давно. Леонид Александрович попросил Ставку Верховного Главнокомандования выделить специальную группу ночных бомбардировщиков авиации дальнего действия для массированного удара перед самой операцией. Такой удар и был нанесен.

Утром 14 января 2-я ударная армия генерала Федюнинского начала наступление с ораниенбаумского плацдарма. А сегодня главный удар с Пулково наносит 42-я армия генерала Масленникова.

Утро проходило в Смольном в напряженном ожидании сведений из 2-й ударной армии, куда вылетел через залив генерал армии Говоров. Сильный туман закрыл аэродром, и командующий 13-й воздушной армией генерал С. Д. Рыбальченко нервничал. Леонид Александрович решил все-таки возвратиться утром в Ленинград. Но как сядет самолет в таком тумане, да и найдет ли летчик аэродром?

Летчик нашел. Георгий Федотович Одинцов, летевший с Говоровым, поеживался, вспоминая перелет: «Долго мы кружились, спускались, поднимались, пытаясь пробиться к

Боевые действия по разгрому немецко-фашистских войск под Ленинградом и Новгородом в 1944 году

войну, будучи первым командующим Ленинградским фронтом в 1941 году. Это был генерал Маркиан Михайлович Попов. В 1942 и 1943 годах ему довелось воевать в самых горячих местах, участвовать в самых крупных сражениях того периода — под Сталинградом, Воронежем, Брянском, Курском. В последних боях, командуя 2-м Прибалтийским фронтом, он преследовал ту самую 16-ю немецкую армию, с которой столкнулся в 1941 году, когда немцы вели операции на окружение Ленинграда. Теперь он передал командование Прибалтийским фронтом генералу армии А. И. Еременко и вернулся в Ленинград.

И. И. Федюнинский. 1942 год

Когда начальники родов войск собрались у него после вступления в должность, Попов оглядел всех и с присущим ему юмором отметил:

— Что ж, товарищи, знакомые все вижу лица...

Так же как и Гусев, Маркиан Михайлович отличался от молчаливого Говорова общительностью, любил в свободную минуту взять в руки баян и спеть новую или старинную солдатскую песню. С членами Военного совета А. А. Ждановым и А. А. Кузнецовым и с командармами отношения у него были отличные еще с 1941 года. Военная эрудиция Попова вызывала большое уважение.

Да и с Говоровым у нового начальника штаба сразу установилось полное взаимопонимание, несмотря на различие в складе характеров. Они хорошо дополняли друг друга.

О предстоящих боевых действиях Маркиан Михайлович высказался кратко, как бы предвкушая планирование их с точки зрения оперативного искусства:

— Красивые будут операции...

Что касается Леонида Александровича, то его стиль работы не изменился: все решения всесторонне продуманы, приказания лаконичны, но предельно ясны. Он всегда

невидимой земле. Ни слои» не проронил наш Леонид все это время... Перед отлетом сказал только: «Мне надо быть в Ленинграде сегодня». И когда приземлились наконец, сказал коротко пилоту: «Спасибо».

Операция началась. Началось историческое сражение, знаменовавшее полную ликвидацию блокады Ленинграда, избавление населения города от изуверских обстрелов осадной артиллерией, а в целом — начало разгрома и краха всего северного крыла восточного фронта гитлеровцев.

Сжатая хроника событий такова.

15 января. Дивизии 30-го гвардейского корпуса генерала Симоняка протаранили первую позицию главной полосы обороны на глубину от 1,5 до 4,5 километра и стали вершиной клина. Справа и слева части 109-го и 110-го корпусов генералов Алферова и Хазова еще продолжают в ожесточенных штурмах взламывать первую позицию. Войска 2-й ударной армии генерала Федюнинского вторые сутки дерутся за ключевые узлы дорог в районе Гостилицы, Дятлицы, стремясь пробиться из бездорожных лесных районов. Говоров посылает туда на самолете начальника штаба фронта генерала Гусева с поручением ускорить развитие успеха.

16 января. Глубина прорыва силами корпуса генерала Симоняка достигла 8 километров; дивизия полковника Щеглова, оставаясь вершиной клина, взламывает вторую полосу обороны немцев, перерезая шоссе от Красного Села на город Пушкин. Части корпуса генерала Хазова штурмуют Александровку и населенные пункты, примыкающие к Пушкину. Войска 2-й ударной армии генерала Федюнинского, овладев Дятлицами, наступают на Ропшу. До нее 10 километров.

17 января. Говоров торопит командующего 42-й армией с вводом подвижной группы с целью быстрее замкнуть кольцо окружения петергофско-стрельнинской группировки. В подвижной группе две танковые бригады, усиленные двумя самоходными артиллерийскими полками, зенитно-артиллерийским полком, батареей противотанковых орудий и двумя саперными ротами. Однако попытка ее ввода в прорыв

в этот день кончилась неудачей: глубокий снег, нет колонных путей, не подавлена еще огневая система немцев на рубеже ввода. Яростные бои идут на подступах к Красному Селу,

В этот же день и генерал Федюнинский, развивая удар на Ропшу, вводит в бой свой танковый резерв: танковую бригаду с самоходным артиллерийским полком, легким артиллерийским дивизионом, стрелковым батальоном и саперами на машинах. Вводится в бой второй эшелон армии— 108-й стрелковый корпус генерала М. И. Тихонова.

Но и на участке 2-й ударной армии танковый резерв не пробился до Ропши — назначенного места встречи с частями 42-й армии. К ночи бой — еще в 5—6 километрах от Ропши.

Вся операция идет с огромным напряжением сил всех родов войск. Теперь совершенно ясно, что командующий 18-й немецкой армией Линдеман решил цепляться за каждый опорный пункт: у него сейчас нет другого выхода. Общий замысел двух фронтов ему ясен, так как войска Волховского фронта уже третьи сутки ведут упорные бои севернее и южнее Новгорода; одновременно они начали наступление и в направлении на Любань, угрожая мгинской группировке.

В ночь на 19 января генерал-полковник Масленников ввел в бой свой второй эшелон — 123-й стрелковый корпус генерала Г. И. Анисимова — для участия и штурме Красного Села и Дудергофа.

Перелом наступил, но есть ли на свете военачальник, который не жаждал бы не просто разгрома, а окружения вражеской группировки! А вечером Говорову доложили: из Стрельни, поселка Володарского и Горелово гитлеровцы спешно отходят в район Красного Села, выскальзывая из незатянувшейся еще петли. Происходит резкий разговор Говорова с Масленниковым: не дать врагу уйти! Недоволен Говоров, злится Масленников.

В ту же ночь два полка 63-й гвардейской стрелковой дивизии полковника А. Ф. Щеглова, усиленные саперами 17-й штурмовой бригады полковника Н. А. Руя, обходят Воронью Гору, врываются на нее с тыла и в яростном ночном бою уничтожают гарнизон этого мощного узла.

19 января. К 12 часам заканчивается ожесточенный штурм Красного Села. Яростно сопротивляющийся гарнизон гитлеровцев уничтожается почти полностью. Ближний бой идет среди горящих домов. Стоит зимняя стужа, а путь советским воинам преграждают потоки воды: это гитлеровцы, пытаясь задержать атакующих, взорвали плотину у станции и мосты через реку Дудергофка. В небе господствует наша авиация, полное превосходство наших войск и в танках. Первый этап операции завершается к вечеру. В 16 часов 50 минут введенная в прорыв подвижная танковая группа 42-й армии пробивается к Русско-Высоцкому, отрезая путь отхода вражеской группировке, не успевшей выскользнуть из района Петергоф, Стрельна, поселок Володарского.

В 21 час в районе Русско-Высоцкого и встретились разведывательные и передовые части 2-й ударной и 42-й армий. Это были разведчики 462-го полка 168-й стрелковой дивизии из 108-го корпуса 2-й ударной армии и саперы 54-го инженерного батальона 42-й армии, сопровождавшие танковую группу по традиции, как это было и при прорыве блокады в январе 1943 года, момент встречи и соединения войск 2-й ударной и 42-й армий был документально зафиксирован 20 января в районе Ропши.

Впоследствии один из подписавших этот акт — начальник штаба 189-й стрелковой дивизии 42-й армии полковник И. М. Турьян — рассказал автору этих строк, что в ходе последнего боя он находился в передовых частях 864-го полка этой дивизии и встретил части 43-й дивизии 2-й ударной армии, которые уже овладели Ропшей. Турьян, имевший при себе рацию, послал донесение об этом и был очень удивлен, когда через два часа его нашел офицер, посланный лично Jl. А. Говоровым и А. А. Ждановым для вручения на месте орденов командирам, руководившим боем при соединении двух армий фронта. Орденом Красного Знамени был награжден и Турьян.

Весь первый этап этого сложного зимнего сражения, длившийся непрерывно пять дней и ночей, проходил с первого часа в исключительно напряженном темпе для воинов всех родов войск. Естественно, он потребовал высокого напряжения командования, штабов и политорганов.

В иных масштабах, чем когда-либо раньше на Ленинградском фронте, организовывалось в динамике боя взаимодействие больших масс пехоты, артиллерии, танков, авиации. С этой целью командармы и командиры корпусов, дивизий иногда по два-три раза в сутки перемещали свои командно-наблюдательные пункты в зоны действий передовых частей.

Военный совет фронта отмечал на этом этапе операции как личные боевые качества отдельных командиров, так и массовый героизм солдат. Все это зафиксировала и сохранила история.

Лично о Леониде Александровиче Говорове можно сказать, что в ходе операции подтвердились многие из его предположений и расчетов. Несмотря па огромное наше превосходство в пехоте, артиллерии, авиации, танках, сопротивление врага все пять суток было крайне упорным. Как и предполагал командующий фронтом, на флангах полосы прорыва 42-й армии, где находились, укрепленные города, это сопротивление оказалось особенно длительным и более суток грозило срывом прорыва главной полосы обороны врага. В этих условиях части 30-го гвардейского стрелкового корпуса с честью выполнили свою роль — тарана. 63-я гвардейская стрелковая дивизия была вершиной клина до последних суток первого этапа операции уже в районе Красного Села, Дудергофа и Вороньей Горы. Ряд офицеров дивизии, в том числе и ее командир полковник Щеглов (ныне генерал армии), были удостоены звания Героя Советского Союза.

Но не все для Говорова, как командующего фронтом, было решено на этом этапе так, как он того хотел. Запять суток войска 42-й и 2-й ударной армий разгромили две немецкие дивизии и нанесли тяжелое поражение еще пяти дивизиям, но последние продолжали оказывать сопротивление наступающим. Было захвачено в плен более тысячи солдат и офицеров, осадные орудия петергофско-стрельнинской группировки, однако значительная часть живой силы противника успела все же отступить на рубежи Красного Села и за них. Командующий 18-й немецкой армией Линдеман всеми мерами сохранял силы для дальнейшей борьбы, и многое зависело теперь от того, как будет

обеспечен стремительный темп операции на дальнейших ее этапах.

19 января столица нашей Родины Москва салютовала войскам Ленинградского фронта двадцатью залпами из двухсот двадцати четырех орудий. Радио передало по стране приказ Верховного Главнокомандующего генералу армии Говорову с объявлением благодарности войскам и о присвоении соединениям и частям, отличившимся в этих боях, наименования Красносельских и Ропшинских.

В эти же дни войска 59-й армии генерала И. Т. Коровникова на Волховском фронте перерезали дороги, ведущие

От Новгорода на запад и юго-запад, с 20 января овладели Новгородом, захватив в плен более 3 тысяч фашистских солдат и офицеров. В тот же день войска Волховского фронта услышали приказ Верховного Главнокомандующего, объявлявшего им благодарность за воинский подвиг. Москва салютовала в их честь.

События охватывали теперь огромную территорию к юго-западу и югу от Ленинграда; в сражения двух фронтов вводились новые армии, как и предусматривал общий замысел.

Уже на вторые и третьи сутки после освобождения от врага Красного Села войсками Ленинградского и Новгорода войсками Волховского фронта резко изменилась обстановка на левом крыле Ленинградского фронта, на мгинском участке. Командующий немецко-фашистской группой армий «Север» Кюхлер под явной угрозой окружения своих главных сил решил быстро вывести группировку Линдемана из района Мги. 67-я армия Ленинградского фронта, которой командовал генерал-лейтенант В. П. Свиридов[22], была заранее предупреждена Говоровым о возможном развертывании событий. Однако войска генерала Свиридова едва успели заметить начало этого скрытно готовившегося Линдеманом отхода.

21 января части 124-й стрелковой дивизии 67-й армии и одновременно части 18-й стрелковой дивизии 8-й армии Волховского фронта, наступавшие с востока, ворвались в поселок и на станцию Мга. С падением этого важнейшего

узла обороны немцев пришли в движение все силы 67-й и 8-й армий на стыке двух фронтов. Немецко-фашистские части спешно отступили на тыловые рубежи; началось их преследование в общем направлении на юго-запад, к городу Луга.

В дальнейшем в более стремительном темпе происходило сражение и на участке 42-й и 2-й ударной армий, в центре Ленинградского фронта. Сильнейшие опорные пункты противника — города Пушкин, Павловск, Слуцк, а затем и «узел узлов» Гатчина — штурмуются с разных сторон. Линдеман стремится продлить их сопротивление, чтобы успеть отвести как можно больше сил армии на тыловые рубежи. 24 января части 42-й армии разгромили врага в Пушкине и Павловске (Слуцке). 26 января после ожесточеннейших боев на окраинах и в центре города была освобождена Гатчина.

Это особый день в летописи Ленинградской эпопеи, ибо взятие Гатчины и знаменовало, по существу, полную ликвидацию блокады города Ленина, окончательное прекращение обстрелов города дальнобойной фашистской артиллерией.

После салютов Москвы 21 и 24 января за освобождение Мги, Пушкина, Павловска (Слуцка) вечером 26 января прозвучал еще один салют в честь освобождения от немецко-фашистских захватчиков Гатчины (Красногвардейска) и снова звучал по радио приказ Верховного Главнокомандующего, в котором отмечались соединения и части, отличившиеся в боях Ленинградского фронта, двадцать командиров соединений и частей — стрелковых, артиллерийских, танковых, инженерных, авиационных.

27 января Военный совет Ленинградского фронта решил отдать специальный приказ войскам Ленинградского фронта в ознаменование победы. Его подписали командующий генерал армии Л. А. Говоров, члены Военного совета генерал-лейтенант А. А. Жданов, генерал-лейтенант

А. А. Кузнецов, генерал-майор Н. В. Соловьев и начальник штаба фронта генерал-лейтенант Д. Н. Гусев. Приказ был обращен не только к войскам фронта и морякам

Краснознаменного Балтийского флота, но и ко всем трудящимся города Ленина.

«В итоге боев, — говорилось в приказе, — решена задача исторической важности: город Ленинград полностью освобожден от вражеской блокады и от варварских артиллерийских обстрелов противника.

...Граждане Ленинграда! Мужественные и стойкие ленинградцы! Вместе с войсками Ленинградского фронта вы отстояли наш родной город. Своим героическим трудом и стальной выдержкой, преодолевая все трудности и мучения блокады, вы ковали оружие победы над врагом, отдавая для дела победы все свои силы» *.

Военный совет решил, что в этот вечер город Ленина будет салютовать доблестным войскам всего Ленинградского фронта в честь полного освобождения Ленинграда от вражеской блокады. Говоров и Жданов предложили командующему артиллерии дать салют столькими орудиями, сколько можно собрать в черте города.

В 20 часов 27 января 324 орудия дали салют двадцатью четырьмя залпами.

Почти все ленинградцы вышли на улицы, площади, набережные. Никто не хотел оставаться дома.

Операции Ленинградского и Волховского фронтов без пауз продолжали развиваться все глубже и шире. 28 января волховчане взяли Любань, 29-го — Чудово. Октябрьская железная дорога была очищена от противника. 1 февраля был взят Кингисепп, войска 2-й ударной армии генерала Федюнинского пошли на Нарву; 12 февраля войска 67-й армии генерала Свиридова овладели Лугой.

Нельзя не вспомнить, что в сражениях лета 1941 года немецко-фашистские войска, обладая несравнимым превосходством в пехоте, в том числе моторизованной, в танках, авиации, а также внезапностью вторжения, более двух месяцев шли от Луги до стен Ленинграда, неся при этом огромные потери на каждом рубеже.

Теперь они откатывались по тому же маршруту, но с еще большими потерями.

Сокрушительный разгром немецко-фашистских войск под Ленинградом и Новгородом вывел па новые оперативные направления войска трех фронтов: Ленинградского — командующий генерал армии Л. А. Говоров, 2-го Прибалтийского — командующий генерал армии М. М. Попов и 1-го Прибалтийского (бывший Калининский) — командующий генерал-полковник И. Х. Баграмян. В связи с изменением обстановки на Северо-Западном театре Ставка Верховного Главнокомандования 13 февраля расформировала Волховский фронт, передав его 8, 54 и 59-ю армии в состав Ленинградского фронта, а 1-ю ударную армию — в состав 2-го Прибалтийского.

Преследуя отступающую 16-ю армию, войска 2-го Прибалтийского фронта 18 февраля освободили от немецко-фашистских захватчиков Старую Руссу, 21-го — Холм, 26-го — Порхов.

А для Леонида Александровича Говорова наступил новый этап в деятельности командующего фронтом на очень обширном театре: на запад и юг — под Нарвой и Псковом, на север — на Карельском перешейке.

Глава ШЕСТАЯ
НОВЫЕ ЗАДАЧИ

Еще в Московской, Сталинградской и Курской битвах перед народами мира во всем величии раскрылись внутренние силы советского социалистического общества, руководимого партией коммунистов. В сорок четвертом году с еще большей очевидностью эти силы предстали перед миром: шаги советских солдат — избавителей народов от коричневой чумы стали слышны в Европе и за океаном.

В политическом плане сорок четвертый год для гитлеризма был годом ожидания близкой расплаты. Грызня шла в самой берлоге: покушения на фюрера, уничтожение им своих противников — вчерашних слуг, смятение и страх в разбойничьем союзе сателлитов Гитлера, лихорадочные попытки каждого военного преступника устоять на ногах.

В военном плане это был год крупнейших поражений немецко-фашистских войск. Гитлер все чаще смещал и

заменял своих командующих на различных участках. На ленинградском направлении Кюхлера сменил 31 января 1944 года генерал Модель. В конце марта был назначен Линдеман, в начале июля — генерал Фриснер, затем Шернер...

Перемещения следовали в лихорадочном темпе. Попытки таким способом восстановить разваливавшуюся военную машину неизменно терпели неудачу.

Сорок четвертый год для Советской Армии был годом возрастающего размаха и мастерства в проведении операций. Народ передавал фронту все в большем количестве превосходную боевую технику, солдаты рвались на запад с ясной и уже отчетливо видимой целью — уничтожить фашизм в его гнезде.

В феврале — марте войска Украинских фронтов разгромили и отбросили немцев за Днестр, освободили Правобережную Украину; в апреле — мае после освобождения Крыма и Одессы боевые действия переместились на территорию Румынии. Войска Белорусских фронтов готовились к разгрому главных сил — группы армий «Центр».

На Северо-Западном театре в середине апреля Ставка образовала 3-й Прибалтийский фронт, нацеливая его на освобождение Латвии. Говоров передал в его состав 42, 54 и 67-ю армии; в командование новым фронтом вступил генерал-полковник И. И. Масленников. В свою очередь в составе Ленинградского фронта формировалась новая, 21-я армия.

Такие изменения обусловливались конкретными задачами на ближайшее время: изгнание оккупантов из Эстонии силами 2-й ударной, 8-й и 59-й армий и разгром финских войск силами новой ударной группировки в составе 21-й армии и 23-й, стоявшей еще с 1941 года на рубежах Карельского укрепленного района.

Территориально эти направления были почти противоположны — на запад и на север от Ленинграда. В этом была определенная сложность. И нельзя не отметить, что генерал Говоров как бы компенсировал такую сложность

в управлении боевыми действиями продуманной расстановкой старших командных кадров и соединений. На нарвском участке оставались испытанные в минувших боях командармы И. И. Федюнинский и И. Т. Коровников. Командующим 21-й армией был назначен генерал-лейтенант Д. Н. Гусев, членом Военного совета —

В. П. Мжаванадзе. Из 42-й армии перешли в 21-ю командующий артиллерией М. С. Михалкин и начальник штаба Г. К. Буховец. В состав этой армии Леонид Александрович ввел дивизии и части усиления, участвовавшие в прорыве и разгроме немцев к югу от Ленинграда: это были отличные дивизии стрелковых корпусов Н. П. Симоняка, И. П. Алферова, Г. И. Анисимова, М. И. Тихонова, артиллерийский корпус прорыва Н. Н. Жданова.

По этому поводу сослуживцы шутили: Дмитрий Николаевич Гусев, говоря его словами, опять подобрал себе «подходящую семейку». Корпуса и дивизии его армии отличались боевой слаженностью, их командиры знали театр военных действий.

Характерно, что и начальником штаба к Говорову взамен Гусева прибыл человек, которого словно логическая закономерность событий возвратила туда, где он начал воину, будучи первым командующим Ленинградским фронтом в 1941 году. Это был генерал Маркиан Михайлович Попов. В 1942 и 1943 годах ему довелось воевать в самых горячих местах, участвовать в самых крупных сражениях того периода — под Сталинградом, Воронежем, Брянском, Курском. В последних боях, командуя 2-м Прибалтийским фронтом, он преследовал ту самую 16-ю немецкую армию, с которой столкнулся в 1941 году, когда немцы вели операции на окружение Ленинграда. Теперь он передал командование Прибалтийским фронтом генералу армии А. И. Еременко и вернулся в Ленинград.

Когда начальники родов войск собрались у него после вступления в должность, Попов оглядел всех и с присущим ему юмором отметил:

— Что ж, товарищи, знакомые все вижу лица...

Так же как и Гусев, Маркиан Михайлович отличался от молчаливого Говорова общительностью, любил в свободную минуту взять в руки баян и спеть новую или старинную солдатскую песню. С членами Военного совета А. А. Ждановым и А. А. Кузнецовым и с командармами отношения у него были отличные еще с 1941 года. Военная эрудиция Попова вызывала большое уважение.

Да и с Говоровым у нового начальника штаба сразу установилось полное взаимопонимание, несмотря на различие в складе характеров. Они хорошо дополняли друг друга.

О предстоящих боевых действиях Маркиан Михайлович высказался кратко, как бы предвкушая планирование их с точки, зрения оперативного искусства:

— Красивые будут операции...

Что касается Леонида Александровича, то его стиль работы не изменился: все решения всесторонне продуманы, приказания лаконичны, но предельно ясны. Он всегда требователен к себе и подчиненным, всегда Строг и принципиален. Среди воинов, офицеров и генералов фронта он пользуется огромным авторитетом и уважением. Кое-кто, правда, говорит, что Леонид Александрович чрезмерно строг. Однако подобные разговоры часто абстрактны. Еще в бытность генерала Гусева начальником штаба фронта один из работников Генерального штаба, приехав в Ленинград, удивился: и до Москвы, мол, дошли толки, что Говоров «свиреп», а вот он видит, что за два года его командования никого не отстранили, командные кадры в армиях, дивизиях, в штабе фронта старые. Гусев ответил на это любимой поговоркой:

— Семейка подобралась подходящая, зачем же ее разрушать? А воспитывать Леонид Александрович умеет по-своему.

Воспитание на войне... Оно всегда взаимное у начальников и подчиненных. Качества Говорова как командующего фронтом шлифовались в свою очередь беззаветной деятельностью огромного коллектива войск. Но он нес всю полноту ответственности за сотни тысяч

человеческих судеб, ответственности и моральной, и юридической, и исторической. Поэтому любые факты безответственности вызывали у него раздражение.

Так, например, с первых же дней своего командования он установил главный критерий эффективности оборонительных работ в войсках — минимум потерь при массированных артиллерийских обстрелах позиций. Не один командир дивизии получал от него и суровый нагоняй и выговор, если на его участке нельзя было пройти в полный рост по траншеям от командного пункта до переднего края.

Слово «бездельники» он почти не употреблял, но частенько говаривал: «Я с вами церемониться не намерен. Это война, а не игра в бирюльки».

А солдатам всегда ясна наглядность действий: на сотни выпущенных гитлеровцами снарядов оказывалось лишь несколько раненых.

Некоторые командармы и командиры соединений по укоренившейся ранее привычке при докладах командующему пытались ограничиваться изложением общей тактической обстановки или своего решения, а «детали» докладывали специалисты: артиллерист — свое, танкист, летчик, инженер, интендант — свое. Говоров быстро положил этому конец, резко отклоняя подобный доклад:

— Потрудитесь доложить вначале все сами. Будет необходимо, я спрошу и у них.

Этим он быстро вскрывал «белые пятна» в знании общевойсковыми командирами деталей взаимодействия родов войск, их боевых свойств.

Резкая вспыльчивость и возникала, и быстро отходила. Как-то он сделал в очень резкой форме замечание одному старшему командиру в штабе армии за просчет, ошибку. Командира этого он давно и хорошо знал, ценил и уважал за смелость и боевое мастерство. Присутствовавший при неприятном разговоре представитель Ставки маршал Ворошилов решил смягчить тон Говорова.

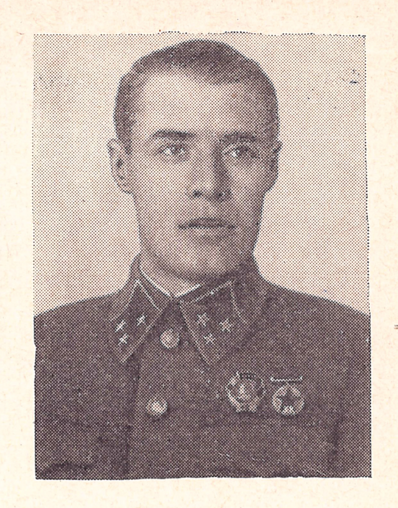
— Леонид Александрович, один бог не ошибается.

Говоров ворчливо, но уже добродушно ответил:

этому конец, резко отклоняя подобный доклад:

— Потрудитесь доложить вначале все сами. Будет необходимо, я спрошу и у них.

Этим он быстро вскрывал «белые пятна» в знании общевойсковыми командирами деталей взаимодействия родов войск, их боевых свойств.

М. М. Попов

Резкая вспыльчивость и возникала, и быстро отходила. Как-то он сделал в очень резкой форме замечание одному старшему командиру в штабе армии за просчет, ошибку. Командира этого он давно и хорошо знал, ценил и уважал за смелость и боевое мастерство. Присутствовавший при неприятном разговоре представитель Ставки маршал Ворошилов решил смягчить тон Говорова.

— Леонид Александрович, один бог не ошибается.

Говоров ворчливо, но уже добродушно ответил:

— Он же бездельник, бог. Может даже ошибаться. Нам-то этого не позволено делать.

Во время наступательной операции на нарвском участке командир одного из корпусов дал в штаб фронта срочную заявку на бомбовый удар авиации по противнику перед атакой своих частей, но атаку задержал, не предупредив об этом авиацию. Бомбежка вражеских позиций полностью использована им не была. Говоров сильно вспылил и немедленно дал указание начальнику штаба фронта написать приказ... об удержании с командира корпуса стоимости вылета авиационного полка, раздраженно сказав:

— Пусть не тратит зря народные деньги.

Маркиан Михайлович Попов, начальник штаба, пытался доказать командующему фронтом, что не только генералу, но и его детям за всю жизнь не расплатиться за такой перерасход горючего и боеприпасов. Говоров упирался до тех пор, пока А. А. Жданов, и то не без труда,

— Он же бездельник, бог. Может даже ошибаться. Нам-то этого не позволено делать.

Во время наступательной операции на нарвском участке командир одного из корпусов дал в штаб фронта срочную заявку на бомбовый удар авиации по противнику перед атакой своих частей, но атаку задержал, не предупредив об этом авиацию. Бомбежка вражеских позиций полностью использована им не была. Говоров сильно вспылил и немедленно дал указание начальнику штаба фронта написать приказ... об удержании с командира корпуса стоимости вылета авиационного полка, раздраженно сказав:

— Пусть не тратит зря народные деньги.

Маркиан Михайлович Попов, начальник штаба, пытался доказать командующему фронтом, что не только генералу, но и его детям за всю жизнь не расплатиться за такой перерасход горючего и боеприпасов. Говоров упирался до тех пор, пока А. А. Жданов, и то не без труда, уговорил его не подписывать такой приказ. Все знали, что добиться от Леонида Александровича отмены уже подписанного им приказа или решения дело очень трудное.

Частое общение Говорова с командирами многих частей и соединений привело к простоте их отношений, к пониманию своеобразия его характера. Один из командиров гвардейских дивизий, полковник Щеглов, человек веселый, острый на язык, предложил однажды Леониду Александровичу на учениях его дивизии в тыловом районе объехать участок верхом, зная пристрастие Говорова к хорошим коням. Коня подали горячего, Говоров не сразу сел.

— Что это он у вас такой пугливый?

Щеглов отчеканил серьезным тоном, хотя глаза его посмеивались:

— Он вас, товарищ командующий, боится, с нами он смирный.

Говоров принял шутку-намек.

— Что я, зверь что ли... Не особенно умные люди всегда чего-нибудь боятся... Вы-то не боитесь, как я наблюдаю.

Когда в Ленинграде, избавленном от осадного огня немецко-фашистской артиллерии, бурно развернулись

восстановительные работы, Леонид Александрович, как командующий фронтом, стремился помочь советским и партийным органам всем, чем мог, хотя его войска уходили все дальше к югу, а вместе с ними перемещался и командный пункт Говорова.

Однажды, будучи в городе, Говоров приехал по своей инициативе на одно из совещаний архитекторов. Собравшиеся несколько смутились, когда он спросил, не нужна ли им какая-либо конкретная помощь от него... На совещании шла речь не столько о материально-строительных проблемах восстановления разрушенных зданий, сколько о перспективах разработки нового генерального плана развития и реконструкции Ленинграда после войны. Главный архитектор города Николай Варфаломеевич Баранов ответил, конечно, благодарностью от имени всех. Он сказал Леониду Александровичу, что командование и войска, особенно артиллеристы и летчики, борясь с осадной артиллерией врага, и так сделали неизмеримо много для спасения архитектурных ценностей города. А сейчас они, архитекторы, думают уже о новом будущем Ленинграда. Мирном будущем.

Говоров помолчал, задумавшись, а потом вдруг сказал:

— Да, конечно, будущее. И глазами архитектора. Но не думаю, товарищ Баранов, чтобы вы забыли при этом о прошлом. Тоже глазами архитектора. Не знаю, как вам, а мне не раз за эти годы приходила мысль, что кроме военных усилий армии и населения сама архитектура Ленинграда — я имею в виду самый широкий смысл этого слова — во многом способствовала успеху борьбы за него в условиях осады. Как вы думаете?

Такого оборота разговора с командующим фронтом Николай Варфоломеевич Баранов, как он впоследствии вспоминал, не ожидал, ибо до того дня представлял себе Говорова как строгого военачальника в узком понимании этого слова. А оказалось, что главный архитектор города и командующий фронтом сразу нашли общий язык. Баранов давно и глубоко изучал по старинным архивным материалам историю строительства Петербурга во всех аспектах: и как чисто военного детища Петра, и как блистательной столицы,

где все элементы композиции так изумительно сочетали военную устремленность, военное могущество и строгую красоту. Строгую, но филигранную красоту эпохи.

А Говоров, изучая с первых дней приезда весной 1942 года Ленинград, как опорный центр театра военных действий, как крепость и арсенал со многими дальними и ближними фортами, бастионами, с могучей Невой от Шлиссельбурга до Финского залива, гранитом кварталов, зданий, с броневой сталью заводов и кораблей, не раз поражался широте исторического замысла и воплощению этого замысла в архитектурном искусстве великих мастеров. Говоров тоже хотел заглянуть вперед, в архитектурное будущее города, который имел такое огромное влияние на всю его жизнь — ив далеком прошлом и в настоящем.

РАЗГРОМ МАННЕРГЕЙМА

Еще в ходе войны, а затем и после ее окончания Ленинградский фронт получил от некоторых военачальников своеобразную марку — «артиллерийский» фронт. Основанием была длительная упорная борьба под Ленинградом с осадной артиллерией противника, неоднократные силовые прорывы долговременных укрепленных позиций в лоб, где огромное массирование артиллерии играло первостепенную роль. В операциях войск на сжатом блокадой театре не было глубоких ударов танковыми армиями и корпусами с окружением вражеских группировок. Да и лично Леонид Александрович Говоров отмечался в первую очередь как превосходный знаток природы и тактики артиллерии.

Но кроме отличной организованности и скрупулезности при подготовке силовых прорывов наступательные операции, которыми руководил Говоров, характерны еще и сложными перебросками ударных группировок на новые направления.

Скрытное сосредоточение на Карельском перешейке ударной группировки в 10—12 дивизий и 3 тысяч орудий — трудная задача! Тем более что всю эту армаду надо выводить с нарвского участка. Маннергейм, конечно, пристально следит за тем, что там происходит.

И зоной перегруппировки опять становится Финский залив. Наступают белые ночи. Как скрыть от разведки противника движение потока войск и техники через весь Ленинград?

Однако будущее показало, что подготовка операции прошла «красиво», как выразился М. М. Попов. Он предложи я Леониду Александровичу крупный маскировочный маневр: демонстрировать подготовку первоначального удара на Нарву, по немцам. Сосредоточить там переправочные средства, повысить авиационную и артиллерийскую активность. Ведь все равно придется через некоторое время прорываться через Нарву. Но пока — демонстрировать так, чтобы даже свои войска не знали истинного замысла.

План генерала Попова выполнялся четко. И его эффективность подтвердили через некоторое время пленные финские солдаты. Маннергейм перед самым прорывом на Карельском перешейке разрешил отпустить с фронта до десяти процентов солдат в отпуск на сельскохозяйственные работы. А в это время дивизии стрелковых корпусов Симоняка, Алферова, Тихонова перебрасывались ночами из Ораниенбаума на кораблях Краснознаменного Балтийского флота через Финский залив на Лисий Нос и растворялись в лесах Карельского перешейка. 97-й стрелковый корпус был переброшен по железной дороге. Артиллерийский корпус Н. Н. Жданова искусно обходил Ленинград и тоже исчезал в лесах.

Краснознаменный Балтийский флот отлично выполнил и второй раз быструю и скрытную переброску ударной группировки.

Прорыв и его развитие... Казалось бы, те же стандартные элементы подготовительного этапа: изучение противника, выбор участка главного удара, создание перевеса в силах и так далее... И одновременно всегда новое.

Говорову теперь предстояло решить проблему стремительного прорыва всей оперативной глубины финской обороны до самого Выборга — более 100 километров. А эта глубина включала три сильно укрепленные полосы, из

которых вторая, в 30 километрах от первой, представляла собой почти законченный строительством железобетонный пояс — около 2 тысяч долговременных сооружений, опоясанных гранитными надолбами, рвами, минными полями, колючей проволокой. Броневые купола на дотах имели толщину 30 сантиметров. Финны строили эту новую полосу с 1942 года с учетом накопленного к тому времени опыта создания укрепленного района. И нельзя было но признать их мастерства в фортификационных и маскировочных работах. Об этом говорили аэрофотоснимки, разведывательные карты.

А Говоров решил проводить всю операцию с темпом наступления по 12 километров в сутки! Это значило, что железобетонный пояс в глубине надо прорвать почти с ходу и взять Выборг через 10—12 дней после начала наступления. В советско-финляндскую кампанию 1939— 1940 годов на то же расстояние было потрачено 100 суток.

Уже проверенная Леонидом Александровичем слаженность штаба фронта, командармов и их штабов позволяла, казалось бы, снять немного напряжения в повседневном личном контроле, но он по-прежнему бывал на большинстве полевых учений, штабных играх, стрельбах на полигоне. Рассвет опять заставал его над картами, разведсводками; на столе лежала очередная общая ученическая тетрадь.

В это время семья Леонида Александровича была в Ленинграде. Сын Владимир стал артиллеристом и проходил боевую стажировку в артиллерийских частях, Лидия Ивановна готовилась подарить мужу второго сына. Быт командующего фронтом оставался в обычных границах: командный пункт — войска.

Вспоминая этот период совместной работы с Леонидом Александровичем Говоровым, генерал Попов рассказывал, как иногда среди ночи раздавался звонок и член Военного совета А. А. Жданов советовался с ним, как бы незаметно для Говорова переключать временно его связь с командармами на него, Попова: Жданову кажется, что Говоров нездоров, слишком перенапрягается.

Гипертонические головные боли действительно стали часто беспокоить командующего, но знала об этом тогда только жена да врач. Напряжения в работе Говоров не снижал. Позднее об этом узнали и в Ставке. Генерал-полковник Л. М. Сандалов в своих воспоминаниях о том периоде, когда Леонид Александрович по совместительству командовал Ленинградским и 2-м Прибалтийским фронтом, где начальником штаба был Сандалов, писал: «Генерал армии А. И. Антонов от имени Ставки приказал мне ежедневно в 24 часа переключать все телефоны на себя, брать управление войсками в свои руки, чтобы Говоров мог спокойно отдыхать до утра.

Когда я сообщил об этом Леониду Александровичу, он махнул рукой:

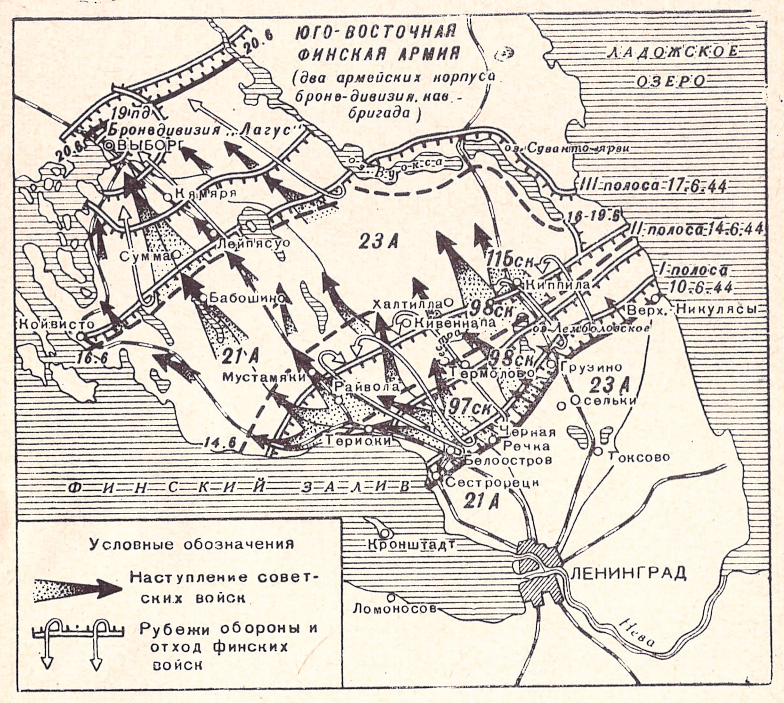
— А!.. Если бы можно было отключать мозг... Я от разных дум не могу заснуть» [23].

Известно из многих исторических трудов, как блестяще была проведена операция войск Ленинградского фронта на Карельском перешейке. Напомним, что, начав прорыв первой полосы обороны финнов 10 июня, войска 21-й армии генерала Гусева уже к 12 июня вышли к железобетонному поясу на глубине 30—40 километров. 14 июня начался штурм долговременного укрепленного района. В последующие шесть суток были прорваны вторая и третья оборонительные полосы, и 20 июня был взят Выборг.

Комментарии к этим событиям небезынтересны. В начале операции главный удар 21-я армия наносила в центре обороны противника силами 30-го гвардейского стрелкового корпуса. Там же была сосредоточена и большая часть 3-го артиллерийского корпуса прорыва. Гвардейские дивизии Щеглова, Путилова, Романцова вновь блестяще выполнили роль первого тарана, вновь стали вершиной клина в наступлении.

Но в ночь на 12 июня Говоров принял вдруг решение о резком маневре — массовой рокировке всего артиллерийского корпуса Жданова из района центрального Выборгского шоссе на левый, приморский фланг 21-й армии.

шая часть 3-го артиллерийского корпуса прорыва. Гвардейские дивизии Щеглова, Путилова, Романцова вновь блестяще выполнили роль первого тарана, вновь стали вершиной клина в наступлении.

Наступление войск Ленинградского фронта на Карельском перешейке в 1944 году

Но в ночь на 12 июня Говоров принял вдруг решение о резком маневре — массовой рокировке всего артиллерийского корпуса Жданова из района центрального Выборгского шоссе на левый, приморский фланг 21-й армии. Именно сюда командующий перенес главный удар при прорыве железобетонного пояса, здесь ввел в бой резервы.

Произошло это, как рассказывал впоследствии М. М. Попов, после разговора Леонида Александровича со Ставкой. Основываясь на крупном успехе первых двух дней наступления, Ставка установила срок взятия

Именно сюда командующий перенес главный удар при прорыве железобетонного пояса, здесь ввел в бой резервы.

Произошло это, как рассказывал впоследствии М. М. Попов, после разговора Леонида Александровича со Ставкой. Основываясь на крупном успехе первых двух дней наступления, Ставка установила срок взятия Выборга через шесть-семь суток. Дала директиву[24]. Но до Выборга по прямой линии птичьего полета еще 90 километров! И на дороге — долговременный укрепленный район. Говоров вначале рассчитывал дать войскам трое-четверо суток на подготовку к его прорыву. Гвардейцы Симоняка уперлись в особо мощный узел в районе Кивенаппы: 48 железобетонных дотов, по 12 на каждый километр. Они вписаны в разветвленную систему рвов, траншей, надолб. Лесистые сопки, вроде Вороньей Горы. Начальник разведывательного отдела штаба фронта генерал Евстигнеев докладывает Попову, что Маннергейм стягивает против Симоняка свои резервы, что туда вышла 18-я пехотная дивизия, части танковой дивизии «Лагус»; с медвежьегорского направления (Карельский фронт) перебрасывается еще 4-я пехотная дивизия.

Говоров, получив директиву Ставки, позвонил в Москву, доложил, что представляет собой долговременный укрепленный район, который предстоит прорвать. В докладе чувствовалось сомнение в возможности выполнить директиву точно в срок. Москва ведь не знала всех деталей обороны противника. По словам М. М. Попова, Верховный Главнокомандующий ответил командующему фронтом, что предоставляет ему право самому решать — прорывать ли укрепленный район с ходу или сделать паузу для основательной подготовки.

Еще одна бессонная ночь командующего, начальника штаба, всего Военного совета...

И решение принято. Паузы не делать, но главный удар перенести на побережье Финского залива. Резкий маневр, быстрый, внезапный для противника. Маннергейм видит, что в центре наступают самые сильные части. Слава о гвардейском корпусе Симоняка распространилась далеко. Видит Маннергейм и главную артиллерийскую группировку в

центре. Вот он и стягивает свои резервы туда. А удар будет нанесен на фланге. Там ввести 108-й корпус Тихонова, 110-й корпус Хазова. Там можно в полной мере использовать Краснознаменный Балтийский флот для десантов на острова Бьеркского архипелага, парализуя резервы Маннергейма в зоне Выборгского залива.

В ночь на 13 июля леса севернее Приморской железной дороги заполнились глухим гулом от движущегося потока автомашин и мощных тягачей с орудиями на прицепах. В полосе маневра работали 24 инженерных батальона, чтобы в спешном порядке пропустить артиллерийский корпус через участки с разрушенными мостами и дорогами.

В штабе фронта генералы Попов и Евстигнеев еще раз выверяют расчет сил противника, его возможные усилия. Подвижному, всегда немного нервному Маркиану Михайловичу Попову тесен его кабинет. Он ходит из угла в угол, бросая вопросы разведчику, инженеру.

— У Маннергейма сейчас шесть дивизий на второй полосе... Что будет через двое суток?

— Еще одна, а может быть, и две.

— Откуда?

— Быстрее всего их можно перебросить из северной части Финляндии.

— А еще через двое суток? И перед Выборгом?

— Может снять с Свири, если Карельский фронт не начнет наступления.

— Генерал армии Мерецков начнет. Но начнет тогда, когда мы подойдем к Выборгу. Значит, Маннергейм может и на это пойти... А зона оперативных заграждений перед Выборгом? Сколько времени потратит противник на ее создание?

— Двое суток, если получит паузу...

Начальник штаба все меряет шагами комнату, потом забирает карту, идет к Говорову.

Никогда еще с такой быстротой не развивалось наступление войск под Ленинградом, как в течение недели с 14 по 21 июня. Перенос направления главного удара и его внезапность решили все. 72-я дивизия генерала И. И.

Ястребова из 109-го корпуса вместе с 1-й Краснознаменной танковой бригадой подполковника И. Б. Шпиллера прорвалась в сильнейший узел укрепленного района — Кутерселькя, дивизии 108-го корпуса пробивали брешь вдоль самого побережья залива, гвардейцы генерала Симоняка связывали штурмом узла Кивенаппа резервы Маннергейма в центре.

Весь опыт прошлых боев был вложен в штурмы мощных железобетонных дотов и командирами и солдатами. В дивизиях сформированы уже не мелкие штурмовые группы, а целые батальоны, роты, отлично владеющие приемами атаки через несколько рядов гранитных и бетонных надолб, рвов. Пять снарядов надо танку, чтобы раздробить надолбу, пехота отлично «работает» термитными шарами, «кошками» на веревках, чтобы взорвать перед собой мины, зацепить их натянутые тросы; самоходные орудия бьют по амбразурам и броневым колпакам с предельно близких дистанций, пока саперы подтаскивают взрывчатку, чтобы покончить с дотом, если гарнизон не сдается.

Появилось новое выражение — «вожаки атаки». Это коммунисты и комсомольцы — лучшие мастера ближнего боя в траншеях, дотах. Десантом на танках прорываются в глубину обороны врага отряды минеров, чтобы не допустить разрушения противником мостов и дорог. И налицо еще полное господство в воздухе нашей авиации.

На рассвете 15 июня Говоров получил донесение, что противник ночью начал отход на участке 109-го корпуса генерала Алферова, дивизии которого проломили укрепленный район в пятикилометровом треугольнике Кутерселькя, Мустамяки, Сахакюля. Командарм Гусев отдал приказ: 1-й танковой бригаде повернуть на Приморское шоссе и отрезать весь узел Мятсякюля, где бои вели части 108-го корпуса генерала Тихонова.

Генерал Евстигнеев доложил Леониду Александрович чу свое мнение: Маннергейм решил оттянуть весь 4-й армейский корпус к Выборгу для его обороны. Он хочет уплотнить там войска, а на водных рубежах Вуоксы, наоборот, растянуть их. Эти рубежи по трудности их преодоления стоят долговременных укрепленных районов.

Говоров понимал замысел Маннергейма. Поэтому он настойчиво требовал от командующего 23-й армии генерала А. И. Черепанова, начавшего наступление справа от Гусева, форсировать расширение прорыва 21-й армии, «сматывая» оборону противника в сторону Ладожского озера. Надо было быстро отсечь 3-й армейский корпус противника, действующий против 23-й армии, от мощных водных рубежей Вуоксинской системы. Но здесь опять сказалась длительная «окопная неподвижность» войск и штабов 23-й армии: они продвигались вперед медленнее отступавшего противника.

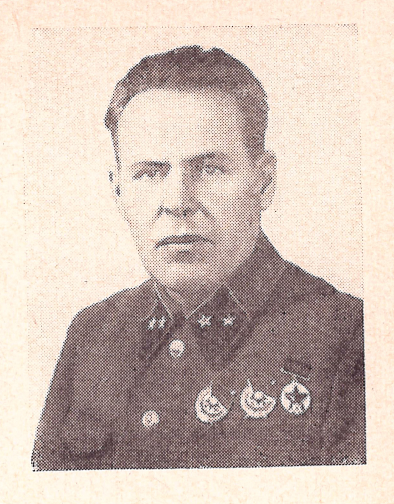
А судьба Выборга решилась на четвертые сутки после прорыва железобетонного пояса в полосе 108-го и 109-го стрелковых корпусов.

До Выборга оставалось еще 70 километров, однако борьба носила уже характер преследования, разгрома арьергардов. 16 июня дивизии прошли 15 километров, на следующий день — столько же, 18 июня — 25. Во взаимодействии с моряками Краснознаменного Балтийского флота был взят с боем полуостров Койвисто — город-порт.

В последние дни на Карельском перешейке появились немецкие бомбардировщики Ю-87 и истребители ФВ-190. Разведка сообщила, что в Хельсинки прибывают немецкие части и артиллерия. Из-за Ладожского озера со свирско-петрозаводского направления под Выборг перебрасывается еще одна дивизия и бригада, а также штаб 5-го армейского корпуса. Но для Маннергейма было уже поздно. Чтобы сохранить стремительность наступления, Говоров ввел последний подготовленный резерв на выборгском направлении — 168-ю а 265-ю дивизии 110-го стрелкового корпуса генерала Хазова. Теперь на Выборг в полосе шириной более 40 километров двигалось восемь дивизий трех стрелковых корпусов при непрерывной мощной поддержке почти Всех сил 13-й воздушной армии генерала Рыбальченко. Краснознаменный Балтийский флот вел борьбу за острова в Выборгском заливе.

18 июня день особенный для Леонида Александровича Говорова. Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР ему в этот день было присвоено звание Маршала Советского Союза; члену Военного совета фронта А. А.

А судьба Выборга решилась на четвертые сутки после прорыва железобетонного пояса в полосе 108-го и 109-го стрелковых корпусов. До Выборга оставалось еще 70 километров, однако борьба носила уже характер преследования, разгрома арьергардов. 16 июня дивизии прошли 15 километров, на следующий день — столько же, 18 июня — 25. Во взаимодействии с моряками Краснознаменного Балтийского флота был взят с боем полуостров Койвисто — город-порт.

А. И. Черепанов

В последние дни на Карельском перешейке появились немецкие бомбардировщики Ю-87 и истребители ФВ-190. Разведка сообщила, что в Хельсинки прибывают немецкие части и артиллерия. Из-за Ладожского озера со свирско-петрозаводского направления под Выборг перебрасывается еще одна дивизия и бригада, а также штаб 5-го армейского корпуса. Но для Маннергейма было уже поздно. Чтобы сохранить стремительность наступления, Говоров ввел последний подготовленный резерв на выборгском направлении — 168-ю и 265-ю дивизии 110-го стрелкового корпуса генерала Хазова. Теперь на Выборг в полосе шириной более 40 километров двигалось восемь дивизий трех стрелковых корпусов при непрерывной мощной поддержке почти всех сил 13-й воздушной армии генерала Рыбальченко. Краснознаменный Балтийский флот вел борьбу за острова в Выборгском заливе.

18 июня день особенный для Леонида Александровича Говорова. Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР ему в этот день было присвоено звание Маршала Советского Союза; члену Военного совета фронта А. А. Жданову и командующему 21-й армией Д. Н. Гусеву Совет Народных Комиссаров присвоил звание генерал-полковника.

Жданову и командующему 21-й армией Д. Н. Гусеву Совет Народных Комиссаров присвоил звание генерал-полковника.

19 июня с ходу была прорвана третья полоса обороны финнов.

Весь день 20 июня над Выборгом и над заливом висела наша авиация. На его окраинах уже дрались полки 90-й дивизии полковника Н. Г. Лященко, танкисты бригады подполковника И. Б. Шпиллера. Вечером город был взят.

А на другой день войска Карельского фронта начали наступление на свирско-петрозаводском направлении.

Финляндия, ее правительство, Маннергейм стали перед дилеммой — продолжать бессмысленную войну против СССР на поводке у Гитлера или быстро рвать этот поводок.

МАНЕВР И УДАР В ПРИБАЛТИКЕ

Не менее характерной, чем на Карельском перешейке, следует считать операцию войск Ленинградского фронта по разгрому немецко-фашистских войск в Эстонии в сентябре 1944 года.

К концу августа на северном направлении боевые действия должны вот-вот прекратиться. Ожидалось, что правительство Финляндии в ближайшие дни разорвет отношения с фашистской Германией и выйдет из войны. Тогда высвободятся значительные силы Ленинградского фронта.

В то же время не так хорошо шли дела на нарвском участке. Противник, используя узкий участок местности между Финским заливом и Чудским озером, создал там сильную нарвскую группу войск с большим количеством танков и артиллерии. Наши части — дивизии 2-й ударной и 8-й армий, форсировав реку Нарву, втянулись в затяжные бои с плацдармов, где нет места для маневра силами. А противник владеет всем побережьем к востоку и западу от Таллина, глубоким оперативным тылом, включая Моонзундские острова и Рижский, залив. Однако операция войск 3-го и 2-го Прибалтийских фронтов, продолжая развиваться западнее и северо-западнее Пскова и Псковского озера на территории Латвии, уже создают условия для близкого разгрома немецко-фашистских войск в районе Риги.

Еще южнее войска Белорусских фронтов, завершив крупную операцию, вышли на Вислу, затем на Неман, форсировали эту реку, подошли к границам Германии.

На юге уже освобождена территория всей Молдавской республики.

В такой обстановке маршал Говоров и решил предложить Ставке Верховного Главнокомандования свой новый замысел: глубокий марш-маневр 2-й ударной армии генерала Федюнинского от Нарвы на юг вдоль Чудского озера с переправой ее через трехкилометровую протоку Теплое озеро, между Чудским и Псковским озерами'.

Цель заключалась в том, чтобы, приняв от 3-го Прибалтийского фронта участок в районе города Тарту, нанести свежими силами внезапный удар на север, в направлении на Таллин и отрезать нарвскую группу войск.

Конечно, не одна бессонная ночь рождает у полководца новые замыслы, решения. Это не легкое мгновенное вдохновение.

В неизменных молчаливых собеседниках — рабочих тетрадях командующего можно увидеть процесс его труда. Раздумья над картой обширного театра военных действий перемежаются с расчетными выкладками, заданиями штабу на подготовку различных сведений, сводок. Живая сила и техника... Время и расстояние... Соотношение сил, варианты решения нового командующего группой армий «Север» генерал-полковника Шернера и командира 3-го танкового корпуса генерала Герцога, находящегося под Нарвой.

А замысел хорош. Начальник штаба фронта генерал Попов работал над ним с увлечением и был отличным помощником Леониду Александровичу Говорову. Переброска сил Ленинградского фронта за озера и удар оттуда на Таллин сразу создают для Шернера и для Герцога угрозу потери всех сил в Эстонии. Это не выталкивание. Бежать немцам из Эстонии придется быстро-быстро и только морем. Кроме того, оперативный замысел маршала Говорова выходит за рамки одного фронта: войска 3-го и 2-го Прибалтийских фронтов получают возможность форсировать события в направлении на Ригу, а 1-го Прибалтийского — на Мемель, на

побережье Балтийского моря, отсекая группу армий «Север» от группы «Центр».

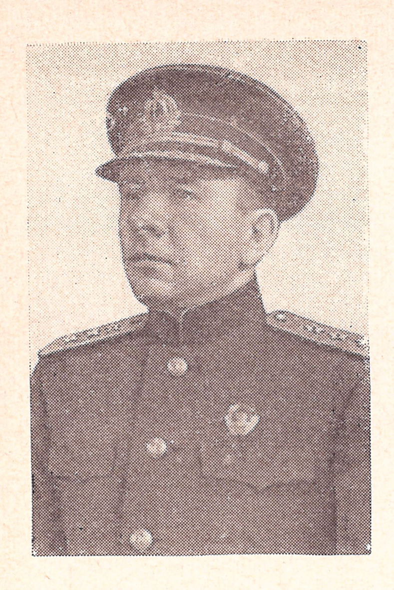
Леонида Александровича в те дни и ночи не раз можно было застать над картами всего Прибалтийского театра. Предварительно он побывал па тартуском участке3-го Прибалтийского фронта, советовался с генералом армии Масленниковым, рассчитал с командующим Краснознаменным Балтийским флотом адмиралом Трибуцем возможность использования его сил в операции как при переброске армии через Теплое озеро, так и под Таллином. Штаб фронта провел тщательную рекогносцировку маршрута и подходов к району переправ. Численность 2-й ударной армии определялась около 100 тысяч человек.

Такова была масштабность замысла — и оперативная, и организационно-техническая.

В Ставке Верховного Главнокомандования в этот период уже разрабатывалась общая стратегическая операция в Прибалтике на осенний период 1944 года с учетом предложений командующих фронтами. Предложение маршала Говорова о привлечении к этой операции и Ленинградского фронта было принято. 28 августа, еще до получения письменной директивы Ставки, штаб фронта по указанию Говорова развернул интенсивнейшую деятельность.

Марш-маневр и переправу 2-й ударной армии на западный берег Чудского озера Говоров взял под непосредственный контроль командования и штаба фронта, придавая исключительное значение его быстроте и скрытности.

Маскировочный план был сравнительно прост, но в этой простоте и заключался секрет замысла. Некоторое количество автотранспорта и тыловые части направить по дорогам на юг до самого Пскова и через Псков в район 3-го Прибалтийского фронта. Эти колонны пройдут мимо переправ. Воздушная разведка противника, от которой невозможно полностью скрыть движение войск на протяжении почти 200 километров, неизбежно увидит

В. Ф. Трибуц. 1944 год

тийского моря, отсекая группу армий «Север» от группы «Центр».

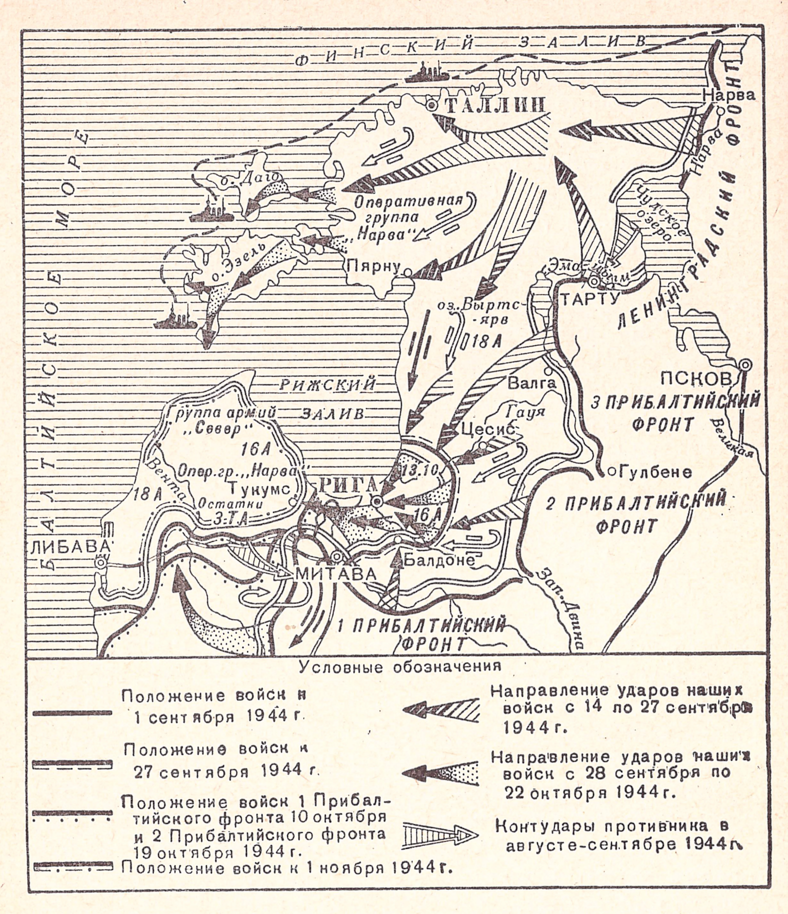
Леонида Александровича в те дни и ночи не раз можно было застать над картами всего Прибалтийского театра. Предварительно он побывал на тартуском участке 3-го Прибалтийского фронта, советовался с генералом армии Масленниковым, рассчитал с командующим Краснознаменным Балтийским флотом адмиралом Трибуцем возможность использования его сил в операции как при переброске армии через Теплое озеро, так и под Таллином. Штаб фронта провел тщательную рекогносцировку маршрута и подходов к району переправ. Численность 2-й ударной армии определялась около 100 тысяч человек.

Такова была масштабность замысла — и оперативная, и организационно-техническая.

В Ставке Верховного Главнокомандования в этот период уже разрабатывалась общая стратегическая операция в Прибалтике на осенний период 1944 года с учетом предложений командующих фронтами. Предложение маршала Говорова о привлечении к этой операции и Ленинградского фронта было принято. 28 августа, еще до получения письменной директивы Ставки, штаб фронта по указанию Говорова развернул интенсивнейшую деятельность.

Марш-маневр и переправу 2-й ударной армии на западный берег Чудского озера Говоров взял под непосредственный контроль командования и штаба фронта, придавая исключительное значение его быстроте и скрытности.

Маскировочный план был сравнительно прост, но в этой простоте и заключался секрет замысла. Некоторое количество автотранспорта и тыловые части направить по дорогам на юг до самого Пскова и через Псков в рай-

Разгром немецко-фашистских войск в Прибалтике в 1944 году

И опять он решил сделать артиллерию главной ударной силой в начале операции, создав плотность огня не менее 150 стволов на километр, а общий фронт прорыва определялся в 16 километров. 2400 орудий!

Ночные переправы огромной массы войск и техники через трехкилометровую протоку проходили с пяти пристаней-пирсов, подготовленных понтонными и саперными батальонами в зарослях прибрежных камышей. Работали тяжелые самоходные паромы «СП-19», паромы тяже-

колонны машин и техники и сделает вывод, что идет переброска войск от Нарвы на 3-й Прибалтийский фронт через Псков. В действительности же главные силы армии (три стрелковых корпуса с боевой техникой, артиллерийская дивизия прорыва, гвардейские минометные соединения и две танковые бригады) должны подходить к Теплому озеру — к переправам — по строжайшему графику и переправляться только ночью: невидимо «свернуть в переулок». Это были 30-й гвардейский стрелковый корпус генерала Н. П. Симоняка, 108-й стрелковый корпус генерала М. И. Тихонова, 23-я артиллерийская дивизия, 1-я и 152-я танковые бригады и еще ряд артиллерийско-минометных соединений. В ударную группировку вошел и 8-й Эстонский стрелковый корпус генерал-лейтенанта Л. А. Пэрна, сформированный еще в 1942 году.

Характерна для этого периода войны в сорок четвертом году концентрация сил для обеспечения быстроты маневра. В переправах участвовало шесть моторизованных понтонных батальонов, две инженерные бригады и 25-я бригада речных кораблей, созданная командованием Краснознаменного Балтийского флота на Чудском озере. От воздействия немецкой авиации переправы прикрывала 275-я истребительная авиадивизия и части 7-й зенитно-артиллерийской дивизии.

Чтобы дать представление о напряженности перегруппировки и переправы, позволим себе привести лишь несколько цифр и дат.

Директиву Ставки Верховного Главнокомандования маршал Говоров получил 2 сентября. Командарму Федюнинскому были даны предельно сжатые сроки: 3 сентября передать нарвский участок фронта 8-й армии, 4—5 сентября совершить переход (около 150 километров) и рекогносцировки, 6—10 сентября осуществить переправу, 14 сентября сосредоточиться в исходном положении для прорыва под Тарту, да еще с готовностью форсировать сразу в бою реку Амме.

К тому же Леонид Александрович приказал 13 сентября провести военную игру с командирами соединений по всей динамике предстоящего сражения.

И опять он решил сделать артиллерию главной ударной силой в начале операции, создав плотность огня не менее 150 стволов на километр, а общий фронт прорыва определялся в 16 километров. 2400 орудий!

Ночные переправы огромной массы войск и техники через трехкилометровую протоку проходили с пяти пристаней-пирсов, подготовленных понтонными и саперными батальонами в зарослях прибрежных камышей. Работали тяжелые самоходные паромы «СП-19», паромы тяжелого понтонного парка ТМП, тендеры с буксирными катерами 25-й бригады речных кораблей. К рассвету все исчезало в зарослях. Воздушная разведка противника видела только, как и было задумано, некоторые колонны машин, двигающиеся от Нарвы на Гдов, Псков и далее. Противник ничего не обнаруживал на озере, истребительная авиация прикрытия немедленно отгоняла от района переправ появляющиеся там вражеские самолеты. Никаких потерь, никаких бомбежек. 2-я ударная армия сосредоточилась скрытно и точно в сроки, определенные маршалом Говоровым.

Удар был внезапным, сокрушительным, с абсолютным превосходством в силах и немедленно вызвал у гитлеровского командования именно ту реакцию, которая ожидалась.

17 сентября 2-я ударная армия прорвала фронт обороны противника в районе Тарту, за сутки прошла с боями до 28 километров, и к вечеру Леонид Александрович уже получил донесение с нарвского участка, что спешно на машинах гитлеровцы начали оттуда отход: на Раквере — к Таллину и на Пярну — к Риге. Теперь речь шла явно о том, кто быстрее будет двигаться — бегущие немцы или преследующие их войска. 8-я армия генерал-лейтенанта Ф. Н. Старикова в ночь на 19 сентября перешла к преследованию. Говоров стремился отсечь нарвской группе пути к побережью Рижского залива в районе Виртсу, Пярну, откуда противник мог уйти на судах. Однако отсутствие крупных танковых соединений сказывалось при стремительном развитии событий. Армия Старикова за двое суток прошла 90 километров. Леонид Александрович передал в ее состав 8-й

Эстонский корпус из 2-й ударной армии. К утру 22 сентября подвижные отряды из танковых бригад с пехотой и самоходной артиллерией уже дрались в Таллине и в середине дня очистили от противника столицу Эстонской ССР. Еще через двое суток было освобождено от врага все западное побережье Эстонии от Палдиски до Виртсу.

Армия генерала Федюнинского в эти дни быстро продвигалась на запад, к Пярну, встречая лишь небольшое сопротивление арьергардов противника, прикрывающих бегство к порту. Город Пярну был занят 23 сентября, части 2-й ударной армии шли на юг, вдоль побережья Рижского залива, и 26 сентября на рубеже Салацгрива, Мазсальца встретились с войсками 3-го Прибалтийского фронта, наступавшими на Ригу с северо-востока.

27 сентября Ставка Верховного Главнокомандования вывела 2-ю ударную армию в свой резерв. 8-я армия завершила освобождение материковой части территории Эстонской ССР от немецко-фашистских оккупантов. Ей предстояло теперь во взаимодействии с Краснознаменным Балтийским флотом выбить фашистов с островов Моонзундского архипелага, куда успели переправиться на всех видах плавсредств остатки нарвской группы генерала Шернера.

Маршал Говоров был доволен и недоволен итогами операции, казалось бы, блестящей по темпам. Доволен выполнением своего замысла, подтверждением своего прогноза реакции противника и недоволен тем, что часть сил противника из Эстонии все же успела уйти на острова и в район Рижского обвода и будет действовать против войск соседних фронтов. Конечно, вероятность выскальзывания части немецко-фашистских сил в какой-то степени зависела от темпа прорыва и наступления соединений соседних фронтов, он оказался более медленным, чем планировалось Ставкой Верховного Главнокомандования. Это обстоятельство и вызывало досаду у Леонида Александровича. Он — Маршал Советского Союза. Имеет ли он право не требовать от себя большей ответственности за все, что происходит не только на его участке, но и на большом театре военных действий?

Глава СЕДЬМАЯ
КУРЛЯНДСКИЙ КОТЕЛ

Неповторимой была весна 1945 года, первые дни мая. И речь идет не об опьяняющем запахе черемухи, могучем дыхании зеленеющих полей, торжествующе-звенящих утренних трелях жаворонков. Все это было. Но все это еще венчалось ожиданием. Шли последние дни, а может быть, часы, минуты войны.

Ждали солдаты, ждали и маршалы.

На рассвете 7 мая в одном из маленьких домиков литовского городка Мажейкяй, где размещался командный пункт Ленинградского фронта, маршал Л. А. Говоров, член Военного совета генерал В. Н. Богаткин и начальник штаба генерал М. М. Попов тоже ждали чрезвычайных сообщений.

Леонид Александрович только что подписал текст ультиматума командованию курляндской группы немецко-фашистских войск, прижатых к морю, и приказал передать его в эфир на давно известной нашей разведке радиоволне вражеской радиостанции.

Тогда Военному совету еще не было известно, что примерно в те же часы, а точнее, в 2 часа 41 минуту 7 мая, в объятой агонией фашистской Германии, в городе Реймс, заканчивался последний акт войны. Главнокомандование германских вооруженных сил в лице Йодля уже поставило подпись на предварительном протоколе о капитуляции. Не было известно и то, что в эти же часы в ставке гроссадмирала Деница — преемника покончившего с собой Гитлера — оставшиеся главари фашизма еще лихорадочно искали возможность выиграть хотя бы сутки для сдачи в плен максимума своих войск не русским, а американцам и англичанам.

Через несколько часов из Ставки Верховного Главнокомандования, из Москвы, сообщили о происшедших событиях всем командующим фронтами. И о том, что начальник Генерального штаба генерал армии А. И. Антонов передал главам английской и американской военных миссий в Москве письмо, содержащее требование о подписании 8

мая в поверженном Берлине Акта о безоговорочной капитуляции взамен временного акта, подписанного Йодлем в Реймсе.

Немедленно по получении этого сообщения Говоров и Богаткин решили написать краткую листовку и сбросить ее над позициями немцев. Текст листовки тут же был переведен на немецкий язык и набран. Вскоре десятки тысяч красных листков рассеялись в воздухе над всем Курляндским полуостровом. В них излагалось требование к немецко-фашистским частям повсеместно сложить оружие и сдаться в плен.

Одновременно маршал Говоров приказал всем командующим армиями держать в готовности танковые и моторизованные группы для быстрого выхода в район портов Либава и Виндава. Для такого мероприятия были основания. На Курляндском полуострове еще шли бои. Здесь находилось более двадцати дивизий 16-й и 18-й армий бывшей группы армий «Север» (около 200 тысяч солдат и офицеров), именуемой теперь группой «Курляндия». Войска Ленинградского фронта — части 1-й ударной, 6-й и 10-й гвардейских, 51-й и 67-й армий — продолжали расчленять и дробить их в районе Тукумс, Салдус. Но разведданные говорили о том, что командование группы «Курляндия» все еще не оставило надежды ускользнуть, хотя бы частью сил, морем в Северную Германию. Бежать. Бежать от жуткой встречи с советскими судьями за злодеяния на советской земле, под Ленинградом.

...Шли часы. В домиках, занимаемых различными управлениями и отделами штаба фронта, генералы и офицеры, поставленные в известность о последних событиях, продумывали организацию приема огромного количества пленных.

В нескольких километрах от командного пункта в покинутой населением деревушке оборудовался лагерь — сборный пункт для пленных фашистских генералов и офицеров. По подсчетам начальника разведотдела П.П. Евстигнеева, генералитет курляндской группы должен был составлять свыше 40 человек. Петр Петрович ошибся на несколько человек, в меньшую сторону. И еще он ошибся в

одном: командовал группой уже не генерал-полковник Рендулич, а генерал пехоты Гильперт, бывший командующий 16-й армией. «Игральная колода карт» Гитлера продолжала тасоваться до последних дней. И Рендулича и его предшественника фельдмаршала Шернера, оказывается, перебросили на юго-запад, в Чехословакию и Австрию, где они возглавили остатки германских войск.

Леонид Александрович вызывал штабных офицеров, проверяя их подготовку к финальному акту. Некоторые моменты интересовали его не только в части организации процедуры быстрого приема огромного количества капитулирующих солдат и офицеров со всей их боевой техникой. Командующий артиллерией фронта генерал-лейтенант Одинцов доложил, что среди пленных будут и те, кто возглавлял осадную артиллерию, пытавшуюся превратить Ленинград в развалины.

— Теперь вы имеете возможность лично «познакомиться» с ними, товарищ Одинцов, — усмехнулся Леонид Александрович, когда Одинцов назвал командующего артиллерией 18-й армии генерала Фишера, командиров специальных осадных групп генералов Томашкн, Бауэрмайстера. — У вас будут к ним какие-либо специальные вопросы?

— Конечно, взглянуть, как они будут выглядеть теперь, небезынтересно, Леонид Александрович, — улыбнулся Одинцов. — Боюсь только, не зачешутся ли у меня руки во время такого знакомства... А рука у меня тяжелая.

— Ничего, выдержите и это испытание. Подготовьте заранее перечень вопросов. Кстати, в последних боях, немецкая самоходная артиллерия была очень активна во взаимодействии с танками при маневрах с рубежа на рубеж. Тактика оборонительных действий этим методом представляет определенный интерес. Это своеобразный броневой пояс при активной обороне. И очень маневренный.

Обсуждалась на Военном совете и проблема быстрейшего разминирования оборонительных рубежей немцев в Курляндии, их тыловых районов, портов на побережье. Там можно было ожидать всяких сюрпризов.

Маршал Говоров разрешил поставить «на уборку» все саперные батальоны капитулирующих — их должно быть больше двадцати, если считать по количеству дивизий. Инженерную службу в группе «Курляндия» возглавлял генерал Медем. Во время наступательных операций войск Ленинградского фронта саперы врага применяли не только массовое минирование зон отступления, но и изуверские приемы, вроде минирования трупов расстрелянных советских партизан и жителей окрестных сел.

— Как вы организуете контроль работ немцев по очистке местности? — спросил Леонид Александрович у пишущего эти строки.

Это было действительно довольно сложно, но помогала уже хорошо налаженная организация контроля разминирования специальными отрядами, располагавшими собаками минно-розыскной службы. В прошлом году этим методом проверялась работа финских саперов, убиравших на Карельском перешейке свои минные поля. Если собаки находили хотя бы одну мину, «уборщики» вынуждены были повторять поиск на всем участке.

— Что ж, проверьте этим способом так называемую «любовь» немцев к порядку и чистоте, — сказал маршал, утверждая план очистки Курляндского полуострова от мин и всех взрывоопасных предметов.

Шли часы. Временами Маркиан Михайлович Попов звонил в штабы армий, в разведотдел, где внимательно слушали эфир. Отовсюду докладывали: на фронте вялая стрельба, почти тихо. Тихо было и в эфире.

Как показали дальнейший ход событий, а также опро-, сы пленных генералов, причина молчания весь день 7 мая заключалась в том, что в штабе группы «Курляндия», в штабах ее армий и дивизий капитуляции предшествовало спешное уничтожение важнейших оперативных документов. На это ушли сутки, и Гильперт отмалчивался, хотя уже 7 мая знал о событиях в Реймсе.

На рассвете 8 мая маршал Говоров собирался отдать приказ о нанесении сильного бомбового удара по скоплениям немецко-фашистских войск в районе Либавы и Виндавы.

Наши надводные корабли и подводные лодки надежно блокировали побережье Балтийского моря и потопили уже много транспортов, пытавшихся пробиться из Курляндии, однако скопление в этих портах судов свидетельствовало, что Гильперт все еще хватается за соломинку.

В 7 часов станции радиоперехвата в Мажейкяо услышали наконец то, что ожидалось целые сутки: «Командующему Вторым Прибалтийским фронтом. Всеобщая капитуляция принята. Устанавливаю связь и спрашиваю, на какой волне возможна связь с командованием фронта. Командующий войсками группы «Курляндия» Гильперт, генерал пехоты».

Начальник разведотдела генерал Евстигнеев немедленно доложил этот радиоперехват Леониду Александровичу. Бомбовый удар был отменен.

Теперь эфир ожил. Некоторое время спустя Евстигнеев положил на стол Говорова еще одну перехваченную радиограмму: «...Циркулярно. Всем, всем... Всем военно-морским силам Востока. Ввиду принятия капитуляции седьмого мая сорок пятого года в 16.00 всем военным и торговым кораблям причалить к берегам, флаги спустить. Существующую до сих пор форму приветствия отменить. Штаб военно-морских сил Востока».

Леонид Александрович приказал послать Гильпорту радиограмму следующего содержания: «Прекратить эти военные действия во всех подчиненных войсках и выставить белые флаги к 14 часам. Выслать немедленно своего уполномоченного в пункт Эзере для подписания протокола о порядке сдачи в плен немецких войск». В 14 часов 35 минут пришел ответ Гильперта: «Господину маршалу Говорову. Подтверждаю прием Вашей радиограммы. Я приказал прекратить враждебные действия в 14,00 по немецкому времени. Войска, на которые распространяется приказ, выставят белые флаги. Уполномоченный офицер находится в пути по дороге Скрунда — Шомпали».

Небезынтересно, что в эти же примерно часы 8 мая в предместье Берлина Карлсхорст для подписания Акта о безоговорочной капитуляции Германии были доставлены из

Фленсбурга представители главного немецкого командования во главе с фельдмаршалом Кейтелем. Церемонию подписания Акта в Берлине открывал Маршал Советского Союза Г. К. Жуков. Исторический документ был подписан ровно в полночь 8 мая.

К этому моменту в Курляндии весь передний край в полосе 22 немецких дивизий был усеян белыми флагами. Оберквартирмейстер (начальник тыла) курляндской группы генерал Раузер по уполномочию Гильперта подписал в 22 часа 6 минут протокол о порядке сдачи в плен фашистских частей *.

Не следует считать случайным, что события конца войны привели маршала Говорова и штаб Ленинградского фронта на Курляндский полуостров.

Еще осенью сорок четвертого года после быстротечной операции в Эстонии Ставка Верховного Главнокомандования направила Леонида Александровича своим представителем на 2-й и 3-й Прибалтийские фронты, действовавшие на рижском направлении. Маршалу А. М. Василевскому, выполнявшему до этого такую функцию, поручалась координация операций 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов на главном и решающем направлении - мемельском. Там советским войскам предстояло разгромить 3-ю танковую армию противника, выйти к Балтийскому морю и тем самым отрезать врагу пути отступления из Прибалтики в Восточную Пруссию по сухопутью.

Для Говорова, за которым Ставка оставляла одновременно и пост командующего Ленинградским фронтом, новая миссия была непривычной и нелегкой. Операция под Ригой развивалась медленно, противник сопротивлялся с особым ожесточением и упорством, рассчитывал и на маневр в Восточную Пруссию частью сил группы армий «Север». Помимо того, что прорыв сильно укрепленных позиций под Ригой затягивался, полоса наступления на столицу Латвии была узка для двух фронтов, а в то же время каждый из командующих, чьи действия приходилось координировать, имели твердое желание освободить Ригу Силами подчиненных им войск. Характеры же у генералов армии А. И. Еременко и И. И. Масленникова

были далеко не уступчивые, когда дело шло о боевых действиях их фронтов.

Отдельные «нюансы» этой миссии очень живо описаны бывшим начальником штаба 2-го Прибалтийского фронта генерал-полковником А. М. Сандаловым в своих мемуарах. В частности, Сандалов доложил Говорову мнение командования и штаба 2-го Прибалтийского фронта о своеобразии обстановки, сложившейся в полосе двух взаимодействующих фронтов. Речь шла о явной целесообразности довольно крупных перегруппировок войск на всем рижском направлении в интересах общей задачи: не только освободить столицу Латвии, но и быстрее лишить противника возможности перебрасывать соединения из-под Риги к Клайпеде. Генерал Сандалов предлагал сменить части 2-го Прибалтийского фронта северней Даугавы частями 3-го Прибалтийского, что, по его мнению, могло создать лучшие условия для совместного наступления двух фронтов на Ригу с юга. Говоров согласился с таким вариантом, рассчитывая на разрешение Ставки осуществить его. И получил таковое. Однако в процессе самой операции по прорыву рубежа «Сигулда» и освобождению Риги не раз, по воспоминаниям Сандалова, сталкивался с такими сложностями, преодолевать которые оказалось далеко не просто.

«В сто раз лучше командовать фронтом, чем быть представителем Ставки! И Верховный недоволен и командования фронтов тоже... Я даже заболел. Замучали головные боли.

Он потер ладонями виски, вынул из нагрудного кармана коробочку с таблетками, кинул одну в рот, запил водой» [25].

После освобождения Риги, в штурме которой участвовали соединения обоих фронтов, 3-й Прибалтийский фронт был расформирован. Говоров возвратился на Ленинградский фронт, часть сил которого добивала немецко-фашистские войска на Моонзундских островах. Однако в феврале 1945 года, когда курляндская группировка противника была окончательно отрезана от восточно-прусской, Ставка снова направила Леонида Александровича на 2-й Прибалтийский фронт, теперь уже в качестве его командующего, не освободив от командования

Ленинградским фронтом. Войска последнего высвобождались и перебрасывались на другие фронты.

Войскам 2-го Прибалтийского фронта Ставка Верховного Главнокомандования поставила задачу во взаимодействии с Краснознаменным Балтийским флотом не допустить ухода блокированной курляндской группировки. На полуострове к этому времени находилось еще до 30 немецких дивизий численностью около 300 тысяч человек.

Маршал Говоров перебросил в Курляндию из состава Ленинградского фронта дополнительные силы и значительную часть своего штаба. В этих условиях управление 2-го Прибалтийского фронта стало излишним и вскоре было упразднено, а фронт стал называться Ленинградским.

В ходе боев войска фронта постепенно расчленяли большую и сильную курляндскую группировку. Сил для полного разгрома командующему фронтом не хватало. В то же время гитлеровское командование, как показали впоследствии Гильперт и командующие 16-й и 18-й армиями генералы Фолькамер и Беге, до последних дней рассчитывало использовать эту мощную группировку в центральной части Германии.

В связи с этими особенностями боевых действий на заключительном этапе в Курляндии характерен размах политической пропаганды среди вражеских войск, как одного из важных факторов, ускоряющих процесс разложения противника.

На одном из заседаний Военного совета фронта начальник Политуправления генерал-майор А. П. Пигурнов приводил ряд фактов и цифр, свидетельствовавших

об этом. Некоторые из них сохранились в записях автора, присутствовавшего на совещании.

В течение апреля 1945 года среди солдат и офицеров прижатой к морю курляндской группы было распространено 9 849 тысяч листовок, изданных Главным политическим управлением РККА, Политуправлением фронта и политотделами армий. Среди них были листовки о результатах зимнего наступления Красной Армии и

гигантских потерях немцев, приказ командующего фронтом маршала Говорова № 24 «Об отношении к капитулирующим немецким частям и к немецким военнопленным». В марте и апреле в Курляндии через звуковещательные станции и по радио было проведено около 13 тысяч передач для немецко-фашистских войск с предложениями о сдаче в плен. В таких передачах участвовали около 300 перебежчиков и пленных, обращавшихся непосредственно к солдатам своих полков и дивизий. В апреле немецкие солдаты из 12 различных дивизий с листовками-пропусками группами сдавались в плен.

Успешные действия в этот период нашей бомбардировочной авиации, кораблей Краснознаменного Балтийского флота, а также постепенное раздробление группировки на сухопутных участках «котла», достаточно наглядно убеждало противника в его обреченности.

То, что бывший 2-й Прибалтийский фронт именуется Ленинградским, Гильперт и его штаб узнали лишь 8 мая 1945 года. Судя по воспоминаниям свидетелей первых встреч немецких генералов с представителями маршала Говорова, это явилось для них неприятнейшим сюрпризом. Конечно, преступления против Ленинграда и его населения нельзя было скрыть ни перед кем, но Гильперт, Фёрч и другие фашистские генералы считали для себя худшим вариантом предстать перед непосредственными представителями города Ленина. Несколько генералов и старших офицеров, особенно из числа эсэсовцев, не явились на сборный пункт пленных, решив, по-видимому, спасаться бегством, а командир 50-го армейского корпуса генерал Боденхаузен предпочел пустить пулю в лоб.

Сдаваясь в плен, генералы и офицеры штабов 18-й и 18-й армий не упускали случая обмануть представителей советского командования. Вспоминая впоследствии те дни, генерал П. П. Евстигнеев и один из его помощников полковник Л. Г. Винницкий[26] рассказывали о том, как работники штаба курляндской группировки утаивали истинную численность своих войск. Отдельные группы гитлеровцев скрывались в окрестных лесах.

Маршал Говоров разрешил Гильперту пользоваться радиостанцией для более организованного управления войсками при капитуляции. Но в первую же ночь Гильперт нарушил данное советскому маршалу слово и предпринял попытку вести переговоры с преемником Гитлера Деницем. Леонид Александрович приказал немедленно изъять у Гильперта радиостанцию. Выяснилось также, что в штабах армий, корпусов, дивизий продолжается уничтожение документов о их численности, вооружении, имуществе и дислокации. Тогда Говоров дал указание перевести весь немецкий генеральский и офицерский состав на положение изолированных военнопленных.

Как вспоминает полковник Винницкий, «маршал Говоров принял решение «прочесать» весь Курляндский полуостров... Кое-где наши части наталкивались на мелкие группы немецкой армии, которые пытались оказывать сопротивление. Такие группы сравнительно легко вылавливались. Не сдававшиеся уничтожались. К исходу 16 мая весь Курляндский полуостров был очищен от противника.

17 мая Военный совет доложил Ставке Верховного Главнокомандующего, что в результате капитуляции немецких войск и последующего прочесывания Курляндского полуострова войска Ленинградского фронта взяли в плен: штабы курляндской группы армий, 16-й и 18-й армий, семи армейских корпусов, 22 дивизии, две боевые группы, мотобригаду, 50 отдельных батальонов, 28 артиллерийских соединений и частей, части инженерные, связи и прочие... Фронт захватил также до 2 тысяч орудий, свыше 400 танков и самоходных орудий, более 11 200 автомашин, 153 самолета и много другой техники и вооружения» Ч Всего на Курляндском полуострове сдалось в плен более 189 тысяч солдат и офицеров и 42 генерала [27].

11 мая Леонид Александрович вызвал Гильперта, Фолькамера, Беге. По привычке Говоров недовольно двигал локтями на столе, когда сидевший перед ним неестественно вытянутый, словно он проглотил палку, немецкий генерал пытался увиливать от прямых ответов на четкие и ясные вопросы о составе подчиненных армий, дивизий, их оперативно-тактических задачах. Говоров как бы экзаменовал

своих бывших противников, проверяя одновременно то, что знал еще в ходе боевых действий.

Наиболее характерна в этом отношении запись опроса командующего 18-й армией генерала Беге. Мы приводим лишь часть ее.

«***Говоров:*** В состав армии входили 1, 2, 10 корпуса?

Беге: И 50-й корпус.

Говоров: В состав 50-го корпуса входили дивизии, или он находился в резерве?

Беге: Штаб 50-го корпуса был направлен в район Гробиня с задачей организации эвакуации войск через порт Либава.

Говоров: В состав 10-го корпуса входили 30-я, 121-я пехотные дивизии и группа Гизе?

Беге: Так точно.

Говоров: В состав 1-го корпуса входили 126-я и 132-я дивизии?

Беге: Так точно.

Говоров: В вашем резерве находилась 14-я танковая дивизия? В вашем подчинении были гарнизоны Либавы и Виндавы?» [x].

Бывший командующий бывшей немецкой армии мог воочию убедиться, насколько точно советский маршал знал состав и задачи его армии в целом, отдельных ее частей, план эвакуации войск морем, замыслы обороны.

Это был допрос командующего. За ним последовал уже иной допрос — в трибунале. И иные вопросы к гитлеровским генералам, как военным преступникам, ответственным за злодеяния против мирных жителей городов и сел во время оккупации. Советский военный трибунал вынес свое справедливое решение. Однако некоторым из севших тогда на скамью подсудимых военным преступникам уроки, преподанные в 1945 году, и годы тюремного заключения не пошли впрок. Отпущенный через десять лет в Германию генерал Фёрч в 1958 году вновь решил надеть мундир и занять пост заместителя начальника штаба НАТО. По этому поводу генерал армии Попов, принимавший по поручению маршала Говорова капитуляцию Фёрча в мае 1945 года

напомнил последнему разговор, состоявшийся у них в тот день.

«— Вы убедились в бесплодности всяких «походов на Россию», теперь вы расстанетесь наконец с нелепой мечтой о пространствах на Востоке?..

— Даже если когда-нибудь мы, немцы, поднимемся и вновь станем государством, не только себе, но даже детям своим запрещу думать о походах на Россию» [28].

Я СДЕЛАЛ, ЧТО СМОГ

Послевоенная деятельность Леонида Александровича Говорова была очень разносторонней. Это еще одно свидетельство и его высокой военной и технической эрудиции, и того большого напряжения и ответственности, с какой он продолжал работать, хотя болезнь все чаще сковывала его организм.

На протяжении десяти лет маршал Говоров был главным инспектором Сухопутных войск, а затем Вооруженных Сил и заместителем Министра обороны СССР. По совместительству он занимал должность начальника Управления высших военно-учебных заведений. В 1948 году Леонида Александровича назначили командующим Войсками ПВО страны, оставив одновременно Главным инспектором Вооруженных Сил. В 1952 году маршал Говоров — заместитель Министра обороны по боевой подготовке. В 1954 году он снова главнокомандующий ПВО страны — заместитель Министра обороны СССР.

Вся деятельность Маршала Советского Союза Л. А. Говорова связана с непрерывным совершенствованием и техническим перевооружением Советской Армии, подготовкой ее командных и военно-научных кадров, работой научно-исследовательских институтов.

Много времени Леонид Александрович проводит на учениях в войсках всех округов и всех родов войск. И каждая полевая поездка совместно с командующими войсками округов, с работниками Генерального штаба заканчивается обобщением и анализом, позволяющими сделать новый шаг вперед в области оперативного искусства, или

организационно-штатной структуры войск, или конструкторских работ.

Авторитет Леонида Александровича Говорова в Генеральном штабе и у командующих войсками округов неизменно высок.

Много сил Леонид Александрович Говоров отдавал общественной деятельности. Он был депутатом Верховного Совета Союза ССР. В 1952 году на XIX съезде партии его избрали кандидатом в члены Центрального Комитета.

Гипертоническая болезнь давала частые обострения. Еще в начале 1954 года врачи рекомендовали Леониду Александровичу работать с меньшим напряжением, ограничить поездки в войска. Лечение не давало результатов: отдыхать он не умел...

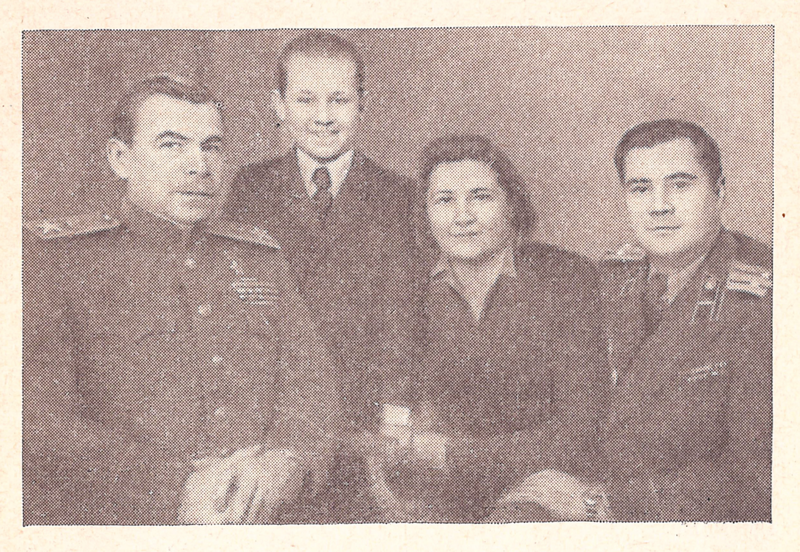
Начало 1955 года. Подмосковный санаторий «Барвиха». Из окон комнаты, где лежит смертельно больной Леонид Александрович, видны лишь запорошенные снегом березы. Именно здесь суровой осенью и зимой 1941 года, когда шла великая битва за столицу, располагался одно время его командный пункт. А теперь тишина...

Маршал тяжело переживает свою вынужденную бездеятельность. Не все, не все сделано из того, что он хотел сделать. Взгляд останавливается на книгах, журналах, которые лежат рядом с постелью. Здесь и последние материалы о зарубежной технике ракетных войск, и книги по философии. Лидия Ивановна знает, что бесполезно уговаривать его не читать. Он погладит ее руку, потом спросит о младшем сынишке-баловне, которому только одиннадцатый год: «А где наш малой? Приведи его ко мне...» — и снова возьмется за книгу.

19 марта Леонид Александрович долго находился в тяжелом состоянии, а когда ему стало немного легче, попросил жену и старшего сына написать под его диктовку письмо Центральному Комитету партии. Но видя, что близкие волнуются, он попросил вызвать Александра Васильевича Романова, офицера для поручений, с которым не расставался с первых дней войны. Напрягая последние силы,

ничить поездки в войска. Лечение не давало результатов: отдыхать он не умел...

Начало 1955 года. Подмосковный санаторий «Барвиха». Из окон комнаты, где лежит смертельно больной Леонид Александрович, видны лишь запорошенные снегом березы. Именно здесь суровой осенью и зимой 1941 года, когда шла великая битва за столицу, располагался одно время его командный пункт. А теперь тишина...

Семья Говоровых. 1951 год

Маршал тяжело переживает свою вынужденную бездеятельность. Не все, не все сделано из того, что он хотел сделать. Взгляд останавливается на книгах, журналах, которые лежат рядом с постелью. Здесь и последние материалы о зарубежной технике ракетных войск, и книги по философии. Лидия Ивановна знает, что бесполезно уговаривать его не читать. Он погладит ее руку, потом спросит о младшем сынишке-баловне, которому только одиннадцатый год: «А где наш малой? Приведи его ко мне...» — и снова возьмется за книгу.

19 марта Леонид Александрович долго находился в тяжелом состоянии, а когда ему стало немного легче, попросил жену и старшего сына написать под его дик-

он продиктовал слова сыновней благодарности Коммунистической партии. Она открыла ему дорогу в большую жизнь, оценила его ум и талант, доверила руководство войсками в суровых боях за свободу и независимость Отчизны.

«...Я должен был бы сделать больше, но сделал, что успел, что смог...»

Это были его последние слова.

Советский народ и Коммунистическая партия высоко и достойно оценили боевые заслуги Маршала и Героя Советского Союза Леонида Александровича Говорова. Он был награжден орденом «Победа», пятью орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова I степени, орденом Кутузова I степени, орденом Красной Звезды и многими медалями. Его именем названы одна из улиц Ленинграда, теплоход на Балтике, Радиотехническая академия в Харькове. В Военной академии имени Ф. Э. Дзержинского среди имен выдающихся выпускников и начальников золотыми буквами высечено на мраморе имя Леонида Александровича Говорова. На стене здания Военной академии имени М. В. Фрунзе установлена мемориальная доска с его именем.

Маршал Страны Советов похоронен у Кремлевской стены.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Борис Владимирович Бычевскай

«МАРШАЛ ГОВОРОВ»

Редактор *В. С. Лупач*

Художник *Б. С. Иванов*

Технический редактор *Н. Я. Макарова*

Корректор *Л. А. Чернова*

Г-70014. Сдано в набор 16.1.70 г. Подписано в печать 16.7.70 г. Формат бумаги 84 X Ю8[1]/». Печ. л. 5'/а- Уел. печ. л. 9.24 Уч.-изд. л. 9,343. Бумага типографская № 1 Тираж 50000 экз. Изд. № 2/8755. Цена 49 коп. Зак. 65

Ордена Трудового Красного Знамени

Военное издательство Министерства обороны СССР. Москва, К-160 1-я типография Воениздата

Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3

Бычевский Б. В.

Б95 Маршал Говоров. Художник Иванов Б. С., Военное издательство, 1970. 176 с.

Среди прославленных советских полководцев Великой Отечественной войны видное место занимает Маршал Советского Союза Леонид Александрович Говоров.

В книге, которую написал один из близких сотрудников Л. А. Говорова, показан яркий жизненный и боевой путь маршала.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, прежде всего на молодежь.

1-12-2

310-69

9(с) 27(092)

1

См. там же, стр. 134.

2

Там же,

3

См. История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945. Т. 2. М., Воениздат, 1960, стр. 470.

4

См. «Военно-исторический журнал», 1966, Л» 3, стр. 39—40.

5

«Борьба за власть Советов в Томской губернии» (1917—1919 гг.). Сборник документальных материалов (к 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции). Томск, 1957, стр. 159.

6

«Знамя революции» (Томск), 31 октября (12 ноября) 1917 г.

7

См. «Знамя революции», 26 февраля 1918 г.

8

А. Д. Цирлин ныне генерал-полковник инженерных войск в отставке, доктор военных наук, профессор.

9

Л. М. Сандалов. Пережитое. М., Воениздат, 1961, стр. 23.

10

Генерал-инспектором был назначен Герой Советского Союза генерал-лейтенант М. А. Парсегов, бывший начальник артиллерии Ленинградского военного округа и 7-й армии в период советско-финляндской ворян.

11

«Военно-исторический журнал», 1962, № 9, стр. 29—33.

12

Архив МО СССР, личное дело Л. А. Говорова, № 1893083.

13

С сентября 1943 года Н. Н. Жданов командовал специально сформированным артиллерийским контрбатарейным корпусом, который позже стал корпусом прорыва. В послевоенное время генерал-полковник артиллерии Н. Н. Жданов возглавлял Главное Артиллерийское управление Советской Армии. Умер в 1966 году.

* Н. Н. Жданов. Огневой щит Ленинграда, стр. 113.

14

И. П. Барбашин и др. Битва за Ленинград, стр. 158.

15

«Волшебный огонь» *(нем.).*

16

«Совершенно секретно! Только для командования!» Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. М., изд-во «Наука», 1967, стр. 390.

17

См. СССР в Великой Отечественной войне. 1941—1945 гг. (краткая хроника). М., Воениздат. 1964, стр. 230.

18

См. А. И. Манкович. Бой у острова Сухо. М., Воениздат, 1958.

19

30-й гвардейский стрелковый корпус был сформирован в апреле 1943 года. В его состав вошли 45-я гвардейская стрелковая дивизия под командованием полковника С. М. Путилова и две дивизии, получившие почетное гвардейское звание за заслуги при прорыве блокады: 136-я и 327-я, переименованные в 63-ю и 64-ю гвардейские. Командиром корпуса был назначен генерал-майор Н. П. Симоняк, удостоенный звания Героя Советского Союза. Командиром 63-й гвардейской стрелковой дивизии взамен Н. П. Симоняка был назначен полковник А. Ф. Щеглов. 64-й дивизией командовал генерал-майор И. Д. Романцов.

20

См. И. П: Барбанин и др. Битва за Ленинград, стр. 300.

21

С. М. Штеменко. Генеральный штаб в годы войны. М., Воениздат, 1968, стр. 200—201.

22

В период подготовки к зимней наступательной операции управление 55-й армии на колпинском участке фронта было расформировано, а войска, входившие в ее состав, подчинены 67-й армии.

23

Л. М. Сандалов. Трудные рубежи. М., Воениздат, 1965, стр. 141.

24

См. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945. Т. 4, стр. 140, 141.

Архив МО СССР, ф. 217, оп. 1227, д. 97, лл. 11—14.

25

См. Архив МО СССР, ф. 217, оп. 1649, д. 129, л. 10.

26

См. «Ленинградская правда», 29 апреля 1965 года.

27

См. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945. Т. 5. М., Воениздат, 1963, стр. 353.

28

«Красная звезда», 23 октября 1958 года.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Борис Владимирович Бычевский
МАРШАЛ ГОВОРОВ

Редактор *В. С. Лупач*
Художник *Б. С. Иванов*
Технический редактор *Н. Я. Макарова*
Корректор *Л. А. Чернова*
Г-70014. Сдано в набор 16.1.70 г. Подписано в печать 16.7.70 г.
Формат бумаги $84 \times 108^1/_{32}$. Печ. л. $5^1/_2$. Усл. печ. л. 9,24
Уч.-изд. л. 9,343. Бумага типографская № 1
Тираж 50000 экз. Изд. № 2/8755. Цена 49 коп. Зак. 65
Ордена Трудового Красного Знамени
Военное издательство Министерства обороны СССР. Москва, К-160
1-я типография Воениздата
Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3

Бычевский Б. В.

Б95 Маршал Говоров. Художник Иванов Б. С., Военное издательство, 1970.

176 с.

Среди прославленных советских полководцев Великой Отечественной войны видное место занимает Маршал Советского Союза Леонид Александрович Говоров.

В книге, которую написал один из близких сотрудников Л. А. Говорова, показан яркий жизненный и боевой путь маршала.

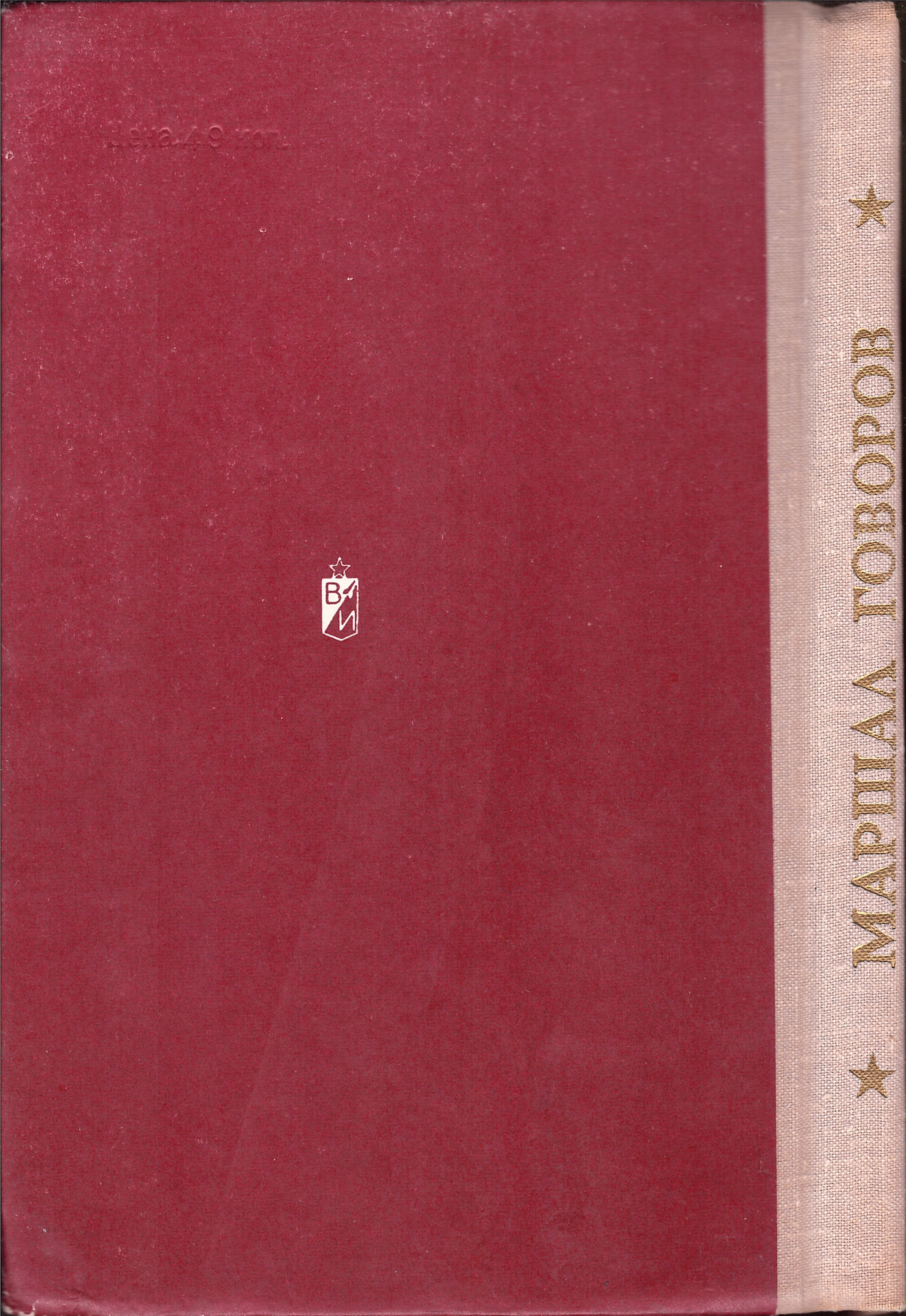
Книга рассчитана на широкий круг читателей, прежде всего на молодежь.

1-12-2

310-69 **9(с) 27(092)**

2

Цена 4,9 коп.

Цена 49 коп.
В И
МАРШАЛ ГОВОРОВ

Цена 49 коп.
СОВЕТСКИЕ ПОЛКОВОДЦЫ И ВОЕНАЧАЛЬНИКИ
ВИ